

НАУЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО «АРГУМЕНТ»
МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ ГОРОДА ЛИПЕЦКА
ЦЕНТР ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ «ЭКИС»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АКСИОМА»

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ»

Российская Федерация, г. Липецк, 28 октября 2009 г.

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

международной научной заочной конференции

Издательский центр «Де-факто»
Липецк, 2009

НАУЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО «АРГУМЕНТ»
МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ ГОРОДА ЛИПЕЦКА
ЦЕНТР ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ «ЭКИС»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АКСИОМА»

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ»

Российская Федерация, г. Липецк, 28 октября 2009 г.

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

международной научной заочной конференции

Ответственный редактор:
А.В. Горбенко

Издательский центр «Де-факто»
Липецк, 2009

ББК 87
А43
УДК 1:32.001

Актуальные вопросы современной философии и политологии [Текст]: Сборник докладов международной научной заочной конференции (Липецк, 28 октября 2009 г.) / Отв. ред. А.В. Горбенко. – Липецк: Издательский центр «Де-факто», 2009. – 136 с.

Сборник включает тексты научных докладов участников Международной научной заочной конференции «Актуальные вопросы современной философии и политологии», состоявшейся 28 октября 2009 г. в г. Липецке (Российская Федерация). В конференции приняли участие исследователи из России, Украины, Казахстана.

Доклады сгруппированы по секциям в соответствии с принятой классификацией направлений в современной науке.

Редакционная коллегия сборника:

А.А. Линченко
А.В. Горбенко
Д.Н. Мясоедов
К.Д. Захаров
С.Д. Зубков
А.Е. Сундеев
Е.М. Мосолова
А.И. Егоров

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАПРАВЛЕНИЕ 1: «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

Секция 1.1: «Онтология и теория познания»

Т.Ю. Денисова. ЦЕЛОЕ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОНТОЛОГИИ Н. ГАРТМАНА	7
А.Г. Новиков. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ НАУКИ	11

Секция 1.2: «История философии»

Т.Н. Захарова. «РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА И МОРАЛЬ» В ФИЛОСОФИИ С.КЪРКЕГОРА И Л.ШЕСТОВА	15
Т.С. Павлова. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИИ ПРАВА И ЗАКОНА В КОНЦЕПЦИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ.....	18

Секция 1.3: «Эстетика, этика»

И.И. Душенин. ВОПРОСЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ	22
---	----

Секция 1.4: «Логика, философия науки и техники»

В.И. Астафуров, М.А. Маренный. ФИЛОСОФСКИЙ И ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ – ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ	28
---	----

Секция 1.5: «Социальная философия»

М.А. Боттаева. СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ	34
А.В. Григорьев. ФЕНОМЕН РИСКА ПОТЕРИ САМОРАЗВИТИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	36
А.А. Громов. ЛАТЕНТНОЕ НАСИЛИЕ	39
О.С. Жарова. СУБКУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ «МЕНЕСТРЕЛЕЙ» КАК ФАКТОР ПОСТФОЛЬКЛОРА В РАМКАХ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ.....	42
И.Ю. Зотина. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФА НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО	44

Секция 1.6: «Философская антропология, философия культуры, философия религии и религиоведение»

Н.П. Безуглова. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ	46
А.А. Исаев. ФИЛОСОФИЯ: УНИВЕРСИТЕТ КАК ФОРМА ЖИЗНИ	52
Д.В. Львов. ИЕРАРХИЧЕСКИЙ АРХЕТИП В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ	57
Е.В. Папченко. РОЛЬ СЕНСУАЛИЗМА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЧУВСТВЕННОСТИ	59
К.В. Сосновская. ПРОЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ.....	61
В. Цзянь. ПУТЬ «ДАО» В ЖИВОПИСИ КИТАЯ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ СИМВОЛИЗМА	64
А.А. Шишкина. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В РАМКАХ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА	66

НАПРАВЛЕНИЕ 2: «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Секция 2.1: «Теория и философия политики, история и методология политической науки»

Н.В. Деева, Ю.С. Коноплин. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XX ВЕКА	71
Б.Т. Куппаева. СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МАРКСИЗМА	76
Б.Т. Куппаева. ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРИТАРНОГО ЛИДЕРСТВА.....	81
А.Г. Новиков. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ	86
Е.Ю. Потапчук. МЕТАФОРЫ ВЛАСТИ	88
О.В. Пронькина. БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	90

Секция 2.2: «Политические институты, процессы и технологии»

А.Р. Андрианова. СНИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ КАК ОСНОВНОГО РЫЧАГА УПРАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «НОВЫЙ ГОРОД» И «СУРГУТСКАЯ ТРИБУНА»).....	94
О.Н. Ванеев. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: ВОЗМОЖНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	99

О.В. Воробьева. ВОПРОСУ О РОЛИ PR-ТЕХНОЛОГИЙ И РЕКЛАМЫ В СОЗДАНИИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ	102
В.А. Ворошилов. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	107
Д.Д. Курносов. ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПОСЛЕВОЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	110
В.Т. Литвиненко. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИИ – ВАЖНЕЙШИЕ СТИМУЛЫ ОТДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ОТ МЕТРОПОЛИИ.....	115
С.В. Ткаченко. Добровольность рецепции права.....	119

Секция 2.3: «Политическая культура и идеологии»

Е.Н. Попова. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	125
Н.С. Шкурко. ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИМПЕРСКОГО МИФА	127

Секция 2.5: «Политическая регионалистика. Этнополитика»

И.М. Никифорова. ТРАДИЦИИ САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА-ЮГРЫ	132
--	-----

НАПРАВЛЕНИЕ 1
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

Секция 1.1
«Онтология и теория познания»

Т.Ю. Денисова

ЦЕЛОЕ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОНТОЛОГИИ Н. ГАРТМАНА

Сургутский государственный университет
Ханты-мансийского автономного округа – Югры
г. Сургут, Россия

Проблема Целого занимает важное место во всех сколько-нибудь значительных философских учениях, начиная с онтологических учений античности (Гераклит, Парменид, Пифагор, Платон, Аристотель) и заканчивая современными теориями самоорганизации сложных систем.

Философский багаж минувшего столетия в отношении решения основных онтологических проблем не может быть оценен однозначно. С одной стороны, этот период в философии обоснованно назван Ю. Хабермасом «постметафизической эпохой» и характеризуется потерей интереса к онтологии. По словам Н. Гартмана, начиная с Декарта, онтология все более погружалась в сон, и, в конце концов, вопрос о сущем был отброшен как неприличный. А с другой стороны, именно в XX веке возникает феноменологическая онтология (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Шелер, Н. Гартман), экстраполирующая основные проблемы бытия в экзистенциально-социальную плоскость.

Так, проблема бытия в онтологиях Хайдеггера и Сартра формулируется как проблема смысла бытия индивидуальной человеческой экзистенции, а проблема Целого получает неожиданно эмоциональное звучание, коррелируя с темой тотального экзистенциального одиночества. И это совершенно оправданно. Специфическая ситуация человека состоит в диалектике обособленности от Целого и неизбежной соотнесенности с ним. Объективно человек существует в мире как физическое существо, поскольку способен существовать в пространстве, обладающем определенным, именно этим набором физических характеристик. Его «собственные» ценностные ориентиры неизбежно соотносятся с общезначимыми для социума императивами, как с точкой отсчета. Однако простая констатация этого объективного факта («Einer ist keiner», согласно известной немецкой поговорке, – «один – ничто»), не проясняет ни истоков, ни сущности его взаимоотношений с целым.

Субъективное ощущение нецелостности и неполноты и обусловленные этим поиски опор для своего существования в абсолютной полноте Бога и относительной полноте общества и других личностей, имеют объективные онтологические основания, которые могут быть рассмотрены в контексте универсальной проблемы соотношения целого и части, а также проблемы качеств Целого, обеспечивающим последнему его целостность – проблем, настоятельно требующих возвращения к традициям подлинной *philosophia prima*.

Очевидно, что, сопричастность части целому не исчерпывается только отношением принадлежности, включенности уже в силу того, что целое об-

ладает качеством не только всеобъемлющего, но и целостности и тем самым, может быть представлено в двух аспектах: как простая совокупность многого (суммативное целое) и как системное единство взаимосвязанных и взаимопредполагающих элементов (интегративное целое).

Данное различие двух аспектов целого восходит еще к Платону, полагавшему, что в основе единства мирового целого (Космоса – прекрасного, упорядоченного и единого), состоящего из частей, лежит свойство каждой части нести в себе характеристики единого: «Ничто, однако, не препятствует, чтобы разделенное на части имело в каждой части свойство единого, будучи всем и целым, оно, таким образом, было единым» [3, с.312].

В XX веке эта идея получила содержательно оригинальную трактовку в феноменологической онтологии Н. Гартмана. Особенностью его учения является то, что центр тяжести вновь переносится с вопроса о смысле бытия для человеческого Я на проблему сущего как сущего. Но при этом происходит не просто возвращение к аристотелевской традиции, но и подведение под исследование феноменального опыта экзистирующего субъекта основательного онтологического фундамента. В своей работе «К основоположению онтологии» он последовательно развивает идею о том, что есть Целое, какими качествами оно обладает, что обеспечивает целостность и единство Целого, каково метафизическое содержание проблемы Целого.

Прежде чем приступить к рассмотрению его идей, следует сделать несколько предварительных замечаний по поводу того, какой смысл вкладывает Гартман в понятие «метафизическая проблема». Прежде всего, Гартман категорически настаивает на различии понятий «метафизический» и «онтологический», смешение которых нередко по сей день. Онтологические проблемы – проблемы наиболее всеобщих категорий бытия, его основных форм и способов, т.е. наиболее принципиального и устойчивого в мире. Метафизическим Гартман называет неснимаемый проблемный остаток, неизбежно сохраняющийся в процессе познания в любых предметных областях. Таким образом, «Метафизика» Аристотеля – отнюдь не метафизика (кроме отдельных глав), а онтология, теория бытия. Гартман приводит примеры метафизических проблем в естествознании, биологии, психической жизни, логике, истории, искусстве, самом процессе познания. Но более всего их, разумеется, возникает при познании онтологических вопросов. В данном случае нас интересует метафизическая сторона онтологической проблемы единства Целого.

Приступая к исследованию метафизических проблем, необходимо уяснить две принципиально важные вещи:

1) метафизические проблемы не являются плодом фантазии человека, они укоренены в структуре мира; однако при всей своей объективности, могут быть доступны переживанию в феноменальном опыте;

2) они не являются абсолютно иррациональными, непознаваемыми, не составляют какую-то отдельную область по ту сторону всякой данности, всякого опыта. Напротив, утверждает Гартман, метафизические проблемы располагаются до осязаемости близко, в самой жизни, поскольку сопутствуют познанному, граничат с ним, познание всегда на каком-то этапе упирается в них. Кроме того, нет проблем, абсолютно закрытых для позна-

ния: существует метафизический фон онтологических проблем и онтологический элемент метафизических проблем.

Обращаясь к проблеме сущего как сущего, Гартман трактует его предельно широко, включая в это понятие воспринимаемое и скрытое, настоящее и прошлое, ставшее и становящееся, действительное и возможное, сущности вещей и их экзистирующие носители, всеобщее и индивидуальное. Т.е. сущее как сущее – это и есть Целое. И поскольку Целое не исчерпывается предметностью и данностью (ведь сущее не всегда становится предметом познания, и не всегда – «здесь»), то оно неизбежно больше того, что обещается и познается. Значительная часть сущего остается трансобъективной и трансинтеллигибельной, а значит, уже само Целое содержит метафизический проблемный остаток.

Что же обеспечивает единство этому многообразному сущему, которое невозможно к тому же познать до конца?

Само по себе единство сущего как сущего несомненно для Гартмана: «Единство, не данное содержательно, известно, тем не менее, как лично существующее. Связность мира в себе не вызывает сомнений» [2, с. 131]. Но природа этого единства остается, по словам Гартмана, вечной тайной мира, а ее прояснение – важнейшей задачей онтологии.

Следует заметить, что отнесение проблемы Целого к метафизическим проблемам не означает, что Гартман полагает в качестве основания целого исключительно и только некий «первый принцип», Абсолют. Мыслитель специально оговаривается, что бытийственное единство мира может иметь и другие формы, как то: связность, порядок, законосообразность, иерархизированная конструкция, зависимость. Это, в частности, находит отражение в его оригинальной концепции о соотношении *Dasein* и *Sosein* в бытии любого сущего (вот-бытия и так-бытия): «вот-бытие», то есть чистая «чтойность» одного объекта, его способ бытия, может выступать в качестве «так-бытия», то есть признаков (существенных и несущественных), условий существования другого объекта, и наоборот [2, с. 310, 312]. В связи с этим Гартман приводит такой пример: «То, что Сократ жил (экзистировал) ...значит не то, что он присутствовал изолированно для себя, рядом с миром, но то, что он присутствовал «в» нем. Но тогда его экзистенция («вот-бытие» – Т.Д.) есть так-бытие мира. И кто станет отрицать, что мир без его жизни в нем действительно был бы иным». [2, с. 313].

И, наконец, важнейшими основаниями единства Целого Гартман считает сами его характеристики, которые он называет *die Allheit* и *die Ganzheit* [2, с. 190, 195]. Оба понятия буквально могут быть переведены как общность, всеобщность. Однако в контекстах их употреблений (в частности, в контексте оппозиций «индивидуальность – всеобщность (*die Ganzheit*)» и «индивид – общность (*die Allheit*)») становится очевидным их различие. Дихотомия «индивид – общность» основана на противоположности количественной, и, т.о., понятие *die Allheit* используется в значении именно суммативного целого, «которое собирается вместе только тогда, когда не отсутствует ни один из элементов или индивидов» [2, с. 191]. Данное определение совершенно согласуется с известным аристотелевским: «Целым называется (1) то, у чего не отсутствует ни одна из частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также (2) то, что так объемлет

объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно, а это бывает двояко: или так, что каждая из этих вещей есть одно, или так, что из всех них образуется одно» [1, с. 174-175].

В паре противоположностей «индивидуальность – всеобщность» в основе противопоставления лежат качественные характеристики, универсальные свойства объектов. Благодаря свойству всеобщности элементы (индивиды), составляющие суммативное целое, обретают интегральную причастность этому целому, а само Целое – качество цельности и целостности (*die Ganzheit*). На основе сопоставления характеристик Целого само Целое может быть представлено не суммой своих важнейших признаков (*die Allheit* и *die Ganzheit*), а как *die Allheit* (как всеобщность, тотальность, включающая всё, «всёйность»), обладающая *die Ganzheit* (качеством, связывающим воедино все элементы *Allheit*; понимаемым как цельность, целостность, пронизывающая их и определяющая их бытие в совокупном целом, их включенность в общий порядок).

Гартман не дает определения Целому (также, впрочем, как бытию, сущему, считая, что невозможно дефинировать то, что является последним).

Однако, на основе предыдущего рассуждения, попробуем это сделать. Учитывая вышесказанное, Целое может быть определено как онтически понимаемое всеобщее, не обладающее субстанцией, включающее, интегрирующее и определяющее все многообразие сущего.

А теперь, на основе вышесказанного, попробуем спроецировать идею Целого в область собственно человеческого, область экзистенциально-социальной реальности.

Человек, как пример многого, принадлежит единому, целому, во-первых, как физический объект миру физических объектов, как простое слагаемое, одна из составляющих суммативного целого; а, во-вторых, как часть интегративного целого, несущая в себе характеристики этого целого, пронизанная целым. Отношение человека к суммативному целому (*die Allheit*) можно обозначить как принадлежность; к интегративному целому (*die Ganzheit*) – как сопричастность. Т.о., человек необходимо принадлежит Целому именно в силу всеобщности, всеохватности этого Целого, вне которого не может быть ничего; и также необходимо сопричастен этому Целому в силу объективно существующей комплементарности его частей. Таким образом, сами качества Целого, обозначенные как *die Allheit* и *die Ganzheit*, являются онтологическими основаниями общности – основополагающего модуса человеческого существования.

Однако между ним есть существенная разница.

Объективная принадлежность индивида абсолютному или относительному целому (Универсуму, человеческому роду, цивилизации, определенному национальному, конфессиональному и т.п. сообществу) есть отношение одного объекта к другому объекту, его поглощающему. Сопричастность же представляет собой отношение субъекта к объекту, возникающая в силу их гомогенности, органического родства, а также необходимого сопричастия и соучастия субъекта в бытии объекта (Целого). Если наличие первого объективно верифицируемо и поддается разработке, то второе, принадлежа к феноменам человеческого существования, может быть зафиксирова-

но лишь благодаря явлению *die Gemeinschaftsgefühl* (чувству, духу общности), а потому неизбежно сохраняет метафизический проблемный фон.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т.1. / Под ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Гартман Н. К основоположению онтологии. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.
3. Платон. Софист / Платон. Соч. в 4-х тт. Т.2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

Связь с автором: denisovasever86@bk.ru,
pantarei2008@rambler.ru

А.Г. Новиков

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия

Наука развивается по своим собственным закономерностям, т.е. обладает относительной самостоятельностью и внутренней логикой развития.

1. Генезис нового знания.

Зарождение науки относят к VI в. до н.э., когда в Древней Греции сложились первые две альтернативные системы Евклида и Архимеда. Для античного мышления характерно наблюдение как главный метод получения нового знания. Так, Фалес, наблюдая за приливом и отливом рек Нил, точно предсказал солнечное затмение 585-584 лет до н.э. Зарождение науки начинается от Фалеса как переходом мифа к логосу.

2. Преемственность в развитии научных знаний.

Однако новое знание не возникает на голом месте, а на основе старого. Здесь есть преемственность (момент устойчивости, статус научности), есть и повторяемость и необходимость (новое обязательно должно зародиться).

3. Дифференциация науки.

Идет расширение научного знания, появляются новые науки, новые специальности [1]. Освоение новых областей реальности требует нового познавательного инструментария. Этот процесс дифференциации начался уже на рубеже XVI и XVII вв. Затем процесс дифференциации наук продолжал усиливаться. Так, философия начинает расчленяться на ряд философских дисциплин (онтологию, гносеологию, этику, аксиологию и т.п.).

4. Интеграция науки.

В то же время наряду с процессом дифференциации происходит и интеграция научного знания – объединения, взаимопроникновения, синтеза

наук, объединение их, а также их методов в единое целое, размывание границ между ними. Например, экология – сочетание и единство гуманитарных и естественных наук тоже предстает как процесс интеграции [2].

5. Рост относительной самостоятельности науки.

Наука, начиная с античности, получает относительно самостоятельное развитие, т.е. развитие происходит по своим законам. Более того, наука получает опережающее развитие. Абсолютной самостоятельности науки быть не может, ибо существуют не только внутренние, но и внешние факторы развития науки. Укрепление связи науки с практикой.

В западной философии, начиная с Фрэнсиса Бэкона, теоретическое знание становится средством решения практических задач. По Бэкону – цель науки – увеличение власти человека над природой. Внедрение результатов науки в современное производство – дальнейшее укрепление связи науки с практикой.

7. Ускорение темпов развития науки.

Важнейшим условием ускорения темпов развития науки становится то обстоятельство, что она начинает пронизывать все сферы общественной жизни: научные знания и научный подход необходимы и в материальном производстве, экономике и политике, и сфере управления, и системе образования. В.И. Вернадский обратил внимание на эту закономерность развития науки, заметив, что «ходу научной мысли свойственна определенная скорость движения, ... Мы живем в периоде напряженного непрерывного созидания, темп которого все усиливается» [3].

8. Кризисы в науке.

Так называемый кризис в физике связан с выдающимися открытиями на рубеже XIX и XX вв. (открытие электрона, радиоактивности и т.д.), которые ознаменовали начало революции в естествознании. Этот период чрезвычайно интересное время с точки зрения философии. Как известно до второй половины XIX в. материю отождествляли с веществом. Затем ученые открыли новый вид материи – поле. Поскольку до сих пор материю считали массой, а поле не имеет массу, то значит, сделали вывод, что поле – не материя. Отсюда «материя исчезла».

9. Революционный выход из кризиса.

Таким образом, революция в физике породила революцию в философии. Делимость материи и ее бесконечности перевернуло представление о пространстве и времени [4]. Была создана общая теория относительности. В это время происходит открытие новых средств связи, коммуникации. Значительны два великих открытия: радио и кино. Развивается область науки и техники, связанная с изучением физических явлений. Происходит также революция в психологии и философии, которая связана с выходом книги Зигмунда Фрейда «Психоанализ». Учение о бессознательном дал повод пересмотреть все устаревшие понятия [5].

Научная революция подводит итог предшествующему периоду познания, поднимает его на новую, высшую ступень, очищая науку от заблуждений, она открывает новые объекты и методы исследования, ускоряя тем самым темпы развития науки» [6].

Литература

1. Антонов А.Н. Преемственность и возникновение нового знания в науке. – М., 1985. С.20-22.
2. Найдыш В.М. Научная революция и биологическое познание. – М., 1987. С.35-40.
3. Вернадский В.И. О науке. Т.1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна, 1997. С.141-142.
4. Традиции и революции в развитии науки. – М., 1991,. С.8-12.
5. Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. – М., 1998. С.40.
6. Кохановский В.П. Основы философии науки: Учебное пособие для аспирантов. – Ростов-на-Дону, 2006. С.297.

Связь с автором: dissov54@mail.ru.

Секция 1.2
«История философии»

Т.Н. Захарова

«РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА И МОРАЛЬ» В ФИЛОСОФИИ С. КЬЕРКЕГОРА И Л. ШЕСТОВА

Челябинский институт (филиал) ГОУ ВПО «РГТЭУ»
г. Челябинск, Россия

Проблема, подлежащая обоснованию в настоящей статье, может быть сформулирована следующим образом: религиозная вера содержит в себе возможность выхода за рамки общечеловеческих представлений о добре и зле, возможность нарушения нравственных норм и предписаний. Эта идея не нова, но по-прежнему актуальна. Несмотря на то, что она неоднократно воспроизводилась в истории человеческой мысли, господствующим всегда оставалось мнение, согласно которому религия оказывает исключительно благотворное влияние на мораль, способствует нравственному очищению общества и человека. Данное мнение в наше время навязывается столь настойчиво и агрессивно, с такой нетерпимостью к другим мнениям, что у автора есть весьма серьезные опасения, как бы его не обвинили в атеистическом прагматизме. Предвидя подобные обвинения, мы будем ссылаться на авторитет мыслителей, далеких от атеизма.

Можно говорить о существенном сходстве во взглядах Л. Шестова и С. Кьеркегора, их единая проблематика – критика разума, гуманизма; в противовес разуму установка на существование в процессе разрешения философских вопросов; единое экзистенциально-антропологическое осмысление человеческого бытия.

Основные идеи Л. Шестова относительно вопроса индивидуального «спасения» верой оказались очень близки к воззрениям С. Кьеркегора. Вопросы, поставленные С. Кьеркегором, подчеркивает Л. Шестов, диктуются ему отчаянием. Отчаяние С. Кьеркегора связано с пониманием, что любовь, милосердие и все прочие добродетели не могут ничего изменить во внешнем мире.

Л. Шестов вполне согласен с С. Кьеркегором, что он не связывает свои надежды, с одной стороны, с возможностями, а с другой стороны, с наградами, обещанными этикой (С. Кьеркегор их называет ложными утешениями). «Этическое» для С. Кьеркегора и для Л. Шестова есть «общее» и только вера может «вывести» человека за его пределы и позволить ему вступить в прямое общение с богом.

Все надежды С. Кьеркегора, как и Л. Шестова, возлагаются на веру, которая начинается там, где для разума и этики все возможности кончаются.

Проблема религиозной веры и морали подробно рассматривается в псевдонимной работе датского религиозного философа и поэта Сёрена Кьеркегора «Страх и трепет. Диалектическая лирика Иоганнеса де Силенцио». В основу этой работы положена ветхозаветная легенда о том, как Бог испытывал Авраама, приказав принести ему в жертву единственного и горячо любимого сына Исаака. История библейского патриарха с детских лет привлекала датского философа, восхищала его, но в то же время му-

чила и не давала покоя. С. Кьеркегор видит в этой истории ужасающее его противоречие. Это противоречие заставляет датского философа сформулировать три проблемы:

- возможно ли телеологическое отстранение этического?
- существует ли абсолютный долг перед Богом?
- можно ли этически оправдать Авраама за то, что он хранил молчание о цели путешествия перед Саррой, Елиезером и Исааком?

Рассматривая эти проблемы, автор «Страха и трепета» приходит к выводу, что Авраам своим деянием перешагнул границы этического, так как имел более высокую цель. Он сделал это ради Господа, ибо Господь требовал доказательства его веры, и ради самого себя, что бы иметь возможность дать такое доказательство. Парадокс веры, благодаря которой Авраам оказался в «абсолютном отношении с Абсолютным», состоит в том, что он как индивид «стал выше общественного», в том числе выше общечеловеческих норм морали. Тот факт, что Авраам «стал выше общего» и «телеологически отстранил этическое», наложил свой отпечаток и на поведение патриарха. Как повествует Библия, он тщательно скрывал цель трехдневного путешествия в землю Мория от своих родных и близких. Он не рассказал об этой цели ни Сарре, ни Исааку, ни своему верному слуге Елиезару. Он произнес лишь несколько слов, когда Исаак спросил: «Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?». «Бог усматривает Себе агнца для всесожжения, сын мой,» – ответил Авраам, но этот ответ был равнозначен молчанию.

В отличие от человека, ведущего «этический образ жизни», Авраам не мог говорить, и причиной молчания, как утверждает С.Кьеркегор, было то, что библейский патриарх поставил себя не в абсолютное отношение к общему, а в абсолютное отношение к Абсолютному. Он говорил с Богом и вел диалог на непонятном для людей языке. Если бы он попытался рассказать о цели своего путешествия людям, то все слушающие отшатнулись бы от него, как от сумасшедшего. Поэтому, согласно С.Кьеркегору, подлинный «рыцарь веры» вынужден одиноко и молча следовать своим трудным путем. Нечего сказать и поэту, который хочет воспеть «рыцаря веры», бесполезна и изощренность диалектика, ибо в данном случае он сталкивается с парадоксом, обезоруживающим человеческий разум. Однако автор «Страха и трепета», скрывающийся за псевдонимом Иоганнес де Силенцию, кое-что сказал читателям о соотношении религиозной веры и морали. Он достаточно внятно сказал, что если вера требует пренебречь общепринятыми моральными нормами, то предпочтение следует отдать вере. В связи с этим встает вопрос: а может быть, С.Кьеркегор является выразителем «антихристианского максимализма», может быть, его трактовка соотношения религиозной веры и морали не соответствовали духу христианства? Для ответа на этот вопрос вспомним Мартина Лютера, который, в отличие от Авраама, не всегда хранил молчание, выходя за рамки общего. Он весьма вольно относится к Закону и к содержащимся в нем моральным запретам и предписаниям. Эти вещи являлись для него второстепенными, главными же были взаимоотношения с Богом и проблемы спасения души.

Анализу лютеровской концепции спасения посвящено множество работ, написанных с разных мировоззренческих и конфессиональных позиций

и содержащих широкий спектр суждений и оценок. В контексте настоящей статьи нам представляется важным остановиться на двух характеристиках, данных учению Лютера русским экзистенциальным философом Львом Исааковичем Шестовым.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что Шестов, который был очень близок по духу и религиозным исканиям молодому Лютеру, поставил знак равенства между лютеровской концепцией спасения и ницшеанским принципом «по ту сторону добра и зла». После тщательного разбора главных сочинений Лютера Л.Шестов приходит к заключению, что учение Лютера может быть сведено к формуле «по ту сторону добра и зла». Вера Лютера начинается только тогда, когда человек осмелится перешагнуть за роковую черту, полагаемую нам разумом и добром. «Вера, по существу своему, ни с нашим знанием, ни с нашими моральными чувствами ничего общего не имеет. Чтоб добиться веры – нужно освободиться и от знаний и от нравственных идеалов»¹.

Вторая характеристика Шестова затрагивает проблему объективации религиозной веры, ибо Лютер не захотел последовать примеру Авраама и хранить молчание о том, что творилось в его душе. Но Лютер был не только верующим человеком, он выступал также в роли религиозного реформатора, бросившего вызов римско-католической церкви. В связи с этим Шестов ставит вопрос: по какому критерию можно отличить в сочинениях Лютера те места, где говорит верующий, от тех, где говорит реформатор? Таким критерием, по мнению русского философа, может служить парадоксальность высказываемых суждений. «Там, где Лютер говорит, как все – можете спокойно пройти мимо. Это Лютер не рассказывает, а убеждает – переманивает на свою сторону последователей, стадо людское... Но как только он начинает говорить о себе, – речь его становится столь же необычной, как и непостижимой»². Непостижимость высказываний Лютера свидетельствует о том, что в своем религиозном рвении он, подобно Аврааму, выходит за рамки общего, за рамки того, что поддается рациональному осмыслению и моральной оценке.

Подводя итог нашим рассуждениям, хотелось бы подчеркнуть, что отношения между религиозной верой и нравственностью не так просты, как это иногда представляется. Конечно, религия может оказывать положительное влияние на мораль, но следует учитывать и то, что религиозная вера может трансцендировать общечеловеческие ценности.

---

¹Шестов Л. *Sola fide* – только верою. Париж, 1966. С.244-245.

²Шестов Л. *Sola fide* – только верою. Париж, 1966. С.240

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИИ ПРАВА И ЗАКОНА В КОНЦЕПЦИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара
г. Днепропетровск, Украина

Одним из важнейших представителей истории философии, которые представили миру системную концепцию государства, права и закона является Г.В.Ф. Гегель. Раскрывая свою философско-правовую концепцию, мыслитель показывал правовые явления как такие, которые находятся в постоянном развитии. Закон, по его мнению, возникает тогда, когда человек осознает разнообразные свои потребности и необходимость их удовлетворения, а соответственно и урегулирования таких общественных отношений. Право имеет общезначимый статус и выступает для сознания человека как общезначимое.

Закон или позитивное право в философии Г.В.Ф. Гегеля выступает как объективированное право. Право, когда оно воплощается в форме закона, приобретает не только форму всеобщности, но и свою истинную определенность. Благодаря законодательству, высказывается право, которое становится общепринятым правилом поведения. Но право не только проявляется себя в качестве внешнего, объективированного явления, у права есть его гносеологическая сущность, – познание его сущности. Обычное право раскрывается философом как такое, что оно существует как мысль, его все знают. Отличие норм обычного права от законов состоит в том, что знание этих законов права является субъективным и случайным, поэтому они для себя менее определены и всеобщность мысли в них не ясна.

Национальный аспект права на законотворчество Г.В.Ф. Гегель показывает как право народа. Он подчеркивает, что отказывать образованному народу или его юридическому сословию в способности составлять кодекс – было бы одной из наибольших обид, которая вообще могла бы быть нанесена нации или ее юридическому сословию. Кроме того, если в Новое время показывался взгляд, что народы не владеют призванием к законотворчеству, то это не только обида, но и бессмысленное мнение, будто бы при нескончаемом множестве существующих законов не допускается возможность того, что даже отдельные люди способны привести их в последовательную систему, тогда как сама систематизация, то есть сведение ко всеобщему является нескончаемым стремлением времени [2, с. 247-249].

Право значимо и действует благодаря тому, что его знают, и осознают как всеобщее правило поведения, тогда оно воспринимается не как случайное, связанное с обычаями, мыслями, чувства мести, корыстолюбия отпадают. Право, которое знают, осознают как всеобщее, принимают как свое личное, которое представляет собой систему, раскрывает свою суть и значение.

Г.В.Ф. Гегель допускает ситуацию, когда закон по своему содержанию может отличаться от того, что есть право в себе. И науку о позитивном праве

он определяет как историческую науку, в то время как понятием и проблемами естественного права занимается философия.

Право существует в реальном мире прежде всего в объективированной форме, то есть в форме закона. Оно выступает универсальным регулятором различных видов правоотношений, в том числе и связанных с собственностью и договорами. Философ четко ограничивает сферу действия права. Да, действительно его регулированию подвластны все общественные отношения, но за исключением моральных. Моральные отношения, которые основываются на искренности, любви и доверии не могут быть предметом правового регулирования по той причине, что они являются полностью субъективными. Здесь философ обращает внимание на внутреннюю и внешнюю сторону отношений. В отношениях любви, семьи, религии, правовое регулирование может касаться только тех вопросов, которые имеют внешнюю сторону, то есть объективируются. Примером могут быть правовое урегулирование имущественных отношений в семье.

Особенность права состоит в том, что оно, будучи вполне конкретной и определенной нормой регулирования общественных отношений, является при этом универсальным регулятором, то есть создается для урегулирования не какого-либо конкретного случая, а для всей системы данных отношений [5, с. 48]. Оно таким образом вступает в сферу не определенного понятием количественного. Определенность понятия указывает только на общую границу, внутри которой происходят определенные колебания в ту или иную сторону. Но другая особенность права состоит в том, что оно должно быть универсальным регулятором, способным разрешить каждый конкретный случай нарушения закона. В этом состоит специфика права, при всей его универсальности оно способно решать конкретные эмпирические факты правовой жизни. По этому поводу Г.В.Ф. Гегель отмечает, что даже один лишний удар, один лишний или недоданный талер или грош, одной неделей, одним днем больше или меньше тюремного заключения – уже несправедливость. Сам разум признает, что случайность, противоречия и видимость владеют своей хотя и ограниченной сферой и свои правом, и не стремятся такого рода противоречия свести к равенству и справедливости; здесь действует только заинтересованность в совершении, заинтересованность в том, чтобы вообще было принято определение и решение, пусть любым образом [2, с. 250-252].

Научный интерес для Г.В.Ф. Гегеля представляют собой и наличное бытие закона. Обязанность со стороны закона включает в себя со стороны права самосознания необходимость того, чтобы законы были доведены до общего ведома [1, с. 29]. Действительно, нельзя требовать от граждан, чтобы они выполняли предписания законов не имея при этом возможности ознакомиться с их содержанием. В то же время философ не соглашается с тем, что юристы, то есть люди, которые знают законы лучше других в силу своей профессиональной деятельности, являются каким-то привилегированным сословием. Иногда юристы считают знание законов своей монополией и считают, что все остальные не должны вмешиваться в их дела. Но, поскольку право касается свободы, того, что человек ценит больше всего, то и знание законов есть его обязанностью.

Правовые нормы систематизируются и обобщаются, поэтому существуют официальные кодексы. С одной стороны от них требуется, чтобы его определения были простыми и понятными, а с другой стороны, они допускают различную интерпретацию. Объем законов с одной стороны должен быть замкнутым целым, а с другой, существует постоянная необходимость в новых правовых определениях. Разрешение этой проблемы философ видит в том, что простыми и понятными должны быть общие универсальные принципы правового регулирования в то время как отраслевые нормы могут содержать определенную специфику.

В философии Г.В.Ф. Гегеля закон представляет собой объективированное, то есть выраженное во вне и общедоступное право. Проблему соотношения естественного и позитивного права, таким образом, он разрешает с тех позиций, что позитивное право (закон) представляет собой проявленное во вне естественное право. Правовые нормы в обществе выражаются в форме законодательства, которое имеет формальный характер и регулирует общественные отношения.

Правильное понимание права по Г.В.Ф. Гегелю невозможно без осознания его всеобщности и значимости. Субъективность человека, его индивидуальные права и фактическая возможность их реализации осознаются им в контексте всеобщности, в данном случае – государства. Воля законопослушного человека обретает уверенность, твердость, объективность. При таком понимании права, правонарушение воспринимается не только как такое, которое нарушает права одного человека, оно воспринимается как направленное против целого, то есть против государства. И, лицо, права которого нарушены, таким образом делегирует государству полномочия по наказанию правонарушителя.

Литература

1. Onnasch, Ernst Otto Philosophie und Begründung : Das Paradigma des objektiven Idealismus unter besonderer Berücks. der Begriffslehre G. W. F. Hegels u. des Problems der Intersubjektivität / Ernst-Otto Onnasch Nijmegen : Katholieke univ., 1998. – 213 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

3. Коротких В.И. О новом понимании структуры системы философии Гегеля // Вопросы философии. – 2003. – № 4.

4. Левит К. От Гегеля к Ницше: Революц. перелом в мышлении XIX в.: Маркс и Кьеркегор / Карл Левит; Пер. с нем. К. Лоцевского; Под ред. М. Ермаковой и Г. Шапошниковой. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2002. – 679 с.

5. Перов Ю.В. Сергеев К.А., Слинин А.Я. Очерки истории классического немецкого идеализма. М.: Наука, 2000, – 672 с.

Секция 1.3
«Эстетика, этика»

И.И. Душенин

ВОПРОСЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Липецкий колледж искусств
г. Липецк, Россия

Современный мир несет на себе печать кризиса общества, личности как его социальной единицы, а также человеческого рода и окружающей среды. В большой степени такое положение во многом объясняется утратой эстетических идеалов, позволявших целостно воспринимать мир с позиций красоты. Поиски выхода из сложившейся современной кризисной ситуации привели отечественную педагогику к мысли о необходимости гуманизации и гуманитаризации образования, то есть о повороте его модели от технологически-технократического типа к культурно нагруженной, культуросообразной разновидности, а также во включении самого российского образования в мировую систему. На повышение эстетической культуры личности как на одну из важных задач развития школы указывается и в Законе РФ «Об образовании».

По мнению философской науки, содержанием образования являются не сами по себе знания, умения, навыки, а Человеческая Культура, в них заключенная. Этот процесс имеет глобальный характер. Поэтому, центральной проблемой и эстетики, и педагогики есть и будет проблема человека, его будущего. Возникшая в конце прошлого века современная педагогическая парадигма – концепция Педагогики Свободы, отразила волнующие и сегодня мировую общественность новые ценности образования, проблемы его демократизации, гуманизации и «эстетизации». При этом усилился акцент на культурологическом, коммуникативном и субъективном содержании образования, позволяющий трансформировать его в личностно ориентированный процесс, под которым понимается «разматывание» исходной сущности – «тотальности возможностей, заложенных в род человеческий». [5,8,9] В основе этого процесса, как и много веков назад, должны лежать принципы гуманизма, красоты, гармонии.

В современной педагогике, стоящей на гуманистических позициях, под самим образованием понимается процесс взаимодействия преподавателя и учащихся, имеющий целью создание культурных условий (внешних и внутренних) для саморазвития личности [2; 17,44].

Следует отметить, что в современных науках за категориями «эстетическое образование» и «эстетическое воспитание» статус самостоятельных окончательно еще не утвердился, в частности, в общепедагогические понятия «образование» и «воспитание» они не только входят лишь как разновидности педагогической деятельности, но и до сих пор часто отождествляются между собой. А, между тем, структурно образование на современном этапе представляет собой единство (синтез) обучения, воспитания, учения, самовоспитания и самообразования. Таким образом, говоря об

эстетическом образовании, должно представлять эстетическое воспитание в качестве его составного блока.

Эстетическое образование относится к комплексной проблеме, в которой тесно переплетаются философские, педагогические, психологические и социальные аспекты, поэтому для научного анализа требуются методы этих наук и анализ литературы соответствующих отраслей, в том числе и эстетики. Следует заметить, что в отечественной науке накоплено немало ценного материала по проблеме эстетической культуры личности, о чем свидетельствуют работы ученых-философов и педагогов-практиков: П.П. Блонского, Н.Я. Брюсовой, М.С. Кагана, Е.В. Квятковского, Б.Т. Лихачева, И.Л. Любинского, И.Д. Лушниковой, Л.П. Печко, В.А. Разумного, Н.И. Сац, В.А. Сухомлинского, Л.В. Тодорова, С.Т. и В.Н. Шацких и др.

Для жизни и успешной деятельности индивиду нужна информированность о мире (о мерах предметов) и себе (человеческих мерах). Культура – способ создания, хранения, распространения информации, как область организации, противостоящая дезорганизации, хаосу.

Эстетическое образование в своем содержательном аспекте – специфическая информация о человеке и человечески важном. Она предметно оформлена в эстетическом знании, еще шире – в эстетической культуре, включающей в себя знание о человеке и человеческом, которое накапливается в ходе всей человеческой практики. [10] В эстетическое образование входит освоение человечески значимых, ценностных моделей структур мира; осознание, постижение законов мироздания.

Сущность же эстетического воспитания, согласно древним и современным теориям, заключается в формировании эстетического идеала, вкуса через понимание прекрасного, в развитии творческих способностей и умений вносить прекрасное в жизнь, то есть строить ее по законам красоты. Они отмечают, что педагогами-практиками эстетическое воспитание зачастую рассматривается вне целостной системы культуры, вне единства рассмотрения таких структур духовной культуры, как образование и воспитание, оно больше изучается в плане педагогической технологии, причем отражающей негативную тенденцию отсутствия видения в личности индивидуально представленного общества с конкретной программой жизнедеятельности.

Очевидно, что система эстетического воспитания может быть понята только из модели данного общества как имманентное воспроизведение потребностей социального организма. И в этом случае речь должна идти о социальном воспроизведении рода и индивида через механизм эстетического образования, о воссоздании «самости» (Гегель) человеческого рода, о механизме перевода внешних структур культуры (общественных норм, установок, вкусов, потребностей) во внутренние стимулы поведения личности. Только таким образом может быть целенаправленно установлена эстетическая воспитанность, которая, в данном случае, предполагает единство эстетических убеждений личности с ее интуитивными ориентациями и самопроявлениями во всех формах деятельности. Таким образом, эстетическое воспитание способствует самопознанию и самоуглублению личности, осознанию ею своей самоценности, является одной из высших форм приобщения человека к человеку, то есть его социализации. При этом

цели столь широки, что отсутствует прямая польза, но проявляется широкая общественная значимость процесса ориентации человека на общечеловеческие ценности. В конечном счете, эстетическое воспитание имеет в виду не только данное общество, но все человечество как поле, ориентир и критерий жизнедеятельности личности. [1; 479-480].

Специфика эстетического образования и воспитания требует учета роли эстетической субъективности. Теория эстетического воспитания не может быть неким довеском к эстетике, педагогике, психологии, искусствоведению и т.п. Это есть целостная самостоятельная общая теория, оперирующая в качестве составных своих блоков понятиями «эстетический опыт», «эстетическая культура», «эстетическое сознание», «эстетическая реальность» и т.д. Как подчеркивает Ю.Б.Борев, эстетическое воспитание направлено на формирование целостной творческой личности, охватывает интеллектуальную, эмоциональную, волевою, ценностно-ориентационную сферы. Оно пронизывает все сферы жизнедеятельности человека: и глубину его мышления, и тонкость чувств, и характерную избирательность, и установки. И если эстетическое обучение дает только эстетические знания, то эстетическое воспитание является всеохватывающим и определяет не только знания, но и характер человека. [1]

С позиций формирования эстетической культуры личности, соответствующий вид воспитания – «это воспитание в человеке способности понимать и любить красоту в самом высоком смысле этого слова, во всех ее проявлениях, это воспитание способности жить и трудиться по законам, в которых неразрывно связаны красота как объективная реальность, нравственность как духовный уровень ее отражения, интеллект как способность увидеть и выделить красоту, раскрыть ее сущность». [6;31]

В XX веке эстетическое воспитание принято рассматривать как «целенаправленный процесс формирования у человека эстетического отношения к действительности». Современная наука определяет его как процесс формирования и развития эмоционально-чувственного и ценностного сознания личности и соответствующей ему деятельности, как один из универсальных аспектов культуры личности, обеспечивающий ее рост в соответствии с социальным и психофизическим становлением человека под влиянием искусства и многообразных эстетических объектов и явлений реальности. Реализуется в системах образования различного уровня, приобретая полноценность лишь при самообразовании, саморазвитии личности, подводящих к осознанию себя участником и субъектом эстетической деятельности. В более узком смысле, эстетическое воспитание – направление, содержание, формы воспитания и методической работы, ориентированные на эстетические объекты реальности и их свойства, вызывающие эстетические эмоции и оценки. [8;62-63].

Впервые созданная древними греками (Платон и Аристотель) система эстетического воспитания была основана на принципах гармонии и всесторонности. Культура в Древней Греции означала прежде всего воспитанность, а достигалась она, согласно Платону, главным образом, через занятия «мусическими искусствами» (поэзия, риторика, музыка в узком смысле слова и орхестика – искусство танца). «Образованный», «воспитанный», по Платону, значит гармоничный, культурный человек вообще. Именно поэто-

му основной механизм функционирования эстетической культуры на современном этапе развития общества предстает в таких компонентах как: эстетическое образование, эстетическое воспитание, эстетическая информация, эстетическая коммуникация.

Следует еще раз отметить существующие между эстетической и общечеловеческой культурой связи – их единая корневая основа лежит в сфере активной жизнедеятельности человека и является ее результатом. Поэтому становится необходимым целостный подход к определению понятия эстетическая культура, а, следовательно, рассмотрению этого понятия не только с культурологической, но и с психолого-педагогической точек зрения. И если в «культурологическом подходе утверждаются, прежде всего, закономерности связи общественной и личной культуры человека, ее гуманистический пафос и общественная сущность, то психологический анализ позволяет увидеть внутренние, скрытые движущие силы овладения человеком культурой, рассмотреть культуру как развитую у человека способность видения мира, как, прежде всего, его духовное освоение в зримо представляемых образах чувственного сознания».[3; 6]

Сегодня эстетическая культура личности определяется как способность и умение прочувствовать свою связанность с миром, содержательно пережить, то есть «человечески ценностно выразить полноту, глубину и многообразие этих отношений». Другими словами, это формирование внутреннего мира в его целостности перед лицом целостности внешнего мира. Кроме того, это показатель интеграции в единое целое всех человеческих качеств и способностей, создающее базисную структуру характера, совокупность ценностных векторов личности в ее взаимоотношениях с миром, ориентиров, касающихся и направляющих содержательную и выразительную стороны человеческой деятельности, это также умение расшифровать и организовать эстетический опыт, предвидеть перспективу развития своего пребывания в мире, определять тенденции общего процесса своего взаимодействия с ним. [14;32,42]

Особое место занимает комплекс представлений об эстетической культуре в педагогике. Этот комплекс и его роль в образовании не остаются неизменными, застывшими, но изменяются в соответствии с развитием концептуальных положений о сущности человеческого способа жизни, образования человека как человека, изменением целей, содержания, форм организации и методов обучения и воспитания, с развитием комплекса наук о человеке. [4] Под эстетическим воспитанием понимается педагогическая деятельность, связанная с формированием у подрастающего поколения чувства прекрасного, а также жизнедеятельности и творчества по законам красоты. Последнее ориентирует всю систему эстетико-воспитательной работы на формирование эстетически активной, творческой личности.

Эстетическая культура, являясь результатом соответствующего воспитания и развития человека, одновременно, способствует расширению объекта эстетического познания. От развитости эстетического сознания в целом, от особенностей воображения, интуиции предвосхищения, от чувства гармоничности и дисгармоничности в большой степени зависит процесс формирования профессионализма учителя. Уровень развития подготовленности будущих педагогов детерминируется характером вузовского

обучения. Речь идет о целостности учебно-воспитательного процесса, где овладение знаниями обязательно сочетается с нравственным, эстетическим развитием личности. Каждая учебная вузовская дисциплина обладает своим эстетическим потенциалом. "Во всякой науке более или менее есть эстетический элемент, передачу которого ученикам должен иметь в виду наставник». [12;75] Эстетическое воспитание следует считать дихотомичным по своей сущностной природе, поскольку, с одной стороны, в общей системе всестороннего развития личности оно выступает как один из равноправных ее компонентов, а, с другой – в процессе взаимодействия отдельных компонентов данной системы эстетического воспитания является неотъемлемой частью каждого из них (умственного, трудового, идейно-нравственного, физического и т.д.)

Литература

1. Боров Ю.Б. Эстетика. – М.: Политиздат, 1988.
2. Газман О.С. От авторитарного образования к педагогике Свободы // Новые ценности образования – 2. – М., 1995.
3. Крылова Н.Б. Эстетический потенциал культуры. – М.: Прометей, 1990.
4. Назарова М.Г. Эстетическое образование как освоение эстетической культуры. Дисс канд философ наук. – М., 2001. – 169с.
5. Новые ценности образования – 2. М.: РГНФ-ИПИ, «Инноватор», 1995. – 103с
6. Основы эстетического воспитания./ Ю.Б.Алиев. Г. Т. Ардаширова. Л.П.Барышникова и др.; под ред. Н.А.Кушаева. – М.: Просвещение, 1986.
7. Печко Л.П. Эстетическое воспитание // Российская педагогическая энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 199, с62-63
8. Печко Л.П. Эстетическая культура и воспитание человека. – М., 1991. – 175с.
9. Толстых А.В. О новой социокультурной ситуации эстетического развития детей // Педагогика искусства в творческих поисках. – Москва-Самара, 1996.
10. Савранский И.Л. Коммуникативно-эстетическая функция культуры. – М., 1979.
11. Самохвалова В.И. Красота против энтропии. – М.: Наука, 1990.
12. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология. – Соч.: в 10т. – М., 1950, т.9
13. Шестакова В.П. Проблемы эстетического воспитания. – М., 1962,
14. Эстетическая культура как комплексный феномен утверждения и реализации человека в мире // Эстетическая культура. – М.: ИФРАН, 1996. С.32,42

Секция 1.4
«Логика, философия науки и техники»

В.И. Астафуров, М.А. Маренный

ФИЛОСОФСКИЙ И ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ – ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

ЗАО «Радиационные и экологические исследования»
г. Москва, Россия

Выработка правильного научного мировоззрения, основанного на реальной картине мира, является одной из наиболее актуальных задач философии.

В современном естествознании имеется ряд научных проблем, не поддающихся решению на основе существующих теоретических представлений, например: природа физического вакуума, взаимосвязь фундаментальных взаимодействий, природа и структурная взаимосвязь элементарных частиц, происхождение и направление эволюции Метагалактики.

Ученые ищут решение этих проблем, основываясь на экспериментальных данных и теоретических основаниях, в качестве которых используются аксиомы, постулаты и законы физики. Теоретическая физика является научным фундаментом современного естествознания. Однако, несмотря на большое число выполненных исследований, не удается осуществить реальный прорыв в решении ключевых мировоззренческих проблем.

Зададимся вопросом: не является ли причиной наблюдаемого застоя в решении фундаментальных научных проблем отсутствие в исследованиях управляющего стержня, каковым является философия?

Чтобы проверить это предположение, рассмотрим одну из наиболее актуальных проблем современного естествознания – проблему физического вакуума и попытаемся применить для ее решения философский и логико-математический анализ.

Новейшие открытия в области космологии показывают, что физический вакуум превосходит по плотности энергии все другие формы космической материи и управляет динамикой космологического расширения [1]. Логично предположить, что физический вакуум является определяющей формой материального континуума. Именно в его структуре следует искать первопричину материального самодвижения и законы построения материальных иерархических систем.

В настоящее время моделирование физического вакуума основано на концепции четырехмерного пространства-времени [2]. Пространство и время рассматриваются как взаимосвязанные компоненты материального континуума. Система аксиом приписывает пространству-времени определенную метрику, топологическую структуру, связность. С геометрией пространства-времени связывают гравитационные эффекты. Представление о четырехмерном пространстве-времени, как о реально существующем материальном континууме, составляет концептуальный базис общей

теории относительности, которая, в свою очередь, является теоретической основой современной космологии.

Исследованию свойств пространственно-временного континуума уделяется исключительно большое внимание. Так, в Новосибирске на базе Института математики имени С.Л.Соболева с 1996 года проводятся специальные междисциплинарные конференции по математическим проблемам физики пространства-времени сложных систем. Концептуальная постановка задачи представлена в докладе академика М.М.Лаврентьева [3]. Указывая на схоластичность представления о четырехмерном пространстве-времени, Лаврентьев приходит к выводу о необходимости решительных и принципиальных шагов в развитии фундаментальных физических представлений. Главное требование, которому должна отвечать концептуальная физическая теория – адекватность физической реальности.

Отвечает ли этому требованию концепция четырехмерного пространства-времени?

Объединение в единый континуум параметров, отображающих предполагаемые свойства материи, имеет физический смысл только в том случае, если объединяемые параметры отображают первичные свойства (атрибуты, качества) материи. Если же один параметр отображает первичное свойство материи, а другой параметр характеризует ее некоторое вторичное свойство, то такое объединение является некорректным действием.

Рассмотрение генезиса представления о пространстве приводит к выводу, что пространство, или протяженность, безусловно, является первичным фундаментальным свойством материи. Наблюдательная база и теоретические построения свидетельствуют в пользу трехмерности пространства. Выполненные логико-математические исследования показывают, что интуитивное понятие размерности пространства имеет под собой объективное основание.

В отношении параметра времени мы приходим к иному выводу.

Понятие «времени» всегда отождествлялось с темпом движений и повторяемостью процессов. Измерение длительности процессов и явлений осуществляется путем сопоставления их с каким-либо природным периодическим процессом, принимаемым в качестве «представителя» времени. Все попытки ученых дать количественное определение времени, в конечном счете, сводятся к рассмотрению и сопоставлению природных периодических процессов, таких как вращение Земли, изменение фаз Луны, колебания атомов и молекул, внутриатомные колебания.

Рассмотрение генезиса представления о времени приводит к выводу, что время является физическим параметром, отражающим существование в природе повторяющихся процессов. Время – внешняя характеристика движения. И мы не оригинальны в этом утверждении. Еще Аристотель определял время как «число движений по отношению к предыдущему и последующему» и делал вывод, что «время не есть движение, а является им постольку, поскольку движение имеет число» [4].

Об относительности и произвольности параметра времени отчетливо говорил еще в V веке один из отцов христианской церкви Аврелий Августин: «Я слышал, как говорили одному ученому: «Движение луны, солнца и звезд – вот время». Я, однако, не согласен. Почему, в самом деле, дви-

жения других тел не могли бы быть также временем? ... Светила небесные это знаки, определяющие время, годы, дни; это правда, но, остерегаясь сказать, что оборот деревянного колеса и есть день, я все-таки не стал бы спорить, что это не время» [2, с. 54].

Подобной точки зрения придерживался, в принципе, и Гегель: «Время есть лишь абстракция поглощения. Так как вещи конечны, то они находятся во времени, но вещи исчезают не потому, что они находятся во времени, а сами вещи представляют собой временное, их объективным определением является то, что они таковы. Процесс самих действительных вещей составляет, следовательно, время, и если время называют самым могущественным, то оно также и самое бессильное» [5].

Физический параметр времени отображает определенное свойство материального движения, его волновую природу, повторяемость процессов и явлений. Являясь внешней характеристикой движения, время не может быть атрибутом материи, ее первичным фундаментальным свойством, формой ее существования.

Следовательно, объединение пространства и времени в единый материальный континуум неправомерно как с логической, так и с физической точки зрения. Поэтому представление о четырехмерном пространстве-времени как о реально существующем материальном континууме следует признать не адекватным физической реальности [6, 7]. Данную модель следует рассматривать как чисто умозрительную математическую конструкцию, не имеющую отношения к физической реальности.

С диалектико-материалистической точки зрения пространственно-временная модель материального континуума мертва, она не содержит внутреннего противоречия и не способна к самодвижению и саморазвитию. Этой модели требуется внешний толчок, а таким толчком может быть только нематериальное воздействие.

Физические параметры времени, температуры, энтропии имеют некоторую аналогию. Все они – отображение определенных свойств материального движения, но не есть первичные свойства материи или формы ее существования. Время является параметром, отображающим повторяемость процессов, волновую природу движения. Температура характеризует интенсивность, энергетику движения. Энтропия характеризует степень упорядоченности движущихся структур. Однако ни один из этих параметров не является носителем, источником и причиной материального движения.

Для построения непротиворечивой модели физического вакуума, адекватной физической реальности, необходимо выявить первичное фундаментальное свойство материи, которое в органическом единстве с пространством составляет структурную основу материального континуума и источник самодвижения материи.

Анализ естественнонаучных данных показывает, что во всех материальных процессах, явлениях и структурах, без исключения, проявляется тем или иным образом фундаментальное свойство материи, которое назовем «электромагнитным». В явном виде оно проявляется в формах электрических зарядов, магнитного, электрического и электромагнитного полей. Очевидно, что это свойство является первичным фундаментальным

свойством материи. В свете данного вывода материальный мир следует рассматривать как пространственно-электромагнитный континуум. Электромагнетизм (электромагнитное свойство) и протяженность (пространство) являются атрибутами материи, ее первичными фундаментальными свойствами, составляющими в органическом единстве друг с другом структурную основу материального континуума.

В работах [8, 9] данная концепция была принята за основу, что позволило создать логически непротиворечивую пространственно-электромагнитную модель физического вакуума.

Критерием правильности любой модели материального континуума должна быть возможность ее применения для решения основополагающих физических задач, а именно: представление физического вакуума как материальной субстанции; объяснение природы элементарных частиц; построение функциональной зависимости, связывающей параметры фундаментальных взаимодействий и свидетельствующей тем самым о единстве материального мира. Построение такой зависимости и ее соответствие экспериментальным данным являются непременным условием, которому должна удовлетворять рабочая модель материального континуума.

К этим традиционно рассматриваемым задачам мы считаем необходимым добавить еще одну, с нашей точки зрения весьма существенную: выявление физических основ возникновения живых структур.

Предварительный анализ показывает, что пространственно-электромагнитная модель удовлетворяет указанным требованиям критерия правильности. Данная модель представляет вакуум как материальную субстанцию и позволяет рассматривать все фундаментальные взаимодействия в рамках одного физического представления. На основе данной модели выведены уравнения, связывающие параметры фундаментальных взаимодействий со свойствами физического вакуума. Полученные зависимости свидетельствуют о волновой природе материального самодвижения и резонансном механизме образования и стабилизации всех материальных структур. Расчетные значения величин, полученные с помощью этих уравнений, находятся в хорошем согласии с экспериментальными данными.

Пространственно-электромагнитная модель позволяет с новых позиций подойти к объяснению природы элементарных частиц [10] и решению ряда актуальных проблем космологии [11, с. 420-424]. Одним из следствий, вытекающих из новой модели, является указание на существование в Природе естественного излучения, обеспечивающего инициацию и развитие жизненных процессов [12]. Этот вывод имеет принципиальное философское значение и меняет сложившиеся взгляды на происхождение и эволюцию живых форм. Что касается будущего Вселенной, то согласно новой модели, размеры Метагалактики не выходят за пределы интервала, обеспечивающего сохранение внутренних структур. Следовательно, жизнь во Вселенной является вечной и сохраняет преемственность.

Таким образом, философский и логико-математический анализ одной из основополагающих проблем теоретической физики позволил не только найти адекватное решение этой проблемы, но и вывести из полученного решения целый ряд важных следствий, имеющих конкретное приложение в областях физики и биологии.

Философия, логика и математика обладают непостижимой эффективностью в поиске решений ключевых проблем современного естествознания. Однако успех в таком поиске может быть достигнут лишь при условии диалектико-материалистического подхода к проблеме.

Литература

1. Архангельская И.В., Розенталь И.Л., Чернин А.Д. Космология и физический вакуум. – М.: КомКнига, 2006. – 216 с.
2. Фридман А.А. Мир как пространство и время / 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 112 с.
3. Лаврентьев М.М. Физические теории (математические модели) адекватные реальности – необходимое условие прогресса естествознания XXI века: Доклад на конф. «ФПВ-2000» (Новосибирск, 22-24 июня 2000 г.) – http://www.math.nsc.ru/conference/wwwegan/ml_rus.pdf
4. Аристотель. Физика. – М.: Соцэгиз, 1936. – С. 78-79.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Соч. – Т. 2. – М.-Л.: Соцэгиз, 1934. – С. 50.
6. Георгиева М.И. О физической реальности пространственно-временного континуума // Труды Всероссийской астрономической конференции «ВАК-2007». – Казань: Изд-во КГУ, 2007. – С. 416-418.
7. Астафуров В.И., Георгиева М.И., Вебб Н.В. Проблема четырехмерного пространства-времени в современной теоретической физике и космологии // Шестые Смирновские чтения по логике: Труды междунар. науч. конф. / Отв. ред. проф. В.И.Маркин. – М.: Современные тетради, 2009. С. 152-154.
8. Моделирование физического вакуума и взаимосвязи фундаментальных взаимодействий / В.И.Астафуров, В.А.Борисов, М.И.Георгиева, А.М.Маренный // Препринт ВНИИНМ. – № 2007-1. – М.: ВНИИНМ, 2007. – 25 с.
9. Астафуров В.И. Новая математическая модель вакуума и ее возможные физические приложения // Современная математика и математическое образование, проблемы истории и философии математики: Труды междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. – С. 178-181.
10. Георгиева М.И., Астафуров В.И. О природе нейтрино // Снежинск и наука – 2009. Современные проблемы атомной науки и техники: Труды междунар. науч. конф. – Снежинск: Изд-во СГФТА, 2009. – С. 107-110.
11. Труды Всероссийской астрономической конференции «ВАК-2007». – Казань: Изд-во КГУ, 2007. – 536 с.
12. Astafurov V.I. The fundamental interaction, determining biological structures functioning // Математическая биология и биоинформатика: Труды междунар. науч. конф. / Под ред. проф. В.Д.Лахно. – М.: МАКС Пресс, 2008. С. 80-81.

Связь с автором: vastafurov@mail.ru

Секция 1.5
«Социальная философия»

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Кабардино-Балкарский государственный университет
г. Нальчик, Россия

На протяжении всей истории развития человечества в его духовной сфере возникали и развивались понятия, в которых фиксируются представления о формах человеческих отношений. Одним из таких идеалов и высших ценностей выступает понятие справедливости.

Справедливость является категорией правового и социально-политического сознания. Она оценивает соотношение между ролью отдельных слоёв общества и их социальным положением, между деяниями и воздаяниями, заслугами человека перед обществом и их вознаграждением, правами и обязанностями. При этом несоответствие считается антиподом справедливости – несправедливостью. Справедливость – это понятие о должном, соответствующее определённым представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах, это категория морального сознания, выражающая не отдельную ценность или благо, а их отношение между собой и распределение между индивидами в обществе. Вне общества данное понятие теряет смысл.

Справедливость представляет собой оценочную категорию и всецело ориентирована на оценку индивидом, социальной группой или народом существующих общественных отношений. Но в отличие от других философско-этических категорий, носящих оценочный характер, с позиции справедливости оцениваются не отдельные явления, а соотношения явлений. И оценочный характер справедливости проявляется, прежде всего, в фиксировании реального положения личности в обществе. Это понятие выступает как бы нравственной гарантией личности от общественного произвола, т.е., через оценку поведения субъектов справедливость выполняет роль регулирующего фактора.

Содержанием справедливости являются представления о должном, обусловленные исторически сформированным общественным признанием неотъемлемых прав человека. Требования справедливости заключаются в соответствии между реальной значимостью различных индивидов или социальных групп и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т.п. Справедливость обладает своими содержательными особенностями, которые заключаются в том, что она охватывает практически все отношения, возникающие в обществе и государстве, ее основные функции сводятся к анализу и поиску различных несоответствий [1, с. 76].

Совершенно очевидно, что «справедливость» — понятие историческое, зависящее от конкретных исторических условий, и изменялось оно вместе с развитием человеческого общества, отражая его отношение к индивиду. Первоначально справедливость заключалась в требовании наказания за нарушение правил общежития. С возникновением разделения труда и иму-

щественного неравенства изменилась и мораль, навязываемая обществу правящим слоем, и, соответственно, понимание справедливости. Теперь стало справедливым различие людей, определяемое их достоинством.

Множество мыслителей всех времен и народов неоднократно обращались к проблеме справедливости. Еще великие античные философы выделяли справедливость в качестве основной оценки состояния всех общественных отношений. В Средние века получило развитие теологическое восприятие справедливости. По мере развития капиталистических отношений и превалирования их в обществе, а также роста их буржуазной составляющей аспекты изучения справедливости смещаются. Теологические воззрения на справедливость отходят в прошлое, при этом актуализируется и получает массовое развитие идея справедливости как равенство людей; возрастает юридическое значение справедливости. В период перехода от Средних веков к Новому времени формируется либеральная концепция справедливости. Это направление связывает понятие о справедливости с правом.

Если говорить о рассуждениях на эту тему Аристотеля, то он считал, что справедливость является совершенной добродетелью, которая тождественна законности и имеет отношение ко всем нравственным добродетелям. Аристотель делит справедливость на два вида: распределительную (пропорциональную) и направленную (уравнительную). Первый вид справедливости – уравнивающая – относится к отношениям равноправных людей по поводу предметов. Она относится не непосредственно к людям, а к их действиям, и требует равенства (эквивалентности) труда и оплаты, ценности вещи и его цены, вреда и его возмещения. Отношения уравнительной справедливости требуют участия, по меньшей мере, двух лиц.

Второй вид справедливости – распределительная – требует пропорциональности в отношении к людям согласно тому или иному критерию («равное — равным, неравное — неравным», «каждому свое»). Отношения распределительной справедливости требуют участия по меньшей мере трех людей, каждый из которых действует для достижения одной цели в рамках организованного сообщества. Один из этих людей, распределяющий, является «начальником». Требования уравнивающей и распределительной справедливости являются формальными, не определяя, кого следует считать равным или отличающимся, и, не указывая на то, какие правила к кому применять. Различные ответы на эти вопросы дают различные концепции справедливости, которые дополняют формальное понятие справедливости содержательными требованиями и ценностями [2, с. 56].

Кроме того, справедливость – центральное понятие социальной этики, и традиционно выделяют три вида справедливости – дистрибутивную, т.е., распределяющую, коммутативную – обменивающую и ретрибутивную – воздающую. Различают также общую и частную справедливость, понимая под первой моральный смысл общественного устройства, а под второй – общественную добродетель, реализуемую в конкретной области социального взаимодействия. Важнейшей характеристикой справедливости является ее глубинная связь с понятием равенства. Эта связь обусловлена направленностью справедливости на защиту интересов конкретной личности и прослеживается равным образом во всех социально-этических

концепциях независимо от того, являются они эгалитарными или неэгалитарными [3, с. 29].

Таким образом, совершенно очевидно, что справедливость – понятие историческое, зависящее от конкретных исторических условий. Справедливость в процессе исторического развития приобретала различные толкования в зависимости от того какая социальная группа или класс общества являлись их выразителем. Кроме того, справедливость представляет собой нравственно обоснованный критерий соразмерности деятельности, как отдельных лиц, так и общества, и государства в целом. Анализируя проблему справедливости, следует отметить, что справедливость является нравственной категорией и это обстоятельство создает условия для ее привязки ко всем членам общества на основе единых критериев.

Литература

1. Бербешкина З. А. Справедливость как социально-философская категория. М: Мысль, 1983.- 184 с.
2. Сафонов, В. Н. Политические взгляды Платона и Аристотеля и современность. – Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 1999. – 176 с.
3. Прокофьев А. В. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия. // Этическая мысль. – Вып. 4. – М.: ИФРАН, 2003. – С. 23-50.

Связь с автором: sindia13@mail.ru

А.В. Григорьев

ФЕНОМЕН РИСКА ПОТЕРИ САМОРАЗВИТИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Волгоградский государственный технический университет
г. Волгоград, Россия

Общественное развитие является важным фактором формирования такой ценности как личностное саморазвитие. В то же время декларирование ценности саморазвития личности в современности не становится автоматическим гарантом, обеспечением ее реализации.

Современные технологии обработки информации позволяет заполнить эфир потоками никчемной информации, чрезмерно усложняющей для индивида поиск смысла жизни. Содержание и форма информационных потоков часто опираются на манипуляцию. Это приводит индивида к состоянию инертности, которое мешает становлению субъектности, истощает духовный потенциал человека, принуждает к некритическому восприятию информации. Информационная среда навязывает ложные установки и ценности. Большая часть информации примитивизирует и раскалывает сознание и чувства

человека, пробуждает агрессивные аффекты, атрофирует позитивную волю, зомбирует. Индивид, живущий в виртуальном мире, испытывает трудности во взаимоотношениях с людьми, не может выразить своих чувств, мыслей, в силу того, что он теряет навык живого общения, теряет волну, на которой происходит повседневное общение. Индивиду проще уйти в свой мир, где все просто и не требует особых усилий.

Саморазвитие личности это направленный и пролонгированный во времени, историческом и социальном контексте процесс: он требует от субъектов, готовности ожидания, приведения собственных позиций и активности в соответствие с данным контекстом. Существует риск того, что повышенная мобильность и динамизм современного общества обесценят саму суть саморазвития личности. Скорость изменений общественного сознания, и ментальности не совпадает с динамикой развития общества. Происходит несогласованность общественной реальности с устоявшимися стереотипами поведения, что порождает риск потери саморазвития.

Современные средства массовой коммуникации, изымая из сознания понимание нравственности, угрожают примитивизацией мировоззрения. Современные технологии унифицируют производственные и общественные процессы, уничтожают разнообразие жизни. Этому способствует и сам человек, еще не осознавший всей опасности происходящего, а поэтому активно развивающий свою одномерность. Такое развитие человека имеет свои пределы. Информационная революция привела к формированию отчужденного класса лиц, не находящих применения своим способностям в условиях информационного общества и разрыву в доходах между интеллектуальными работниками и остальной частью общества.

Саморазвитие социума является процессом прогрессивного развития, эволюции сложной системы. К факторам, препятствующим развитию системы, относятся внешние воздействия, развитие дисфункций элементов, возрастание энтропии. Цель общества – стремление к максимальному увеличению богатства. В применении к человеку цель социума – свободное и всестороннее развитие личности, а «богатство» – только средство его достижения.

Для увеличения благосостояния обмен постепенно перерастает в борьбу, результатом которой должен явиться прогресс, в котором борьба становится на нынешнем этапе развития небезопасной для самого существования человечества. Закон этой борьбы покоится на простом сравнении уровня богатства, знания, возможностей, умений, желаний. Борьба может вести к уничтожению одной стороны другой. Уничтожение своей противоположности лишает победителя той основы, на которой он впервые появился. Победитель должен либо найти себе новую цель, либо его ждет упадок.

Изменение маршрутов движения капитала способствует повышению производительности, росту доходов и благосостояния одних стран при увеличении степени рисков других. Транснациональные корпорации способствуют развитию нездоровой конкуренции, которая подстегивает отстающих и уничтожает многих из тех, кто в иных условиях имел бы шанс на развитие.

Существующая система образования неэффективна в отношении формирования творчества. Рассмотрение человека только как исполнителя привело к удешевлению человека. Нужно формировать взгляд на человека как на само-

ценное явление, обладающее собственной логикой саморазвития. Образование занимает ведущее место в самообразовании. Недостаточно выработать у человека лишь способы адаптации к изменяющейся среде. «Образование должно формировать у человека способность к творчеству, способность превращения творчества в норму и форму его существования, в инструмент свершений во всех сферах человеческой деятельности» [1, с. 233]. О.С. Газман пишет: «Если выстроить иерархию факторов, тормозящих нашу педагогическую науку сегодня, то на первое место следовало бы поставить отсутствие в массе педагогов искреннего, правдивого, самокритичного взгляда на вчерашний день теории и практики воспитания» [2, с. 16].

В бифуркационный период развития важную роль играют система ценностей и идеалов. Если общество не имеет идеи и программы развития, то тогда информационное воздействие извне может внедрить в общество новую систему ценностей, которая будет в дальнейшем детерминировать ее развитие.

Общая идея развития состоит в росте безопасности, могущества и авторитета государства. Достижение этих целей определяется количеством, как правило, дефицитных ресурсов.

С точки зрения синергетики и кибернетики государство действует в соответствии с принципами самоорганизации и управления. Запаздывание в реализации функций управления это главная опасность для жизни любой организации. Сегодня российское общество стоит перед выбором между двумя альтернативами: а) либо воспроизводить ценности западного потребительского общества, б) либо выработать новую парадигму развития. Условием развития страны является «выявление и сохранение общественной идентичности, важнейшей составляющей которой является самоидентификация общества как некоего целого, отделенного от всего человечества» [3, с. 329].

Последние годы Россия жила в режиме «догоняющего развития». Новые формы хозяйствования не были подготовлены внутренним развитием страны, они во многом противоречили традиционным ценностям российского общества. Это «перенимание чужого наскоро» [4, с. 316] обернулось для России социальной трагедией. Сегодня вопрос стоит так: «либо мы войдем в сообщество цивилизованных стран, не догоняя, а, встраиваясь в него, либо будем отеснены на периферию мировой истории» [5, с. 118].

Литература

1. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. – М., 1994. – 301 с.
2. Газман О.С. От авторитарного образования к педагогике свободы // Новые ценности образования. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 16-46.
3. Братимов О.В., Горский Ю.М., Делегин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000. – 344 с.
4. Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М., 1968. – 300 с.
5. Панарин А.С. Двуполушарная система мира: переосмысление дихотомии: «Восток – Запад» // Глобальное сообщество: новая система координат. – СПб., 2000. – С. 157-168.

ЛАТЕНТНОЕ НАСИЛИЕ

ГОУ ВПО Череповецкий государственный университет
г. Череповец, Россия

Мы живем в современном, цивилизованном обществе с развитой инфраструктурой, новыми технологиями образования и воспитания, высокими духовными ценностными отношениями, и, казалось бы, в XXI веке мы не должны уподобляться прошедшему времени, полному насилия и принуждения: грабежи, разбои, физические издевательства и надругательства, убийства. Тем не менее, и в современном обществе насилие стало одной из главных причин несвоевременной смертности, конфликтов, депрессии, отчуждения. Насилие по-прежнему проявляется во всех областях жизнедеятельности человека, в том числе и на рабочем месте.

Насилие – это сложный, многоаспектный феномен, поэтому существует множество определений, его характеризующих. Согласно определению, данному Л. Н. Толстым, «насилие состоит в том, что одни люди могут силой заставить других людей жить по своей воле»¹. Л. Д. Гаухман подчеркивает, что «общее для всех насильственных преступлений то, что любое из них посягает на общественные отношения, обеспечивающие блага личности: жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность»². Существуют физическое насилие, заключающееся в телесном издевательстве над другим человеком, причинении ему физической боли и насилие психическое, моральное, которое встречается еще чаще и заключается, в том числе, в манипуляции сознанием, идеями, вкусами индивида, что не менее жестоко и трагично. Словесное оскорбление, раздражение, унижение, подавление воли являются яркими примерами психического насилия.

Насилие на рабочем месте – это не только убийства и избиения, но и случаи, когда служащий подвергается оскорблению, угрозе, нападению или негативному эмоциональному воздействию при обстоятельствах, возникающих в рабочее время. И данные «эмоциональные воздействия, – как верно отмечает И. И. Загородников, – могут часто оказать во много раз больше влияния, чем какой-либо физический фактор»³. Нападающей стороной могут быть пациенты, клиенты, сослуживцы, администрация, менеджеры разного уровня.

Именно латентное насилие на работе, его многочисленность, видовое разнообразие, частая повторяемость является основной причинной составляющей плохого эмоционального состояния работников и в целом состояния общего здоровья трудоспособного населения и некачественного «доживания» в пенсионном возрасте. Деструктивной силе психического

---

¹Толстой Л.Н. Путь к жизни. М., 1993. С. 168.

²Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. с. 16.

³Загородников И.И. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 24.

насилия, его опасности и латентности уделял большое внимание русский ученый Н. С. Таганцев в своей работе «О преступлениях против жизни по русскому праву¹» еще в 1870 г.

Информация о насилии на рабочем месте малодоступна, скрывается, искажается. В основном афишируются тяжелые травмы и смертельные случаи. Остальные формы насилия фиксируются в единичных случаях, в связи с чем в научной литературе нет общих достоверных статистических данных. Отсутствие адекватной статистики может являться либо следствием решения вопроса внутри самой организации, работник которой подвергся насилию, либо нежеланием, либо невозможностью самого пострадавшего разглашать конфликт. И на самом деле, практически не возможно доказать что имело место психическое или моральное насилие, а руководители в целях сохранения положительного имиджа компании всячески препятствуют любому обнародованию подобной информации, оказывая давление на пострадавшего.

Подвергнуться насилию могут работники всех сфер жизнедеятельности человека. Можно выделить определенные виды деятельности, которые напрямую и в большей степени связаны с риском физического насилия: деятельность, связанная с деньгами, охраной, работа в ночное время и в общественных местах – работники правоохранительных органов, работники здравоохранения, водители (шоферы такси), охранники, предприниматели.

Работники государственных и частных общественных организаций, банков и других учреждений, взаимодействующих с населением, часто подвергаются нападкам лиц, напрасно прождавших или расстроенных из-за отсутствия нужной информации или услуги, сложных бюрократических процедур или каких-то субъективных причин. Работники розничной торговли, получающие возвраты, работники билетных касс на переполненных, задержанных или отмененных рейсах, водители автобусов и троллейбусов, кондукторы и прочие работники, сталкивающиеся с покупателями и клиентами, желания которых не могут быть удовлетворены немедленно, зачастую подвергаются словесным, а в некоторых случаях и физическим оскорблениям. Работники ряда профессий имеют дело с нетрезвыми, буйными людьми: полицейские, охранники, продавцы. Негативное отношение к закону и милиции со стороны нарушителей может привести к нападению на государственных служащих, особенно тех, кто носит форму.

Таким образом, ежедневно люди различных профессий, даже на первый взгляд самых безобидных, подвергаются физическому или психическому воздействию. Физическое насилие в свою очередь приносит человеку и психическую травму. На особенность взаимосвязи физического и психического насилия обратил внимание А. И. Бойцов, подчеркнув, что «не всегда можно выделить из общей массы разнообразных воздействий на

---

¹Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1870. С. 245-248.

человека именно те, которые травмируют только психику или затрагивают лишь телесную сферу»¹.

И хотя психическое насилие может показаться вполне безобидным по сравнению с убийством или другими проявлениями физического насилия, эффект, производимый им на жертву, особенно, если это повторяется неоднократно, имеет такую разрушительную мощь, что некоторые люди задумываются о самоубийстве. Вот почему множество мужчин и женщин независимо от возраста, национальности и расы ненавидят ходить на работу, постепенно впадают в отчаяние и часто серьезно заболевают.

Таким образом, насилие может произойти на любом рабочем месте и никто не может быть уверен в обратном. Предотвращение насилия на рабочем месте является основной обязанностью работодателя. В связи с этим необходимо проводить определенную политику, направленную на выявление и борьбу с насилием на рабочем месте. В этом направлении надо работать соответствующим организациям и профсоюзам, и, как вариант, должны существовать службы телефонов доверия.

Страдание и боль людей невозможно выразить в цифрах, причем основная часть этих страданий почти не видима. Травмы вследствие физического нападения различаются в зависимости от характера нападения и примененного оружия – это и ушибы, и переломы, и порезы. Последствия психического насилия могут быть более мучительными и продолжительными – потеря самообладания и самоуверенности в своей профессиональной компетентности, чувство вины, внутренние переживания. Все эти явления могут сопровождаться бессонницей, ночными кошмарами, повышенным или пониженным аппетитом. Любое насилие не проходит бесследно, даже если и нет видимых повреждений.

Очевидно, что деструктивная роль насилия на работе проявляется в значительных изменениях в трудовом поведении, поскольку сказывается на здоровье работников: работник становится невнимательным, раздражительным, его активность снижается, направляясь либо на сохранение или восстановление здоровья, либо на культивирование чувства мести или иные средства восстановления справедливости.

---

¹Бойцов А.И. Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью: Межвуз. сб. Л., 1988. С. 140-141.

О.С. Жарова

СУБКУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ «МЕНЕСТРЕЛЕЙ» КАК ФАКТОР ПОСТФОЛЬКЛОРА В РАМКАХ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Пензенская государственная технологическая академия
г. Пенза, Россия

Под фольклорной традицией в социальном смысле понимают совокупность текстов народной культуры, передаваемых устным путем, никому специально не принадлежащих – автору или отдельно взятому исполнителю.

В настоящее время фольклор, как таковой, модифицируется и возникает потребность говорить уже не о фольклоре вообще, хранителями которого, как правило, являются сельские жители, а о постфольклоре в частности, произрастающем в городской среде. Обосновать появление постфольклора можно тем, что идеологические потребности горожан удовлетворяются сегодня другими способами, к устным народным традициям прямого отношения не имеющим. Это уже – кино и другие зрелища, популярная литература и средства массовой информации. Подобное следует увязывать с появлением принципиально новых информационно-коммуникационных возможностей: запись, хранение, трансляция звука и изображения.

Постфольклор как объект изучения относится, как уже отмечалось, к так называемой «третьей культуре» (городской). Для постфольклора характерна самопроизвольность зарождения и развития. Постфольклор фрагментируется в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества. На уровне обыденного сознания он необходим как средство самоидентификации членов тех или иных субкультурных сообществ, возникающих в школе, училище, вузе, лагере, тюрьме, казарме, семье, на улице.

Впервые термин «постфольклор» встречаем в работах профессора С.Ю. Неклюдова. По его определению, постфольклор – область словесности, тексты которой развиваются по фольклорным схемам, но не подходят под формальное определение фольклора. Прежде всего, это письменный фольклор (граффити, солдатские, девичьи альбомы) и сетевой фольклор [1].

Для постфольклора становятся характерными авторство и импровизация. В качестве характерных представителей постфольклора можно рассмотреть социальный феномен, так называемых, современных менестрелей.

Менестрель (французское *menestrel*, от позднелатинского *ministerialis* – состоящий на службе) – средневековый придворный певец и музыкант (нередко также поэт и автор музыки) во Франции и Англии. В куртуазной лирике воспевал рыцарские подвиги, служение даме. В 14 – 18 вв. менестрелями называли также простонародных музыкантов, скитавшихся по городам и селам [3].

В постфольклорном понимании менестрели обрели новую жизнь. Современные менестрели – это преимущественно молодежь. Игра на флейтах и волынках для них столь же заманчива, как пара десятилетий назад игра на гитаре. Исполняемая фолк-музыка претендует сегодня на статус модного направления. Творчество менестрелей охвачено романтизмом и вдохновением.

В рамках обыденного сознания, компонентом которого выступает и постфольклор, можно предположительно сделать выводы о потребностях современных менестрелей. Возможно, именно элемент «кулуарности» притягивает к фолку интеллигентную молодежь – большинство таких концертов проходят в камерной обстановке или на природе. Вот почему фолк-культуру интересно рассмотреть в первую очередь как социальное явление.

Обыденное сознание менестрелей содержит в себе как реалистические представления и здравый смысл, так и иррациональные взгляды. Обыденное сознание может формировать фантастические образы и мифы, и в то же время оно может заключать в себе систему воззрений, вызванных здравым смыслом и глубокой народной мудростью [2].

Тексты музыкантов наполнены воображаемыми мирами и битвами, эльфами и прочими волшебными существами. Герои песен наделены определенными характерами и чувствами, с помощью этих вымышленных персонажей автор способен выражать свои эмоции и переживания. Эти чувства и впечатления возможно близки слушателям и понимаются на интуитивном и бессознательном уровне. Субъективное играет важную роль в творчестве каждого менестреля и люди ценят эту искренность. Главное для принадлежащего к фэнтезийной субкультуре человека – это состояние души, способность чувствовать её «полёт», романтизм...[3].

С позиции юнгианства архетипы связывают мышление современного менестреля с мышлением его предков. Можно осторожно предположить, что образы героических персонажей, которые присутствуют в постфольклоре, возникают из представлений предков рыцарских времен. Современное общество, упростив правила, не совершает подвиги в честь прекрасных дам, по сути, принижает значение слов «храбрость», «доблесть» и «отвага». Возможно, подсознательный уровень мышления современных молодых людей старается восполнить этот пробел с помощью творчества.

Глубокие исследования сознания могут подтвердить или опровергнуть мысль, что постфольклор как собственно и сам фольклор есть своеобразный мост между мышлением современных людей и мышлением их предков.

Литература

1. Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина, 1995, № 1, С. 2–4.
2. Миронов М.Е. Обыденное сознание и современность (философский анализ). – М.: Издатцентр «Ветеран Отчизны», «Мегаполис», «Мегатрон», «Рассвет», 2002. – С.110.
3. <http://www.menestrels.ru>.

Связь с автором: biryuza8@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФА НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского
г. Чита, Россия

В настоящий момент распространено мнение, что социальный миф не составляет развернутой и всеобъемлющей мифологии современного общества, что находит отражение в определении социального мифа как феномена, представляющего собой вкрапление мифа в немифологическую по своей природе культурную традицию в результате сознательного рефлексивного целеполагания, вариант политико-идеологической практики [3, с 13.].

Социальные мифы обычно воспринимаются обществом не как вымысел, а как естественное положение вещей. Традиционные мифы – это своего рода «духовная сфера» общественной жизни (искусство, культура и т.д.). Под воздействием социальных мифов история возникновения и развития государств и наций, как правило, искажается и мифологизируется настолько, что ее объективный анализ теоретически возможен только при критическом сопоставлении различных источников. Однако, в большинстве случаев это практически невозможно из-за пристрастности, субъективности или ангажированности исторических или других источников информации. Вся мировая история стала объектом постоянных манипуляций. В этой связи, выдающийся американский ученый К. Рид отмечал, что «историк находит в прошлом то, что ищет. Он отбирает, излагает и подчеркивает факты в соответствии с той концепцией, которая социально желательна и востребована, и рассказывает об эволюции общества, постоянно имея в виду это обстоятельство» [1, 285 р.].

Социальный миф – основной инструмент манипуляции общественным сознанием. Исследователи отмечают, что «возможности для возникновения и распространения массового социального мифа, а также для злоупотребления им с помощью средств массовой коммуникации в современном обществе не уменьшились, а во многом увеличились» [2, с. 61].

Отрицая рациональность вымышленного в реальной жизни, современный человек постоянно испытывает потребность в нем. Мотивация поведения, основанная на примерах из художественных произведений и продукции массовой культуры, выступает в роли важного фактора современной жизни.

Общество организует образы и представления, сформировавшиеся в сознании личности, в стереотипы и символы, определяющие мотивацию его поведения. Стереотипы мышления представляют собой упрощенные образы и представления о том или ином положительном или отрицательном явлении, событии, человеке и т.д. Они формируются в результате неоднократного эмоционального и смыслового акцентирования сознания

человека на тех или иных аспектах события, многократного восприятия человеком этого события или информации о нем.

Основным качеством мифа, в отличие от чистой информации, является то, что он всегда рассчитан на конкретный результат. Миф должен произвести впечатление, и это либо удастся, либо нет. Так, результатом воздействия мифа может быть: действие; изменение характера действия; формирование или изменение взглядов на событие или явление; бездействие как активная позиция; отсутствие результата, когда это является целью. Миф как инструмент, призванный сформировать определенное представление о чем-либо, естественно выполняет функции воздействия.

Социальные мифы, рассчитанные на общество в целом, выполняют также следующие функции: стабилизирующую, когда при умелом проведении аналогий общество успешно преодолевает сложные этапы развития; объединяющую, когда общество мобилизуется на выполнение общей задачи; абсорбирующую, потребность в которой возникает при вливании в общество новых больших групп или при массовой эмиграции и образовании новых государственных единиц; изолирующую, которая отделяет часть населения, сословие или группу людей, создавая условия для совершения над ними насильственных действий; дестабилизирующую, широко используемую оппозицией для раскола общества и достижения своих целей.

Таким образом, можно говорить о том, что задачи социального мифа практически совпадают с задачами информационно-психологического воздействия. Общей конечной целью социального мифа и информационно-психологического воздействия (ИПВ) является побуждение к определенной социальной реакции путем формирования нужного представления о чем-либо.

То, что думает человек, его мнение, имеет для нас значение только в связи с тем, что он делает. Этот тезис ясно определяет как интересы общества в личностном сознании, так и потребность составителей материалов ИПВ в изучении технологий эффективного воздействия на сознание, обеспечивающих не только их восприятие, но и соответствующее реагирование. Исходя из этого, знание и использование технологии мифа позволяет при подготовке материалов ИПВ максимально использовать весь спектр воздействия на конкретную аудиторию, задействуя чувственные, подсознательные и социальные стороны психологии личности и общества. Гармонизированное в соответствии с уже существующей устойчивой системой мифологии общества ИПВ воздействует не извне, а изнутри системы мировоззрения и обеспечивает значительно более сильный эффект воздействия и более естественный процесс его восприятия.

Литература

1. Read C. The Social Responsibilities of the Historian // The American Historical Review. – 1950. – Jan. – 285 p.
2. Кессиди Ф. От мифа к логосу. М., 1972. – С. 61-68.
3. Кириллова Н.Б. Медиакультура, миф и политика // Философские науки, № 5, 2006. С-13.

Связь с автором: kovalirinay@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

Всероссийская Академия внешней торговли
г. Москва, Россия

При рассмотрении различных подходов к определению феномена «культура» нельзя не задаться вопросом о том, каким образом можно операционализировать столь сложный феномен для социальной практики и формирования межкультурной компетенции. Межкультурное обучение формирует свою основу, обращаясь к культурной антропологии. В последние годы в связи продолжающимися дискуссиями о сущности культуры возникла тенденция по выработке самостоятельной позиции в опоре на культурологию, теорию культуры, социологию и другие дисциплины, которая позволила бы использовать понятия культуры в областях, связанных с межкультурной проблематикой. Имеет смысл обратиться к некоторым сущностным характеристикам рассматриваемого феномена, которым уделяют особое внимание западные научные круги, являющимися весьма ценными для интерпретации феномена «культура». Рассмотрим процесс усвоения культуры во время социализации, взаимоотношения культуры и коллектива, влияние культуры на идентичность. Также важен анализ культуры как открытой системы:

Вопрос о том, как человек усваивает культуру, до сих пор является предметом научной дискуссии. Вопросы социализации, аккультурации и формирования личности весьма важны для формирования межкультурной компетенции. Несмотря на проблемы, касающиеся отношений культуры и общества, ученые уже пришли к выводу, что человек владеет «культурой» не с рождения, а приобретает в течение жизни. Новорожденный не является «культурным существом», а становится им в процессе усвоения заданных обществом культурных образцов. При этом культурное приобретение «совершается в реальных процессах, в которых могут открывать доступ эмпирическим наблюдениям» [4, с. 161]. Аккультурация начинается после физического рождения индивидуума и представляет процесс усвоения ребенком культурных норм общества. Так как этот процесс возможен только с помощью других людей, то аккультурация является социальным процессом и как таковая является частью социализации, в которой решающую роль играет семья. Наряду с выполнением чисто биологической функцией, семья дает ребенку «второе рождение» в качестве социально-культурного существа.

Многие исследователи занимались вопросом первоначальной социализации. Главным образом их интересовал вопрос «очеловечивания» ребенка, а также вопрос, как общества и ее учреждения способствуют передаче подрастающему поколению ценностей, норм и а также социальных ролей [1, с. 108]. Рене Кёниг назвал этот процесс «вторым, социокультурным рождением человека, в процессе которого происходит социализация, аккультурация и вторичная фиксация социальных признаков» [3, с. 102].

Вторая часть первоначальной социализации начинается также непосредственно с рождения. Аккультурацией дает возможность ребенку перенять специфические для культуры характерные особенности социальной группы,

к которой он принадлежит. Таким образом, он становится представителем своей культуры и при случае также субкультуры. Этот процесс происходит преимущественно неосознанно в повседневной коммуникации и взаимодействии с референтными лицами. Уже основные паттерны поведения, например, соблюдение личной гигиены и прием пищи, культурно обусловлены и различаются от (суб-) культуры к (суб-) культуре. Воспринимая символы, ребенок учится языку, жесту, мимике, проявлению эмоций и т.д. и одновременно усваивает культурную роль. Таким образом, возникает нижний, почти неизменный слой человеческой личности, «basic personality», т.е. «базовая личность» по удачному выражению Классенса. Основные образцы поведения будут служить человеку на протяжении всей его жизни. Если социализация дает маленькому ребенку шанс стать человеком, то аккультурация сужает этот шанс в рамках того же процесса до определенных паттернов поведения [1, с. 93]. Усвоение культуры продолжается во время вторичной социальной фиксации.

Возникает правомочный вопрос, какие факторы в рамках этого общего процесса оказывают постоянное влияние на личность индивидуума. В рамках представленного рассуждения создается впечатление, что при определенных обстоятельствах, преимущество за методами воспитания и семейным влиянием, оказывающим решающее воздействие на развитие индивидуума. Однако скорее всего весь окружающий мир оказывает решающее воздействие на развитие личности и когнитивные способности индивидуума [2, с. 147]. Если они отражаются на человеческой анатомии, то следует сделать вывод, что они также влияют на коммуникативные процессы, на решение определенных когнитивных задач и проблем, а также на развитие стиля мышления. Это не означает передачи культуры по наследству, а скорее говорит о том, что уже на ранней эволюционной фазе индивидуумы могут считаться «культурно обусловленными личностями». Однако помимо этого, культурная социализация индивидуума происходит под воздействием и других факторов.

Любое культурное воздействие может влиять на индивидуума только до определенной степени. Ни общество и использование самых строгих методов социализации не в состоянии воспитывать похожих людей. Так как окружающая среда не может быть вполне статичной, каждое общество для своего выживания должно обладать способностью по приспособлению структуры, учреждений, системы ценностей и поведения ее членов, т.е. ее культуры, к изменяющимся условиям среды. Другими словами, из-за необходимости существовать функционировать в постоянно изменяющейся окружающей среде, общество вынуждено адаптировать свою культурную надстройку, т.е. изменять культуру.

Итак, на вопрос о том, что преобладает в отношениях между личностью и окружающей средой, можно дать два ответа. Можно говорить о предопределенности культурного поведения, о наличии так называемой «культурной» печати», или же считать индивидуальное поведение полностью независимым. Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, т.к. определяет подходы к формированию межкультурной компетенции. Нам кажется, что истина находится как всегда посередине. Не вызывает сомнения, определяющее воздействие культуры на каждого

члена общества. Но и сам человек не является простым носителем «ментальной программы», а демонстрируют удивительные способности к адаптации и свободному творческому развитию, являясь носителем своеобразного «культурного багажа», содержанием которого он пользуется по собственному разумению. Две стороны человеческой природы могут сменять друг друга по ситуации и не вызывая, при этом, внутреннего конфликта у индивида. Следовательно, межкультурное образование занимает сбалансированную позицию между позицией жесткой культурной детерминированности и необоснованным представлением о произвольном, независимом имагинативным характером культуры (культура как представление – имагинация).

Культуры существуют в пределах человеческих коллективов. При этом понятие коллектива включает все различаемые группы индивидуумов, начиная от футбольных клубов, коммерческих предприятий и кончая национальными государствами. Эта точка зрения выделяется на фоне более узких определений культуры различными исследователями, которые первоначально были нацелены на общество или нацию, и оставляли без внимания многочисленные уровни культуры, которые могут переплетаться и даже противоречить друг другу.

Раньше ответ на вопрос, что является культурным коллективом, был бы прост, т.к. под ними подразумевали общество, страну, народ, нацию, языковую группу или государство. При этом имелись в виду люди определенной страны, обладающие определенными национальными качествами. На современном этапе стало труднее ответить на вопрос о том, что является культурной общностью, по трем причинам. Во-первых, в большинстве стран мира одновременно существуют несколько культурных общностей, к которым относятся (суб-) культуры, религии, культуры регионов, профессиональных групп, организаций, поколений и образов жизни. Во-вторых, в современных обществах каждый человек рассматривается в качестве индивидуума, который одновременно может принадлежать нескольким культурным общностям: Он может чувствовать себя в определенных ситуациях гражданином мира или европейцем, гражданином России, при случае также православным или член какой-либо партии, а также инженером или безработным. В-третьих, в связи с процессами глобализации развиваются «всемирная культура», а также региональные культурные общности, например, «Европейское Сообщество».

Отталкиваясь от представления о коллективах как высококомплексных образованиях, состоящих из различных социальных связей можно прийти к выводу о мультиколлективной природе современного человека. Индивиды как члены многообразных коллективов принадлежат сразу к нескольким социальным группам – нации, этносу, профессиональным группам, а также субкультурам. Многократное вхождение индивидуумов в многочисленные коллективы производит, таким образом, целые социальные сети. Вельш замечает по этому поводу: «Культура и общество существуют не в определении границ, а в способности связываться и подвергнуться переходу. При встрече с другими образами жизни всегда присутствуют не только расхождения, но и возможности объединения. [5, с. 189]. Далее он замечает, что они могут быть развиты и расширены так, чтобы возникший общий образ будет включать даже те черты, которые прежде казались неспособными быть частью новой сети [5, с. 193]. Каждый человек, являясь частью разных коллективов, входящих в сети

социальных связей, обладает или вынужден обладать знанием правил, кодов поведения всех этих коллективов. Поэтому культура формирует у него целую карту смыслов, для коммуникации с подобными себе, а тем самым формирует ту часть личности, которая указывает на его сходство с другими членами групп, т.е. культурную идентичность.

Под культурной идентичностью понимают принадлежность человека или социальной группы к определенному коллективу, которым может быть культурный круг или субкультура. При этом идентичность ощущается на эмоциональном уровне, т.к. вызывает чувство культурного отличия от других людей или групп. Эти отличия могут проявляться через определенные приобретенные в процессе социализации аспекты, к которым относится религия, язык, нация, ценностные ориентации, привычки, традиции, обряды или прочие аспекты жизни. Культурная идентичность не является врожденной, а формируется в процессе социализации и аккультурации.

Основные составляющие культурной идентичности носят гетерогенный характер и могут даже вступать в противоречия. Культурная идентичность формируется из дискурсивного конструкта «свой», возникающим через противопоставление с имеющимся или вообразаемым «чужим». Ощущение идентичности заряжено сильным эмоциональным потенциалом, при котором ощущение принадлежности к своей культурной группе транслирует чувство безопасности, сохранности, нахождения в «родных стенах». «Чужое» может не восприниматься или внушать чувство неуверенности, отказа или даже желание воздвигнуть границу. Культурная идентичность формирует у индивида чувство групповой принадлежности, готовность разделять ценности и нормы группы, а также брать ответственность за коллектив и ее членов.

Если учитывать тот факт, что в современных обществах каждый его член входит в несколько групп, то его идентичность обладает одновременно несколькими слоями. Мультиколлективность современных комплексных индустриальных обществ порождает такой феномен как «печвок-идентичности», характеризующейся не статичностью культурной идентичности, а вечным процессом ее изменения и одновременным существованием нескольких ее слоев. Поэтому можно говорить о русском, проживающем в Москве или в провинции, работающем взрослом или ребенке, члене байк-клуба или увлеченном дельтапланеристе, враче или менеджере и т.д. и т.п.

Культура не может не отражать реалии окружающего мира, изменение поведенческих и смысловых паттернов. Выступая, как система их организации, культура постоянно изменяется. Динамический характер культуры заметен даже простому обывателю, сравнивающему времена своей молодости с сегодняшним днем. Эволюции подвергается все – от одежды, причесок и музыкальных предпочтений, до представлений о дружбе, семье и целей трудовой деятельности. Значительные изменения в ценностных ориентациях особенно очевидны, если сравнивать молодое и пожилое поколения у нас в России.

Понимание современных культур как динамичных, открытых систем сложилось не сразу. Ранее среди культурологов и антропологов было распространено представление о культуре, исходившей из множественности культуры, базирующейся на понятии культуры, сформулированном Гердером. В соответствии с ним культуры представлялись как национальный, гомогенный и монолитный феномен, который описывался через понятие сферы. Одна-

ко в современном обществе, представляющем собой глобализирующуюся систему, трудно себе представить людей, не подверженных влиянию новых тенденций. Хотя в научных кругах, средствах массовой информации и просто обыденной жизни по-прежнему рассуждают о «русском», «английском» или «немецком», вряд ли можно представить себе этнически «чистые» формы культуры. Хотя скорости проникновения новых веяний в различные сферы культуры разнятся, демонстрируя значительную динамику в вопросах кулинарии, моды, массовой культуры и большую устойчивость и «традиционность» в сфере образования, семейных отношений, политического устройства и т.д. На закономерный вопрос о том, будут ли в будущем «преодолены» межкультурные различия, уже сегодня можно ответить отрицательно. Наряду с процессом слияния, переплетения возникновения единых культурных пространств, пробивает себе другая тенденция, заключающаяся в дифференциации культур, настойчивом желании отстоять культурную идентичность. Унификация и динамичность логично дополняется дифференциацией и сепаратизацией. Национально-государственные основы государств и их институты в виде политических, социальных систем и промышленности существуют и продолжают порождать культурные различия. При этом динамика глобальных изменений имеет различный потенциал, разительно отличающийся от страны к стране, от региона к региону.

Выборочное представление наиболее важных с культурологической точки зрения теоретических структурных компонентов и аналитических концепций культуры под углом их практической значимости для анализа межкультурных взаимодействий показало культуру в его оригинальной сложности. Культурная система как культурный образец, который логично управляет взаимодействиями и структурирует содержание выступает как память общества, как необходимый компонент социального.

Литература

1. Claessens D. Familie und Wertsystem. Eine Studie zur «zweiten, soziokulturellen Geburt» des Menschen und der Belastbarkeit der Kernfamilie, 4. Auflage, Berlin, 1979. – 223 с.
2. Keller E. Management in fremden Kulturen. Ziele, Ergebnisse und methodische Probleme der kulturvergleichenden Managementforschung, Stuttgart, 1982. – 127 с.
3. König R. Materialien zur Soziologie der Familie, Köln, 1974b. – 154 с.
4. König R. Soziologie, Frankfurt, 1958. – 302 с.
5. Welsch W. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today From: Spaces of Culture: City, Nation, World, ed. by Mike Featherstone and Scott Lash, London: Sage, 1999. С. 194-213.

Связь с автором: besuglowa@mail.ru

Секция 1.6
**«Философская антропология, философия культуры,
философия религии и религиоведение»**

ФИЛОСОФИЯ: УНИВЕРСИТЕТ КАК ФОРМА ЖИЗНИ

Сургутский государственный университет
г. Сургут, Россия

«Профессор принадлежал к университетским замухрышкам, которые всю жизнь тянут самую неблагоприятную лямку: работают за десятерых, не пользуются благами жизни и кончают тем, что оставляют после себя несколько томов исследования о каком-нибудь греческом придыхании и голодную семью».

Д.Н. Мамин-Сибиряк [1]

Необходимость серьезного отношения университетского человека к философии как практике дискурсивного мышления, казалось бы, вполне понятна и даже самоочевидна. Но, как известно, с большей охотой мы пренебрегаем именно очевидным. Так, очевидно, что философия как феномен культуры и особая практика познания мира и жизни в нем существует более двух с половиной тысяч лет – значительно больше, чем традиция христианства. Но если в культурной значимости христианства сомневаться не принято, то в значении философии и самом факте ее существования сомневаются даже философы.

Впрочем, сомнение – атрибутивное свойство философского отношения к миру вообще. Данное отношение предполагает необходимость все ставить на обсуждение, включая собственное предназначение философии и место философа в культуре. Если подобное обсуждение было внутренне последовательным, то рано или поздно оно ставит нас перед выбором между философией как социально значимой практикой и философией как экзистенциальным опытом, иными словами, философией как стремлением философа к совершенствованию мира и философией как стремлением философа к совершенствованию себя [2].

Необходимость выбора между философией как изменением мира и философией как изменением себя есть недвусмысленное указание на персонализированный характер и экзистенциальную природу философского мышления [3]. Современная философия, во многом забывая собственную экзистенциальность, утверждает плюрализм как всеобщий принцип понимания. Основанием ее внутренней неопределенности является не столько девальвация философского мышления как способа понимать этот мир и жить в нем, сколько аморфность социального и культурного бытия, вызванная утратой связи с прошлым.

«Утрата прошлого» сказывается и в образовательной деятельности. В этих условиях значимость приобретает идея экстерриториальности, в свое время создавшая университетскую традицию. В университете, деятельность которого определяется законом аудитории, весьма далеким от законов тротуара и жизни с их демонстративным поведением и потреблением, критерием состоятельности служит сдержанность ума, иными словами,

контролируемая способность к суждению. Когда речь идет о попытках мыслить, причем философским образом, то необходимо контролировать жесты, интонации и, тем более, слова. Если мы хотим или должны удержаться в пространстве философии, не срываясь в пререкания с миром, то необходимо разделять ее порождающий принцип – «Erosché!». Лишь воздерживаясь оценочных суждений, по крайней мере, опрометчивых, мы можем прийти к ясному представлению о собственном предназначении и понять, чего каждый из нас стоит.

Подобное отношение, способное раскрыть экзистенциальную природу философии, не характерно для сферы современного университетского образования. К тому же, преподавание философии в качестве межфакультетской дисциплины кардинально отличается от подготовки философов на философских факультетах. Причин тому несколько. Во-первых, такая дисциплина, как «Философия», в действительности не существует, как не существует, например, «человек вообще». Понятие «философия» вполне адекватно в качестве самоопределения традиции возобновляющегося, дифференцированного знания, но, став названием учебной дисциплины, оно лишь уводит нас от сути дела; во-вторых, студенту-философу не нужно объяснять, в чем заключена культурная и жизненная ценность философии. Сознание этой ценности фундирует его мотивацию как в отношении выбора профессии, так и в отношении специализации в тех или иных областях знания. Придерживаясь известного различия «философии учений и систем» [4] и «реальной философии», можно сказать, что студент-философ обучается делу философии [5], тогда как студент-нефилософ изучает несуществующий и уже поэтому – «лишний» предмет.

Между тем статус философии в системе университетской подготовки, предполагаемый Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (2000 г.), довольно высок. Философия позиционируется здесь как одна из обязательных дисциплин федерального компонента. Стандарт предполагает, что инициативу в определении конкретного содержания гуманитарной подготовки возьмут на себя, прежде всего, межфакультетские кафедры философии. Именно они способны достичь разумного компромисса с факультетами по поводу структуры гуманитарной составляющей университетского образования. Однако, на деле, отсутствие достаточной активности со стороны сообщества преподавателей, обеспечивающих межфакультетскую подготовку по социально-гуманитарным дисциплинам, приводит к кратному сокращению количества часов, изъятию философски ориентированных спецкурсов и курсов по выбору из учебных планов факультетов. Это следствие неспособности преподавателей-гуманитариев в массе своей осознать простую, в общем-то, вещь: Humanitaria, будучи формой, лишенной какой-либо прагматики, держится исключительно усилием профессионального сообщества, а не априорной убежденностью в чрезвычайно высокой ценности философии для общества, культуры и отдельного человека. Усилие гуманитарного сообщества, безусловно, непрерывное и, зачастую, предельное, должно быть направлено на поддержание собственной профессиональной состоятельности.

Ссылки преподавателей-гуманитариев на «непонимание» непрофильными факультетами «высокой культурной ценности» гуманитарной подготовки и их собственная убежденность в высоком статусе дисциплины «Философия» имеют своим истоком, отнюдь, не университетскую традицию, а, прежде всего, трепетное отношение советского государства к марксистско-ленинской философии, которая, кстати, оправдывала высокий статус в системе вузовской подготовки. Чтобы это понять, достаточно обратиться к недавнему прошлому [6].

В кон. 80-х – нач. 90-х гг., вследствие известных политических и экономических потрясений, кафедры общественных наук (ранее – кафедры марксистско-ленинской философии) были вынуждены изменить структуру и содержание учебного процесса. В итоге, появляются новые предметы – культурология и политология, а, ранее существовавшие, социология и логика приобретают статус межфакультетских дисциплин. Казалось бы, эти перемены должны были нивелировать последствия практики воспитания единомыслия, инструментарием которой служил дисциплинарный комплекс «марксизм-ленинизм». В него входили история КПСС, марксистско-ленинская философия, политэкономика и научный коммунизм. Но, в начале 90-х гг., новые дисциплины, как правило, сталкиваются со старыми мыслительными привычками преподавательской корпорации. Ощутимее всего это столкновение проявило себя в философии.

Марксистско-ленинский канон рассматривал философию как органичное единство диамата и истмата. Однако, его мутации, начавшиеся с кон. 1980-х гг. [7], «открыли» для массы студентов-нефилософов такую дисциплину, как «История философии». Отныне, для большинства преподавателей межфакультетских кафедр философия станет дисциплиной-кентавром, непостижимым образом совмещающим две «равные» части: историю философии и теоретическую философию. Зазора для рефлексии и понимания со стороны аудитории здесь также не предполагалось, но требование «знать философию во чтобы то ни стало» сохранило свою силу. Однако, если ранее его оправданием были идеологические мотивы, то ныне оно обретает форму некоего императива. Поскольку природа подобного императива не связана с соображениями высокой нравственности и понятна, по-видимому, одним лишь преподавателям философии (их нельзя отождествлять с философами и исследователями), то призыв к изучению философии аудитория воспринимает, в лучшем случае, как повинность.

В восприятии аудитории и университетских корпораций философия служит способом ретрансляции настолько же непостижимой, насколько и самодостаточной сложности. Дисциплина «Философия» все чаще воспринимается буквально – как дисциплина, т. е. своего рода репрессивная практика. Ее действительным содержанием служит не опыт свободного мышления, а абсолютно формальное, не связанное с реальной жизнью, спекулятивное рассуждение. Поскольку все (включая и тех, кто в настоящее время стоит у руля образовательной политики государства и университетской науки) в свое время «проходили» философию, то память о пережитом когда-то насилии поддерживает недоверие и к современной философии. К чести университетских корпораций, в частности, выпускающих кафедр, нужно признать, что подобное недоверие все еще носит имплицитный

характер. Между тем, сообразно законам социальной физики, подобное недоверие – нормальная человеческая реакция, ведь и в реальной жизни встреча с чем-то в принципе непонятым вызывает у нас, скорее, чувство настороженности, нежели восхищение необъяснимой сложностью.

Современная философия не должна оправдывать свое место в учебном плане выпускающих кафедр одной лишь способностью к самовоспроизводству. Нужно помнить, что право философии на высокий статус в системе образования дано европейской университетской традицией. Философия была востребована здесь по причине ее деятельного характера: с момента своего появления в пространстве античной культуры, она служила не столько способом понимать этот мир, сколько способом и способностью жить в нем. И сегодня, статус философии должен быть обусловлен интеллектуальной активностью ее адептов, их способностью соответствовать философской и университетской традициям.

Пока же, в методике преподавания философии преобладают негативные тенденции. Для сравнения: обучение иностранному языку, безусловно, есть востребованное дело. Для современного человека знание языка – это уже аксиома, правило интеллектуальной гигиены. Следуя ему, практический курс иностранного языка в вузе изучают в составе подгруппы из нескольких человек – таким образом учат тому, что соответствует запросу самой жизни и социальной моде. Совсем иное дело – преподавание философии, которое, казалось бы, не должно зависеть от прихотей моды. Впрочем, оно и «не зависит»: как проводилось, в свое время, семинары по марксистско-ленинской философии в группе из 30 человек, в таком же «составе» практические занятия проводятся и сейчас.

Подобное «просветительское» отношение к философии, закрепленное еще эпохой марксизма-ленинизма и не опровергнутое ни одним из постсоветских образовательных стандартов, губительно не только для философии, но самого духа университетского классического образования, чья идея зародилась еще в XII–XIII вв. Если философия в нашей стране и дальше связывает свое будущее с университетской традицией; если университет для нее, действительно, не средство, а цель, и даже, быть может, форма жизни, то корпорация преподавателей-философов должна пересмотреть привычное представление о ресурсах собственного существования.

Ориентиры подобных изменений в профессиональной мотивации очевидны, во-первых, это актуализация минимума инициативы; во-вторых, стремление к качественным критериям оценки труда; в третьих, работа с факультетами, нацеленная на достижение паритета специализации и универсализации профессионального образования, т. е. выработка разумной пропорции между циклами социально-гуманитарных, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Ориентиром для философов может служить статус таких дисциплин федерального компонента, как «Иностранный язык» и «Физическая культура», которым они наделены в рамках цикла ГСЭ, наконец, самое главное, изменение содержания и структуры лекционной и семинарской работы. Если бы данные ориентиры, перечень которых далек от полноты, были приняты к сведению большинством корпорации преподавателей-гуманитариев, то философия и философы не восприни-

мались бы аудиторией и коллегами по университетской корпорации как, соответственно, «лишний» предмет и «лишние» люди.

Мы, в принципе, понимаем, что чувство оторванности от жизни, вынуждающее к самодостаточности, школьный учитель должен переживать последним. Но на деле, с тех пор как Д.Н. Мамин-Сибиряк создал репрезентативный образ отечественного профессора, мало что изменилось. Ныне – все то же: разве что утрачена способность к исследованию «греческих придыханий», да реанимировано стремление пользоваться благами жизни. В остальном, отечественный профессор философии, в отличие, к примеру, от своего германского коллеги, чей статус является одним из самых высоких в обществе, по-прежнему не способен изменить эту жизнь, сделав ее хоть немного ближе к закону аудитории. Для этой страны и этой жизни – это прискорбно вдвойне, поскольку закон университетской аудитории остается здесь едва ли не единственным подобием предсказуемого человеческого общежития.

Университетская «философия для нефилософов» нуждается в помощи. Конечно, на способности к суждению можно сэкономить, но согласиться: и без подобной вивисекции, от нашей состоятельности в мысли мало что осталось. А мысль, унаследованная временем (как и многое другое из того, чем торгует эта страна), по сути дела, невозобновляемый ресурс. Ее внутренняя содержательная целостность предпосылочна по отношению к тому или иному пониманию факультетами значимости философской и университетской традиции. Университет не может быть средством для представителей той или иной специальности и не только потому, что в истоке университетской традиции многих современных профессий не было и в помине, но более всего потому, что всякий университет, даже не создавая нового знания и не наращивая общего исследовательского опыта, призван служить сохранению традиций. И в этом качестве университет служит воплощением идеи культуры и, как ее воплощение, он – цель самого себя. Университет в силу его экстерриториальности – одна из наиболее естественных форм существования человека; что же касается философии, то в наши дни – это едва ли не единственная форма ее жизни...

Литература

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: В 10 тт. – Т. 1. – М., 1958. – С. 36.
2. См.: Философия без оснований. Беседы М. Рыклина с Р. Рорти // Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст. – М., 1997. – С. 136-137.
3. Поясняя жизненную значимость философии, М.К. Мамардашвили выразил экзистенциальный характер философского мироощущения следующим образом: «Философия потому и важна, что она имеет какое-то отношение не просто к нашим представлениям о мире, а глубокую связь с самим фактом существования человека»; см.: Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. – М., 1996. – С. 23.
4. Данное различие введено М.К. Мамардашвили; в частности, см.: Сознание как философская проблема // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 8.

5. См.: Ахутин А.В. Дело философии; Библер В.С. Быть философом; Его же. О философском образовании в канун XXI века, – в сб.: АРХЭ: Ежегодник культурно-логического семинара / Под ред. В.С. Библиера. – Вып. 2. – М., 1996.

6. О феномене советской философии, в частности, см.: реферат И.Н. Балабановой на книгу Evert van der Zweerde «Soviet Philosophy – the Ideology and the Handmaid» («Советская философия – идеология и служанка») в сб.: Историко-философские исследования: методологический аспект. Материалы конф. молодых ученых / Под. ред. А.И. Алёшина. – М.: РГГУ, 1997. – С. 71-78.

7. Достаточно, в этом смысле, вспомнить учебник для вузов под редакцией И.Т. Фролова (Введение в философию: В 2 т. М., 1990), изрядно запаздавший в своем, по-видимому, искреннем стремлении придать человеческий облик официальной философии.

Связь с автором: ecse-isaev@rambler.ru

Д.В. Львов

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ АРХЕТИП В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия

Люди всегда находятся в той или иной мере в состоянии неопределенности. Однако для того, чтобы действовать, планировать, сотрудничать, необходимо опираться на некие представления об окружающем мире, осуществлять деятельность в соответствии с такими представлениями. Функцию мироупорядочения выполняет сознание. Но не только оно.

В.В. Василькова, основываясь на синергетической методологии, подчеркивает скрытую структурообразующую роль архетипов в социальной эволюции и организации современного социального мира [1; 376]. Эти феномены коллективного бессознательного позволяют строить символические паттерны, достаточно абстрактные, чтобы в них могли быть вписаны многие ситуации, но, в то же время, достаточно специфические, чтобы увидеть «свое место» и выработать некий способ поведения, соответствующий каждому паттерну.

При взаимодействии с какой-либо организацией человек первым делом определяется со своим статусом по отношению к ней. После этого первого шага сразу же становится понятным, на каком уровне будет происходить взаимодействие. Статус клиента, как правило, подразумевает уровень взаимодействия с обслуживающим персоналом, тогда как статус владельца фирмы предполагает взаимодействие на уровне управленцев. Другими словами человек находит себя в иерархической системе и, исходя из своего места в ней, понимает, с одной стороны как ему следует,

с другой как он может действовать. Тем более это справедливо в случае включенности в организационную структуру, то есть когда человек является членом организации.

При этом определение своего положения в иерархии происходит практически бессознательно. «Автоматически», если использовать язык В. Чалидзе. «Это обеспечивается проявлением автоматизма оценки, позволяющего каждому индивидууму определить иерархию воль в сообществе и свое место в этой иерархии посредством последовательных сравнений своей воли с волями других индивидуумов (т.е. установить множество иерархических отношений)» [3, 29].

С точки зрения структуры иерархическая система является сущностью такого явления как организация. Причем внутри организационной структуры «следует учитывать иерархию фракций» [4, 239]. То есть существуют определенные объединения внутри организации, которые обособлены друг от друга и продвигают свои, отличные от других фракций интересы. В то же время, выступая элементами организационной структуры, они двояко вписываются все в тот же иерархический архетип. С одной стороны они являются элементами иерархической системы всей организации. С другой – «внутри фракции также складывается и устойчиво воспроизводится определенная иерархия агентов» [4, 240].

Таким образом, иерархичность насквозь пронизывает любую организацию. Неудивительно, что именно это свойство организаций стало важнейшим для архетипического восприятия. В то же время из иерархической структуры организации можно вывести некоторые следствия.

«Наблюдая процесс иерархического расслоения, можно видеть стремление высших иерархических слоев к обособлению от низших. ... Это приводило к этическим и правовым мерам стабилизации структуры, в том числе, к конструированию требований, подчеркивающих обособление» [3, 57].

То есть иерархическая система организации с необходимостью предполагает наличие некоторых норм и ценностей. Система же норм и ценностей не что иное, как организационная культура, которая задает определенные модели поведения для членов организации, регулирующие их отношения с другими людьми и между собой. О том же пишет А. Кестлер при анализе иерархических систем: «правила, называемые каноном системы, определяют ее инвариантные свойства, ее структурную конфигурацию и/или функциональный паттерн» [2].

Таким образом, иерархический архетип лежит в основе любой организационной культуры именно в силу его связи с сущностью самого явления организации. Он определяет саму необходимость системы норм, правил и ценностей для любой организации, в то же время оставляя достаточно широкие возможности для конкретного содержательного наполнения каждой отдельно взятой организационной культуры.

Тем не менее, иерархичность предопределяет обязательное наличие определенного типа норм, связанных с упорядочиванием отношений власти и подчинения, ответственности, присвоения и манифестации тех или иных статусов, функционального распределения, системы наград и санкционирования и т.д.

Литература

1. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. — СПб.: Лань, 1999. — 480 с.
2. Кестлер А. Общие свойства открытых иерархических систем [Электронный ресурс] / http://psylib.org.ua/books/_koest01.htm
3. Чалидзе В. Иерархический человек. — М.: Терра, 1991. — 224 с.
4. Homo institutus – Человек институциональный: монография / под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. — Волгоград.: Изд-во ВолГУ, 2005. — 854 с.

Связь с автором: devlal@mail.ru

Е.В. Папченко

РОЛЬ СЕНСУАЛИЗМА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЧУВСТВЕННОСТИ

Технологический институт Южного федерального университета
г. Таганрог, Россия

Проблемы чувственности относятся к числу традиционных философских проблем, которые на протяжении веков привлекали к себе пристальное внимание мыслителей. Были предложены различные, в том числе диаметрально противоположные, решения этой проблемы. По-разному понимая саму действительность и роль чувственных восприятий в ее познании, мыслители различно решали соответственно и проблему их адекватности. Уже в античности был выдвинут основополагающий принцип сенсуализма «нет ничего в разуме, чего ранее не было бы в чувстве», противопоставленный учению о врожденности или априорности знания; «чему нас учат зрение и слух, то я ценю выше всего [1, с. 278]». Древнегреческий естествоиспытатель и философ Феофраст развивал эмпирическую тенденцию, он считал, что показания органов чувств, опыт – единственный источник знания, в том числе и знания начал [2, с. 483], иначе он не сказал бы в «Метафизике»: «ведь чувство и различия созерцает, и начала исследует». Эпикур – основоположник системы материалистического сенсуализма, – главный и первичный критерий истины видел в непосредственно данных нам ощущениях: «мы должны во всем держаться ощущений [2, с. 494]».

В сенсуалистической философии XVII – XVIII вв. в центре рассмотрения оказывается вопрос о внешнем источнике наших ощущений и восприятий и их способности адекватно отражать действительность [3, с. 508]. Т. Гоббс подчеркивает, прежде всего опытное, сенсуалистическое, коренящееся в человеческих чувствах содержание познания [4, с. 14]. Английский мыслитель исходит из древней формулы сенсуализма, считая, что «нет ни одно-

го понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения. <...> Если мы познаем принципы вещей только благодаря явлениям, то в конце концов основой познания этих принципов является чувственное восприятие, или ощущение, и из последнего мы черпаем всякое знание [5, с. 185 – 187]».

Под влиянием пробуждающихся естественных наук Дж. Локк в отличие от рационалистов Декарта, Спинозы и Лейбница приходит к иным установкам и познавательным идеалам, выступает в роли вдохновителя новой научной культуры, которая формировалась в среде просвещенной и прогрессивной мыслящей буржуазии Англии конца XVII в. Рассматривая проблему познания, Локк утверждает: «Откуда получает он [ум] весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно получается [6, с. 154]». Выделив в опыте класс простых чувственных идей, Дж. Локк делит их затем на два подкласса, различных по содержанию, – идеи первичных и идеи вторичных качеств (свойств) [7, с. 37 – 40]. К вторичным качествам Дж. Локк относил цвет, звук, запах, вкус, тепло, холод, боль и т.п. Идеи вторичных качеств сильно отличаются по своей модальности, и для ощущения каждой из их групп имеется особый орган чувств, способный воспринимать только свой определенный набор модальностей. Так, Дж. Локк отмечает «То, что непосредственно воздействует на орган зрения и производит в нас то ощущение, которое мы называем зрением, есть свет. <...> То, что передается в мозг через ухо, называется звуком, хотя в действительности до того, как он достигает мозга и воздействует на его воспринимающую часть, это всего лишь движение» [8, с. 513 – 516]. Об обонянии Локк говорит, что это «чувство, как бы приводимое в действие телами на расстоянии» [8, с. 515 – 516].

Последователь Дж. Локка в теории познания Э. Кондильяк отмечает: «Трактат об ощущениях» – единственное сочинение, которое рассматривает человека как лишенного всех своих привычек» и в котором показано, как в процессе опыта они возникают и развиваются [9, с. 12]. Исследуя опыт, необходимый для приобретения привычки правильно ощущать, надо, полагает он, выяснить не только то общее, что есть в развитии способности обоняния, вкуса, зрения, слуха, осязания, но и специфику развития каждого вида ощущения, что позволяет выяснить неодинаковую роль, какую каждый из них играет в процессе познания. Основной целью «Трактата об ощущениях» является показать, что все человеческое знание и вся вообще духовная деятельность человека рождается из ощущений – первого и единственного источника всякого знания, всякого проявления воли.

В философии XIX в. непосредственную достоверность чувственности, составляющую исходный пункт познания, отстаивали Л. Фейербах, а также представители позитивизма. В XX в. разновидностью сенсуализма явился эмпириокритицизм, разработанный Р. Авенариусом и Э. Махом, идеи которых оказали стимулирующее воздействие на развитие теории восприятия.

Литература

1. Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1, ч. 1. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.
  2. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира: Учеб. для вузов. – М.: Высш. шк. 2001. – 703 с.
  3. Грязнов А.Ф. Сенсуализм // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – С. 508.
  4. Соколов В.В. Философская система Томаса Гоббса // Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – 583 с.
  5. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – 583 с.
  6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Соч. в 3-х т. Т. 1 – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
  7. Нарский И. Джон Локк и его теоретическая система. // Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
  8. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – 560 с.
  9. Богуславский В.М. Философия Кондильяка и французское просвещение // Кондильяк. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1980. – 334 с.
-

К.В. Сосновская

ПРОЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия

Общество представляет совокупность множества взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, у каждой из которых есть свои ценности, идеалы, цели. Способность видеть и прогнозировать будущее, организовывать это будущее исходя из определенных границ собственных возможностей в условиях массового проектирования – является наиболее востребованной потребностью современного мира.

Определенность будущего связана с возможностью разъединять свою линию будущего с предлагаемыми линиями других людей и, наоборот, соединять их. Общественное проектное мышление выступает как полипроектное мышление, предполагающее обнаружение множества точек проектного замысливания и существование множества проектов, отражающих потенциальное будущее многих разных групп и многих субъектов-носителей проектных идей.

Проектное мышление – это интегральный феномен, в нем заложена способность общества в целом и его элементов к активно-творческому преобразованию социальной действительности на основе конструирования характеристик будущих желаемых состояний социальных объектов или процессов.

Проектирование субъектом социальной действительности обусловлено несколькими параметрами: «во-первых, несовпадение субъективных миров (их согласованность наблюдается лишь по ограниченному кругу параметров и в известных пределах); во-вторых, преимущественно ценностная регуляция социального поведения (преобразующая все факторы и детерминанты такого поведения); в-третьих, активность поведения социального субъекта в социальной среде. Это последнее следствие особо значимо для социального проектирования». [1, стр 3]

Люди по отдельности и в группе выступают субъектами исторического процесса таким образом, что в процессе своей деятельности способны влиять на ход событий. Всё это – суть проявления «социальной субъектности» – «способности общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности». [2, стр. 35] Эта активность проявляется в воспроизводстве и обновлении общественных отношений, способности к прогнозированию и целенаправленному проектированию реальности, способности повернуть социальные процессы в благоприятное для себя направление.

Проектное мышление – один из наиболее сложных видов мышления. Оно выступает предпосылкой и элементом проектной деятельности. Осмысляя вещь на стадии проекта, мы предполагаем, что она еще не существует, но задумана и должна появиться. Человек совершает выбор между существующим и несуществующим в пользу того, что пока отсутствует, но может стать реальностью благодаря процессу проектирования.

Рассматривая проектное мышление, следует сказать, что структура его сложна и включает совокупность следующих моментов: единство отражения и преобразования действительности; синтез внутреннего и внешнего; единство новаторского и репродуктивного; соединение воображения и абстрактного мышления; способность предвосхищения, предполагающая «вырастание» будущего из настоящего, а не бестелесное фантазирование.

Задуматься о новом, адресованном не только себе, но и другому, можно в следующих условиях:

- недостаточности старых форм;
- осознания собственной отдельности и индивидуальности;
- осознания потребностей другого человека, требующего временного абстрагирования от себя.

В основе целеполагающего, проектного мышления человека лежит неудовлетворенность миром и потребность изменить его, задать ему формы, необходимые человеку.

Проектное мышление мультифутуристично, так как будущее социальной системы представляет собой пространство множества возможных состояний. Кроме того, бытие социальной системы характеризуется наличием определенного спектра возможных путей её развития, образов будущего. Проектное мышление, анализируя состояние системы, «вскрывает» поле тех путей развития социальной системы, которые обладают потенциальностью к реализации. Далее следует построение проекта, реализация

которого должна вывести социальную систему на нужный субъекту путь развития, задать направление.

Поскольку общественное проектное мышление направлено на преобразование общественного бытия, можно констатировать, что носитель этого сознания (общество, группы) обладает способностью к «самопостроению», саморегулированию.

Таким образом, проектное мышление обладает следующими составляющими:

- анализ ситуации: удержание в сознании картин прошлого, воспринимаемого как должное и будущего как желаемого;
- рефлексия: умение выйти из позиции деятеля во внешнюю по отношению к проектной деятельности;
- целеполагание: формулировка основных задач и перспективных целей;
- творческая составляющая: замысливание новых форм, сознание «творца» социальной реальности;
- прогнозирование: формулировка основных ожидаемых позитивных сдвигов и возможных негативных последствий и реакций;

«Теорема Томаса» гласит: «если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях». [3, стр. 29] Это обстоятельство пока слабо осознается в современном мире, между тем оно вынуждает увидеть особое значение создателя проекта не только в связи с его деятельностью по удовлетворению определенной общественной потребности, но и как реализатора собственного интереса, и значит, человека, обладающего проектным мышлением.

Литература

1. Луков Вал. А. // Тезаурусная концепция социального проектирования:

(<http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/>)

2. Курбатов, В.И., Социальное проектирование / В.И. Курбатов, О.В. Курбатова., учебное пособие, Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. с. 35.

3. William Tomas, Moments of thought in the nineteenth century. Chicago: University of Chicago Press, 1936. P. 29.

Связь с автором: sosnovskaya_kv@mail.ru

ПУТЬ «ДАО» В ЖИВОПИСИ КИТАЯ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ СИМВОЛИЗМА

Читинский государственный университет
г. Чита, Россия

Духовные ценности и культурные традиции Востока характеризуются многотысячелетней историей их развития. Обращение к ним показывает, что трактовать историю и культуру Востока лишь в терминах его социально-экономической отсталости неверно. Достижения культур, и особенно философской мысли Востока, могут быть адекватно поняты и интерпретированы только в том случае, если мы отнесемся к Востоку, как к самостоятельному и самоценному феномену, а к его историческому пути – как к особому, специфическому – пусть с замедленными по сравнению европейскими темпами – развитию в рамках издавна сложившейся и крайне медленно меняющейся социально-экономической структуры.

Для китайского искусства характерно стремление отразить неявленный абсолют, «непереполняемую пустоту». В этом невысказанном инобытии — суть Дао. Искусство для китайцев — это Дао, выраженное в чувствах. Запредельность задачи требует не только профессионального мастерства, высокого уровня духовной организации художника, но и особого, непривычного для европейцев, подхода к изобразительному искусству. Лист чистой бумаги для художника, как и предваряющая творческий процесс музыканта тишина — это Вселенная до разделения первостихий инь и ян. Сам процесс тождественен рождению «тьмы веществ». Однако внимание художника не должно быть сконцентрировано на внешних формах, оно сосредоточивается на сакральной пустоте, а в живописи — это проблема пустого пространства. Такая особенность придает китайскому искусству мистическую окраску и погружает прикасающихся к нему в мир эфемерных форм и иррациональности. Важнейшим ценностным критерием произведений китайских авторов является безыскусность, которую следует отличать от грубой примитивности. От художника требуется, в первую очередь, «чистая душа» и следование природе [2, 53]. Сунь Минжуй, даос монастыря Лоугуаньтай пров. Шэньси, вырастив более тысячи сливовых деревьев, всю жизнь изображает на картинах цветы сливы. Живопись «мэйхуа» — одна из самых излюбленных и утонченных в жанре «цветы и птицы». В январе 1989 г. на всекитайском конкурсе «Кубок золотого дракона» (цзиньлунбэй) Сунь Минжуй было присуждено второе место.

Китайские картины – это такой вид искусства, который невозможен без своего рода «соучастия» автора и зрителя. Картина настоящего художника пробуждает в зрителе множество мыслей и чувств. Одним из самых излюбленных объектов эстетического воплощения в живописи является бамбук. На китайских картинах бамбук — это не просто растение, а символ человеческого характера. Изображая бамбук, художник воспекает настоящего мужа высоких моральных качеств, порой сравнивая с ним свой харак-

тер. Конечно, если он не сумеет передать стойкость и жизненную силу растения и трепет его листьев под невидимым ветром, то и зритель не увидит в нем символ благородного мужа чистых и высоких устремлений. Поэтому овладеть секретами живописи тушью совсем не так уж просто. Как в живописи, так и в каллиграфии важно безупречное владение кистью. Ведь каждый мазок кисти с тушью, ложась на пористую бумагу, должен быть безукоризненно точным, так как ни стереть, ни поправить его уже невозможно.

Китайский художник был мистиком в той мере, в какой даосизм можно назвать разновидностью мистицизма природы. Но вместо того чтобы искать единения с богом или абсолютном, он стремился к гармонии со вселенной и к общению со всем сущим в мире. Сам выбор предмета изображения придавал объектам природы новый смысл, ибо считалось, что все сущее соучаствовало в тайне Дао. Для нас камень — косный, неодушевленный предмет, для китайца же он был воистину наполнен жизнью [1, 198]. Изображения драконов в Китае превосходно передавали качество вечной энергии. Дао никогда не спит. Формы появляются и исчезают в беспрепятственном становлении.

Художник воспроизводил в своем произведении не субъективное видение окружающего мира, а выражал заранее заданную и определенную истину. Поэтому традиционная китайская живопись не открывала новое, не учила, а поучала, служила нравственному совершенствованию. Задача художника состояла в том, чтобы раскрыть трансцендентную идею, единую и вечную в переходящих формах бытия. В определенной мере этим обуславливалась и традиционность живописи, поскольку использование готовых формул считалось наиболее эффективным приемом для выражения вечной истины. И то обстоятельство, что художник должен был всегда руководствоваться готовыми художественными формулами, заставляло его идти на поиски самых тонких импровизаций, в которых и могла бы раскрыться индивидуальность художника. Соответственно, и зрителям приходилось учиться воспринимать подобные нюансы. В целом, то обстоятельство, что живописные свитки представляли собой серии символов, способствовало тому, что в сфере восприятия искусства развивалась система ассоциаций, ибо прочтение этих символов требовало ассоциативного мышления, которое создавало общность и целостность восприятия разрозненных символов.

Для китайской живописи характерна многоточечная и рассеянная перспектива, лаконичная и ясная композиция из пятен локального цвета с выразительными и ритмичными контурами, а также плоскостная живопись без светотеневой лепки. Многоплановая перспектива китайской живописи позволяет художнику дать полный простор своему воображению и создать художественный мир, не связывая себя рамками ограниченного горизонта пространства. Язык символов, лишенный предметной реальности, близок и понятен истинному ценителю китайского искусства. Тот, кто не понимает смысла иносказаний, не может постичь китайскую живопись.

Даосизм без преувеличения можно назвать подлинным фокусом китайской культуры, ведь он обеспечивал преемственность между элитарной мудростью Дао и верованиями простонародья, принципами внутреннего совершенствования и всем жизненным укладом китайцев. Для даосов их

религия была лишь чем-то вроде «полезной иллюзии», ведь образы богов, как и весь видимый мир, представляли собой, по их понятиям, только «отблески» сокровенного Дао. Служа свои молебны, даосы в действительности не поклонялись духам, а, скорее, вовлекали их в беспредельную гармонию Великой Пустоты. Вместе с тем самое существование божеств, как и всего мира форм, являющего собой «превращенное тело» Дао, оставалось для даосов совершенно необходимым.

Таким образом, мы отмечаем две составляющие мировоззренческого, идейного начала китайской живописи. Если вновь обратиться к европейскому искусству, то мы скажем, что и китайские художники были мастерами, которых уважали многие поколения китайцев. Они отразили в своем творчестве любовь китайцев к практическому миру, который их окружал. Об этом говорят мебель, ширмы, керамика и фарфор, которые представляют собой превосходные произведения искусства. Как заметил В. Роули, даже самые незначительные предметы сделаны рукой вдохновенного мастера, самая ничтожная деталь свидетельствует и об участливом внимании, и о творческом воображении её создателя[1, 135].

Литература

1. Вл. Роули Принципы китайской живописи / Вл. Роули – М.: Наука, 1989 – 235 с.

2. Вэнь Цзянь, А.А. Горобец «Даосизм в современном Китае»/ Амурский Государственный Университет, Благовещенск 2002 – 145с.

Связь с автором: van_czin@mail.ru

А.А. Шишкина

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В РАМКАХ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

ГОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет»
Ижевск, Россия

Человек и природа с незапамятных времён являются взаимопроникающими элементами единой сложной системы мироздания. Человек, рождаясь в природе, становится её оппонентом, создавая техносферу. Используя первоприроду как источник творчества, источник сырья, человек изменил её до неузнаваемости. С каждым десятилетием, с каждым годом процесс изменения географических ландшафтов становится всё более интенсивным, всё шире круг наук, которые обращаются к проблематике культурных ландшафтов, поскольку это вызвано самой жизнью.

Начало систематическому изучению изменённых ландшафтов в советской географии положил Ю.Г. Саушкин, высказав идею о необходимости

выделения особой отрасли географии, изучающей культурные ландшафты. Эта позиция получает развитие в работах Ф.Н. Милькова: «культурный ландшафт – разновидность антропогенного ландшафта, созданного человеком сознательно путём изменения природного ландшафта в нужном направлении для хозяйственных целей» [Забелин И.М., 1977]. Другой исследователь, А.Г. Исаченко утверждает, что «культурный ландшафт – это географический ландшафт, изменённый деятельностью человеческого общества и насыщенный результатами его труда». Настоящий культурный ландшафт, подчеркивает Исаченко, должен отличаться высокой биологической продуктивностью, интенсивным биогенным круговоротом веществ, сведением к минимуму нежелательных явлений [Исаченко А.Г., 1991].

Однако культурный ландшафт рассматривается не только в рамках географического, но и культурологического подхода, где культурный ландшафт – совместное произведение человека и природы, система материальных и духовных ценностей, с высокой экологической, исторической, культурологической информативностью. В основе такого подхода – Руководящие указания ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии (Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, 1992), согласно которым культурный ландшафт является объектом историко-культурного наследия – ИКН. Данная концепция развивается Ю.А. Ведениным и сотрудниками НИИ природного и культурного наследия Туровским Р.Ф. и Кулешовой М.Е.

В отдельное направление можно выделить работы В.Л. Каганского, который считает культурным ландшафтом всякое земное пространство, которое определенная группа людей освоила утилитарно, семантически и символически. Культурный ландшафт – это сумма взаимодействующих подсистем, а именно природного ландшафта, систем расселения, хозяйства, сообщества, языка, духовной культуры [Каганский В.Л., 2001].

Таким образом, концепция культурного ландшафта является актуальным междисциплинарным направлением современного научного знания. Благодаря своему междисциплинарному характеру и неоднозначности трактовок данная концепция сегодня остается открытым направлением для исследовательских подходов разной предметности: исторических, географических, культурологических, этнографических, а также философских [Федоров Р.Ю., 2007].

В рамках философского анализа культурный ландшафт можно рассматривать с двух позиций: 1) культурный ландшафт как ИКН: территория исторических форм строительства и хозяйствования, важных исторических событий; 2) как часть современного жизненного пространства, которая целенаправленно и необратимо видоизменяется человеком. Возможно выделение в самостоятельные исследовательские направления ландшафта, сформированного ландшафтными дизайном и духовно освоенного ландшафта: семантически, символически и топонимически.

Представляется необходимым определить аксиологию двух названных типов классификации культурного ландшафта. Согласно исследованиям отечественного культуролога Б.С. Ерасова, выделяют следующие группы ценностей: витальные, социальные, политические, моральные, религиозные и эстетические. Вероятно, наиболее целостно и репрезентативно

перечисленные группы ценностей проявятся в культурном ландшафте как ИКН, особенно эстетические и моральные, в частности ценности экологического сознания.

В своей повседневной жизни, полной забот, человек не соотносит свою отдельную уникальную жизнь и жизнь природы. Человек считает, что его конкретная жизнь несоизмеримо коротка по сравнению с жизнью всей природы, а потому отдельный человек не может как-либо повлиять на весь эволюционный процесс: природа должна помогать человеку, быть источником всех его жизненных сил, а не наоборот. В рамках ИКН, при непосредственном наблюдении соседства остатков деятельности человека и древней природы, человек может понять всю свою роль в развитии жизни на земле, осознать материальную и духовную роль её в истории человечества. Именно в рамках ИКН человек может почувствовать связь с древними поколениями, понять, что он – значимая глава в книге истории всего человечества и мира в целом. Человек освободится от чувства глубокого одиночества и обретёт, поймёт глубокий смысл жизни. Все поколения вместе и каждый человек в отдельности ищет смысл человеческой жизни, возможно, именно при рассмотрении системы ценностей культурного ландшафта эта цель отчасти будет достигнута. Хотя цель человека состоит даже не в осознании своего собственного смысла жизни, а смысла природы и космоса, их взаимозависимости с человеком.

Главное, чем должны характеризоваться отношения человека и природы в рамках культурного ландшафта, это равнозначная ценность культурных и природных памятников. И здесь возникает вопрос о природной ценности культурных ландшафтов. Как правило, историко-культурный памятник – это ещё и среда обитания редких, уникальных организмов. На основании этого в систему ценностей культурного ландшафта включается и формирование глубинного экологического сознания, один из главных принципов которого это созерцательное изучение процессов и объектов окружающего мира, без каких-либо необратимых антропогенных влияний на них.

На сегодняшний день культурный ландшафт как система ценностей экологического сознания развивается большей частью теоретически, законодательно. В современном обществе, особенно в его повседневной жизни, культурный ландшафт вне особо-охраняемых природных территорий как система ценностей рассматривается весьма редко. На территории охраняемого ИКН в идеале реализуются практически все аксиомы экологического сознания, основанные на древних принципах восточной религиозно-философской мысли, теории коэволюции и теории глубинной экологии Арне Наесса, а в особенности, принцип признания достоинства и внутренней самооценности объектов истории человека и природы. Этот принцип очень важен в структуре развития и самосознания современного человека, поскольку практическое повседневное знание о природе и культуре всё больше становится залогом ближайшего существования человечества на планете Земля.

Культурный ландшафт как часть современного жизненного пространства включает в себя ландшафт городской, сельскохозяйственный, садово-парковый, водный, природно-производственные комплексы и др. Определяющими ценностями этого типа представляются витальные и эстетические. Если вторые в основном находят своё проявление в произ-

ведениях ландшафтного дизайна, то первые являются непосредственными целями создания антропогенной сферы.

В результате исследования можно сделать вывод, что культурный ландшафт является своеобразной системой ценностей, во многом неоднозначной, противоречивой. Исторические, познавательные, патриотические, эстетические и др. ценности, проявляющиеся в культурном ландшафте, формируют сознание современного человека и человека будущего.

Литература

1. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Д.Буланин, 2004. – С.13-36.

2. Забелин И.М. Физическая география в современном естествознании (Вопросы истории и теории). – М.: «Наука», 1977.

3. Исаченко А.Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. – М.: Высшая школа, 1991.

4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.

5. Федоров Р.Ю. Ценности освоения в культурном ландшафте. // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 3: у 2 ч. Частка 2 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2007. – с. 272-276.

Связь с автором: nasya11568@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЕ 2
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Секция 2.1
«Теория и философия политики, история
и методология политической науки»

Н.В. Деева, Ю.С. Коноплин

ДЕМОКРАТИЯ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XX ВЕКА

Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия

Идея построения демократического общества по-прежнему остается актуальной для России. В дискуссиях по данной проблематике участники порой придерживаются различных концепций демократии, что мешает конструктивному обсуждению, выработке единых решений. Современные споры о демократии по-прежнему часто грешат отсутствием учета и понимания исторического своеобразия России, механическим заимствованием западных идей. С другой стороны, появляется достаточно примитивное, иллюзорно-прагматическое понимание демократии, как определенного набора прав и свобод и наличия избирательных процедур.

Применительно к России прослеживаются определенные параллели между демократической теорией начала XX века и ее версией начала XXI века. К этим общим чертам относятся, во-первых, догматизм, проявляющийся в попытках механического воспроизведения западного либерально-демократического опыта в российских условиях; во-вторых, отсутствие значительной социальной базы либерального движения – среднего класса; в-третьих, институциональная распыленность либерал-демократов, их организационная неоформленность. В результате сегодня на фоне мирового экономического кризиса снова можно говорить о серьезной опасности отторжения либеральных принципов, дискредитации в массовом сознании демократического режима, ассоциирующегося с хаосом 90-х годов XX века.

Тем более значим для исследователей политический опыт конца XIX – первой четверти XX века, когда происходило становление не только радикально и революционно настроенных мыслителей (Г.В.Плеханов, В.И.Ленин и др.), но и институционализация еще и таких направлений в политической мысли, как либерализм, консерватизм, которые представлены следующими именами: Б.Н.Чичерин, М.Я.Острогорский, П.Н.Милюков, П.И.Новгородцев, Л.А.Тихомиров, П.Б.Струве, Н.А.Бердяев, Н.В.Устрялов.

На этом этапе в России зарождаются политический плюрализм и многопартийность, не получившие достаточного развития и прервавшиеся вскоре после Октябрьской революции 1917 года. Именно такая концентрация идей и мнений в небольшом по историческим меркам промежутке времени обращает на себя пристальное внимание.

В истории политической мысли демократия предстает как разностороннее и многозначное понятие. основополагающие ценности и установки демократии, сформулированные к концу XIX в., сохраняются в идеологии либерального, консервативного и социал-демократического направлений как начала, так и конца XX века.

Особенности развития демократических представлений в России начала XX века были обусловлены спецификой государственной власти в многонациональной стране с обширной территорией; наличием слоя интеллигенции, определяющим развитие политической и общественной мысли; взаимоотношениями власти и интеллигенции; особенностями социально-политической борьбы.

Демократические идеи российских мыслителей вышеозначенных направлений имели своими истоками в российской общественно-политической жизни взгляды славянофилов и западников, но в еще большей степени – западную теорию и практику демократии. Именно поэтому они смогли прижиться в России не в декларируемом, а только в трансформированном виде. Эволюция теории под воздействием практики совершается на основе прежней теории и в известном смысле ею «провоцируется».

В России начала XX века прослеживается эволюция демократических концепций одновременно в нескольких направлениях: развитие теоретических представлений о демократии в рамках либерального, консервативного и социал-демократического направлений шло в сторону более умеренных трактовок под влиянием практики. Консерватизм эволюционировал в сторону либерализма, впитывая в себя либеральные, реже социалистические идеи. Либерализм смещался в сторону консерватизма (особенно эмиграция) и социализма, от конституционной монархии к требованию демократической республики (т.е. от невозможности демократии в России к ее возможности). Социал-демократия, включая большевизм, развивалась в сторону либерализма, вынуждаемая реальностью.

Имело место сходство во взглядах на демократию представителей разных направлений. Это касалось вопросов представительства, парламентаризма, государственности. Идея сильной государственности была важна для представителей всех течений, именно это, по мнению лидеров консерваторов и либералов, было положительным моментом в деятельности большевиков и привело их к власти. Так оценивали В.И.Ленина П.Н.Милюков, Л.А.Тихомиров, Н.В.Устрялов.

Также практически единым было мнение о важности соответствия формы государства состоянию и потребностям общества. Хотя вопрос о форме государственного устройства решался представителями разных течений по-разному. Для консерваторов единственно возможной для России была монархия, причем идея парламентаризма была неприемлема, равно как и для социал-демократов.

В целом никто из рассмотренных нами мыслителей не был против демократического идеала, если народ готов и развит (формы и методы могут различаться). Характерно, что за развитие народа, повышение его уровня, образование, выступали и либералы, и консерваторы, и социал-демократы. В то же время конкретные западные формы осуществления демократии как формы государственного устройства отвергаются практически всеми, особенно применительно к России.

Такое сходство взглядов на политическую систему, на проблему демократии представителей консервативного, либерального, социал-демократического течений, на наш взгляд, определяется: общей ситуацией

в стране, где в начале XX века по-прежнему не было гражданских прав и свобод; особенностями российского социокультурного развития, менталитета страны; общностью социальной базы возникновения политических теорий, т.е. слоя людей, в силу обстоятельств (эмиграция) или по собственной воле (обучение, преподавание, лечение) имевших доступ в иные страны, с иным исторически сложившимся политическим укладом, иной политической теорией и практикой; схожестью мировоззренческих установок российских мыслителей и политических деятелей: многие политики и философы интегрировали в свое мировоззрение традиции одних и тех же течений политической мысли – анархизма, народничества, марксизма. Преобладающими подходами были позитивизм, диалектика Гегеля, диалектический материализм, марксизм, религиозная философия.

Представления о демократии политических деятелей различных направлений имели как общие черты, обусловленные теорией демократии, так и особенности, в основе которых – различное отношение к этой проблеме либерализма, консерватизма и социал-демократии в целом.

Кроме того, в России начала XX века, равно как и в конце века, в понимании демократии существовали различия трактовок не только между либералами, консерваторами и социал-демократами, но и внутри этих политических течений (например, между охранительным либерализмом (Б.Н.Чичерин) и идеями «новых либералов» (П.Н.Милуков, Л.И.Петражицкий); между большевиками (В.И.Ленин), меньшевиками (Ю.О.Мартов) и эсерами (В.Н.Чернов). Особенность полемики либералов и социал-демократов в России состоит в том, что она была непримиримее со своими западными и отечественными единомышленниками, приверженцами тех же теорий, чем с представителями других направлений. Шло расхождение в рамках одной общественно-политической парадигмы, имела место дифференциация, воскрешающая известное ленинское высказывание «прежде чем объединиться, надо окончательно размежеваться». Это размежевание в рамках одного общественно-политического течения шло тем более жестко, чем сильнее внутри партии было стремление к идентификации. Эта полемика, с одной стороны, приводила к распылению сил, близких друг другу по идейной направленности, с другой стороны, порождала большое количество партий (ситуация, характерная как для либералов, так и для социал-демократов).

Можно с уверенностью утверждать, что своеобразный мессианизм, базирующийся на различных идейных основаниях, был характерен для представителей всех направлений, не только для большевиков. Для консерваторов это особый путь России во главе с монархом, путь, который известен им одним; для либералов – построение правового государства, введение правовых норм (несмотря на элементарную, не то что правовую, неграмотность большей части населения); для большевиков в основе идеологии – борьба за счастье и права рабочего класса, знание единственно верного учения. Возможно, именно поэтому, имея значительные моменты сходства в идеологии и политической практике, эти мыслители никак не могли договориться, чтобы действовать вместе в интересах страны.

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей конца XX века о проблемах современной демократии и ее кризисе делает очевид-

ным прогностический характер идей российских политических деятелей и мыслителей начала XX века о демократии и перспективах ее развития.

Вместе с идеями были восприняты и парадоксы современной западной демократии, в том числе и основной недостаток либерализма: пере рождение классического буржуазного индивидуализма в идеологию потребления. Потребительское общество по сути своей не может быть не чем иным, как обществом перераспределения, оно подрывает чудо классической производительной экономики, что нашло свое отражение в современной экономической ситуации.

Еще один парадокс демократической культуры, абсолютно воспринятый Россией, заключается в том, что от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой вещи: он должен быть активным, но в то же время пассивным; включенным в процесс, однако не слишком сильно; влиятельным и при этом почтительным к власти.

Необходимо обратить внимание на еще один аспект проблемы демократии, а именно ее применимости к российским условиям. Реальное несоответствие социальных порядков Запада и России обнаруживается и в несоответствии системообразующих категорий политической науки, что порой совершенно игнорируется не только на практике, но и в научном и политическом диалоге Запада и России.

Россия тяготела именно к восточной традиции, ибо здесь на протяжении столетий социально-экономические инновации проводились в рамках и при помощи абсолютистского монархического режима и сословно-корпоративной системы. Исторически в России изменение соотношения власти и собственности не было связано с переходом от традиционного феодального общества к капиталистическому. Соединение власти и собственности в руках монархического государства (или узкого слоя монархической аристократии) продолжало существовать и в период становления капиталистического рынка и во многом способствовало его становлению. Важной самобытной особенностью исторического развития России, включая и начало XX века, было то, что здесь формировалась специфическая система частной собственности и капиталистического рынка, в котором отношение собственника к государству всегда было более приоритетным, чем отношение собственника к собственности.

Власть в России по своей природе была вотчинной, то есть политическая власть понималась как продолжение права собственности, так что властитель являлся одновременно и сувереном государства, и его собственником. Конституционный строй в России не был основан на развитом гражданском строе, который является необходимой основой для любой либеральной конституции.

Мы рассматриваем развитие либеральной, консервативной и социально-демократической идеологии в России как преемственный процесс, имеющий свои исторические истоки и реализующийся в формах современной политической деятельности. Прослеживается идентичность эволюции теорий демократии начала и конца XX века. Эта преемственность проявляется в заимствовании западных концепций как единственно верных и попытках подогнать под эти теории российскую реальность. Кро-

ме того, прослеживается и общность социальной базы (научная интеллигенция и маргинальные элементы) теоретиков и практиков демократии, разделенных столетием.

По-прежнемулюбое реформирование страны начинается сверху. Именно люди, изначально имевшие более высокие стартовые условия, стали родоначальниками «второго пришествия либерализма». И по-прежнему остается особенностью России то, что большая часть теорий, независимо от их методологической основы, не выростала закономерно из логики ее развития, а заимствовалась из других общественно-политических укладов, другой ментальности. При этом реальность, практически всегда без учета ее внутренних возможностей, укладывалась в прокрустово ложе этих теорий и равнялась под них.

Еще один момент преемственности либералов сегодняшних и начала XX века – размежевание внутри либеральной концепции, дробление и так немногочисленных сил на почти ничего не значащие партии, работающие для самих себя. Очередным историческим последствием, сходным с итогами развития России в начале XX века, стало выхолащивание, в первую очередь в массовом сознании, самих понятий социализм, либерализм, демократия. Вызвано это, на наш взгляд, неизбежным российским радикализмом, не позволяющим вбирать все ценное, а пытающимся ухватить и воплотить все работающие модели без разбора.

Развитие новых концепций демократии в русле основных идейно-политических течений в России конца XX века, также как и в начале столетия, шло под влиянием, в первую очередь, западных традиций, обогащенных опытом развития либерализма и социал-демократии XX века. Базовый вектор глубоких и противоречивых перемен, провозглашенный в 1991-1992 гг., основывался на системе демократических ценностей, апробированных во второй половине XX века в Западной Европе и состоящих из взаимодействия политического плюрализма и парламентаризма с многоукладной рыночной экономикой. Эта модель была выбрана как чаще всего встречающаяся и лучше всего работающая на Западе.

Сейчас вновь формируется весьма нетипичный вариант демократии, замешанный на все более ярко проявляющихся авторитарных, а порой и монархических тенденциях (несмотря на юридически закрепленную республиканскую форму правления). Возможно, российская теория и практика вновь придут к столь популярной сто лет назад формуле: «Монархия – это и есть истинная демократия». Не стоит забывать, что российская государственность в исторической ретроспективе имеет две важные характеристики. Это устойчивость авторитарных форм государственного управления в рамках длительного (или даже очень длительного) исторического времени и уникальный исторический опыт синтеза центральной авторитарной власти и местной демократии. Непосредственное применение западных политических концепций к интерпретации российского опыта не всегда правомерно.

Эволюция либерализма в сторону использования консервативных ценностей, на наш взгляд, не только неизбежна, но и в значительной мере правильна. Интересно, что в настоящее время в России консерваторами счи-

тают не только монархистов и коммунистов, и это еще одна особенность нашей сегодняшней ситуации. В последние годы и партия власти активно использует консервативные идеи. Это не случайно, ибо именно с базовыми ценностями консерватизма связаны для многих людей надежды на стабильность, на активность государства в выполнении социальных обязательств.

Связь с автором: nvd2004@yandex.ru

Б. Т. Куппаева

СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МАРКСИЗМА

Казахский Национальный Аграрный Университет
г. Алматы, Казахстан

Марксизм был одним из самых мощных интеллектуальных прорывов, которые когда-либо совершались в истории человеческой цивилизации. В его основе лежали два великих открытия: материалистическое понимание истории и раскрытие тайны капиталистической эксплуатации. Последствия марксизма, его влияние на мир были столь грандиозны, что невозможно рассматривать марксизм как очередную теорию.

Марксизм – это эпоха, схваченная в мыслях, это отпечаток реальной социальной среды и политической культуры своего времени. Многие принципиальные положения марксизма сохраняют свое непреходящее значение. Однако в новых исторических условиях они нуждаются в критическом переосмыслении. Марксизм вошел в сокровищницу интеллектуальной мысли человечества, в сознание политических и социальных сил, вписался в реальную ткань исторического бытия. Под его воздействием возникла новая геополитическая карта мира.

Возникновение марксизма стало поворотным пунктом в развитии человеческой мысли, открылась возможность познать и осознать глубинные корни социального отчуждения, условия его устранения. Марксизм дал мощный импульс философии, политологии, социологии. В сфере философской мысли марксизм обогатил науку методом диалектического анализа. Маркс блестяще применил качественно преобразованную им гегелевскую диалектику к анализу общественного развития, прежде всего, к анализу противоречий и тенденций капиталистического развития.

Необходимо отметить, что коммунизм рассматривался Марксом не в качестве цели, а в качестве способа эмансипации человечества. «Коммунизм, – писал он, – есть необходимая форма и энергичский принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»[1]. У Энгельса в работе «Положение рабочего класса в Англии» аналогичное понимание коммунизма. Коммунизм, по мнению Энгельса, «является делом не одних только рабочих, а всего человечества» [2].

По словам Ленина, марксизм есть целостное учение, вылитое из одного куска стали. Его нельзя препарировать на части «плохие» или «хорошие». Марксизм это не только насилие, как повивальная бабка нового общества, не только диктатура пролетариата и репрессивные методы освоения мира. Марксизм это идея практической актуализации интеллекта, это рационализация, доведенная до предела, это диалектический характер философской теории, деятельный анализ бытия. К числу констант марксистского проекта относятся идеи социальной справедливости и коллективистской солидарности. Беспристрастная инвентаризация идей и выводов марксизма, их новое осмысление должны показать историческую роль марксизма сегодня. Марксизм был основой идеологии, культуры, мышления нескольких миллионов советских людей. Тогда как западная философия была и остается уделом узкого круга интеллектуалов. Марксизм может стать исходной базой новой культуры, новой системы. В арсенале новой культуры необходимо сохранить то положительное, что выдержало испытанием временем. Это материализм, как исходный принцип бытия, рациональная диалектика, исторический детерминизм. Марксизм не растворился в истории философско-политической мысли, он далеко не исчерпал себя. Марксизм содержит в себе потенциал нового взлета философии, новой культуры, нового мышления. Наверное, необходим гений, современный Маркс, который бы понял дух своего времени, дух своей эпохи и совершил бы новый интеллектуальный прорыв.

Отношение к марксизму было различным. От тотального отрицания до стремления использовать его идеи. Объектами нападков со стороны западных исследователей были социально-экономические взгляды Маркса, теория познания, учение о диктатуре пролетариата. Нет ни одного более или менее значительного теоретического положения марксизма, которое бы не подвергалось критике, сомнению, опровержению. Например, мысль об определяющей роли бытия по отношению к сознанию, о значении экономического фактора в социальном развитии, закона стоимости и прибавочной стоимости, утверждение о пауперизации, о тенденции к снижению нормы прибыли, об уничтожении капитализма, о ходе и способе осуществления социальной революции.

Для западной науки характерным явлением является стремление ассимилировать отдельные фрагменты, идеи, понятия марксизма, заимствовать его методы исследования, определенную проблематику. Например, К. Мангейм в 20-х годах перенял от марксизма проблематику социальной обусловленности познания, назвав ее социологией знания. Э. Фромм попытался трансформировать марксистскую теорию отчуждения и использовать ее в критике современного капитализма. Веберовская теория идеальных типов является заимствованием марксистского метода идеализации. Й. Шумпетер вслед за Марксом стал исследовать проблематику экономического развития. В своей концепции капитализма Шумпетер использует марксистские методологические принципы – анализ структурных и институциональных аспектов капиталистической системы, рассмотрение этой системы в динамике.

Один из известных американских социологов Толкотт Парсонс также не обошел своим вниманием марксизм. В двух работах: 1) «Обществен-

ные классы и классовые конфликты в свете новейшей теории» в книге «Essays in Sociological Theory», 1949. 2) «Несколько замечаний о социологии К.Маркса» в книге «Sociological Theory and Modern Society», 1967. Парсонс наиболее полно излагает свою позицию по отношению к марксизму [3].

Социолог разбивает целостную внутреннюю структуру марксизма. Он отделяет марксизм как идеологию от марксизма как науки. Он отделяет Маркса-социолога от Маркса-экономиста. Марксизм Парсонс трактует как психосоциальную теорию личности. Также в этих работах он формулирует вывод о теоретической устарелости марксизма как социального учения. Парсонс критикует марксистскую теорию классовой борьбы. По мнению ученого, Маркс ошибается, когда сводит все классовые конфликты к единственной модели конфликта между буржуазией и пролетариатом. Парсонс считает, что конфликты в индустриальном обществе не являются определяющим фактором развития. Классовые конфликты неизбежны и неустранимы. Значит, марксистская теория бесклассового общества утопична. Эксплуатацию по марксизму как главный источник классовых антагонизмов, социолог считает, результатом случайного стечения ряда факторов, которые в других обстоятельствах могли бы выступать независимо друг от друга. Что касается проблемы отчуждения, то, по Парсонсу, это не что иное, как ностальгия по утраченному состоянию сельской или ремесленной цеховой общности. Буржуа – это подверженные фрустрации аристократы, а пролетарии – это подверженные фрустрации крестьяне. По мнению Парсонса, драматизм капитализма стал не актуален, и вместе с ним отошла в прошлое проблема эксплуатации и отчуждения.

Парсонс считает, что прогнозы Маркса несостоятельны и в других случаях. Революционная ситуация, которая согласно марксизму, связывается с уровнем индустриального развития страны, несостоятельна. Парсонс ссылается на опыт Франции XIX века. В экономическом отношении она была страной менее развитой, нежели современная Англия. Однако именно Францию раздирали острые классовые конфликты. Социалистические революции, как отмечает ученый, произошли не в самых развитых капиталистических странах. Что касается субъекта революции, то он изменился. Классовая база смещается в направлении от пролетариата к крестьянству.

По мнению Парсонса, Маркс обошел в своей теории три момента: 1) «проблему Дюркгейма», или проблему социальных связей и роли институтов; 2) теорию личности, мотивацию человека и роли культурных кодов в обусловливании деятельности; 3) «проблему Вебера», или проблему места и роли идей и факторов культуры в социальной системе. Эти проблемы не получили должного теоретического развития. Маркс принимает в расчет только материальные факторы, не отдавая должного внимания системе ценностей. Также ограниченность марксизма в том, что он обходит проблематику социальной структуры и социальной организации системы. Парсонс пытается доказать то, что Маркс не разработал теорию структуры и функций социалистического общества. Здесь Парсонс не учитывает того, что марксизм разработал такие теории – это концепция бесклассового общества, плановое распределение, ликвидация отчуждения.

Что касается методологической критики марксизма, то здесь Парсонс указывает на два аспекта. Он считает, что значение исследований Маркса

ограничено рамками только одной исторической эпохи – эпохи раннего капитализма. Следующее замечание социолога сводится к тому, что марксистская методология не позволяет делать универсальных обобщений, охватывающих все социальные системы и исторические периоды. Поэтому Парсонс ограничивает марксизм определенными пространственными и временными рамками. Что касается метода, то здесь социолог обвиняет Маркса в том, что он в своих исследованиях не придерживается методологического принципа: свободы от ценностей. Парсонс считает, что нельзя от имени науки выносить оценочные суждения, имеющие социальный или политический характер. По Парсонсу, марксизм, в частности научный социализм, смешивает две несоизмеримые системы ценностей: идеологическую и научную. Идеологической системе приписывается статус научности. Марксизм выступает одновременно как наука и как идеология, как теория и как программа деятельности.

Парсонс отрицает всякую познавательную значимость марксизма для современности. В теоретическом и методологическом плане марксизм объявляется «устаревшим», «психологически наивным» и относится к «преодоленному» этапу развития. Марксизм не выходит за пределы XIX века. Учение Маркса сводится только к четырем пунктам, которые объявляются единственно существенными. Это специфическая форма материализма; концепция общества как целого, управляемого через дихотомию; слияние экономических и политических факторов и принцип историзма.

Юрген Хабермас – немецкий социолог, представитель второго поколения франкфуртцев, предлагает метапарадигмальную теорию коммуникативного действия, основанную на анализе человеческой коммуникации, кооперации и дискурса. Через ее призму он анализирует демократию, мораль, право позднего капитализма.

В теории Маркса Хабермас критикует – теорию стоимости и обнищания, учение о базисе и надстройке, упрощенное, по его мнению, представление о связи производительных сил и производственных отношений. Хабермас стремится решить такие проблемы, как учение о превращенных формах сознания, анализ идеологии, исследование проблем общения и критику овеществления социально – коммуникативных связей. С помощью теоретического синтеза, идущих от немецкой классики и Маркса идей деятельности, рациональности, социальной коммуникативности Хабермас пытался заложить фундамент обновленной критической теории, которая смогла бы глубже и основательнее влиять на развитие современного общества. Для развития новой концепции коммуникативного действия и разума Хабермас мобилизует все сколько-нибудь ценное, что имеется в западном духовном наследии. Хабермас претендует на развертывание широкомасштабной теории общества и строит теорию коммуникативного действия как ее начало, основание. Хабермас, предлагая и развивая теорию коммуникативного действия, прежде всего критически переосмысливает марксизм. Моя цель, заявляет Хабермас, – «разработка теоретической программы, которую я понимаю, как реконструкцию исторического материализма» [4]. Марксизм Хабермас признает как вид систематического сознания, предметом которого является социальная проблематика. Марксизм подчиняется не правилам эмпирической проверки, а закономерностям социальной психологии и идеологии. Марксистская теория

призвана быть именно критикой. Марксизм не может предписывать никаких технических директив для изменения общества, потому что как критика он «непереводим» на язык инструментальных норм. Поэтому такие его положения как призыв к созданию пролетарской партии, подготовка социалистической революции следует признать недоразумением.

Идеал, по Хабермасу, общество, эмансипированное, с взаимной коммуникацией, свободной от принуждения и господства. Диалог всех со всеми. Он отвергает любые формы управления, начиная от применения фармакологических средств и генетической инженерии до управления, опирающееся на использование кибернетики, системного анализа, теории решений. Единственный способ управления, по Хабермасу, самоуправление, основанное на свободном одобрении знания и ценности, которое согласуется в ходе «сократовского диалога». Также Хабермас считает, что существенным условием этого идеала является уничтожение классов и государства, идеологии как «ложного сознания», т.е. всех тех факторов, которые ограничивают межчеловеческие коммуникацию.

Тем не менее, несмотря на тотальную критику со стороны западных философов, политологов альтернатива марксизму равной ему по глубине, по масштабности, по практической воплощенности в западной науке отсутствует. «Шумпетер не будучи марксистом однажды заметил, что все пишущие об обществе хотели бы иметь тот же коэффициент реализованных предсказаний как Маркс – коэффициент исключительно высокий даже при немалом числе ошибок»[5]. Марксизм был философией, связанной с революционным практическим действием, не только объясняющий мир, но и указывающий, как его нужно изменить. Марксизм был основой мировоззрения миллионов людей. Это учение ставило в центр своих проблем самые жгучие социальные проблемы своего времени. Марксизм являлся важнейшей духовной силой современности. Противостояние марксизма и западной идеологии было нервом жизни, нервом, пронизывающим всю эпоху. И сегодня это учение остается в статусе одной из наиболее теоретически разработанных и получивших мировое признание парадигм.

В советской системе марксистская философия служила основой всех социальных наук и обеспечивала их единство, на Западе такое единство отсутствует. Западная наука не может противопоставить марксизму ни одной целостной, последовательной альтернативы, способной стать основанием естественнонаучного и социального познания.

Литература

1. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – Т.42. – С.127.
2. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – Т.2. – С.516.
3. Parsons T. Fact and Theory in Social Science. – N.Y., 1964. – P.140.
4. Habermas J. Communication and the evolution of society. – Boston, 1979. – P.95.
5. Цитата по Арону Р. Уроки истории. – Париж, 1989. – С.234 – 235.

Связь с автором: nurgul1981@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРИТАРНОГО ЛИДЕРСТВА

Казахский Национальный Аграрный Университет
г. Алматы, Казахстан

Природа авторитаризма как политического феномена достаточно сложна и не поддается однозначной интерпретации. Прояснить его субъективные механизмы помогают исследования авторитарного лидерства. Заметный вклад в развитие авторитарного лидерства внесли Вильгельм Рейх, ученые франкфуртской школы Эрих Фромм, Теодор Адорно, Герберт Маркузе. Они выявили тип личности, предрасположенный к авторитаризму и стремящийся к власти. Такая личность формируется в нездоровых общественных условиях, порождающих массовые фрустрации, неврозы и стремление человека убежать от всего этого в сферу господства и подчинения. Для авторитарной личности власть является психологической потребностью, позволяющей избавиться от собственных комплексов путем навязывания своей воли другим людям

Одним из первых исследователей авторитаризма был австрийский ученый Вильгельм Рейх, который в начале 1930-х годов предпринял специальное исследование авторитарности в его связи с фашизмом. В работе «Массовая психология фашизма» Рейх высказал гипотезу о том, что фашистской идеологии оказываются подвержены личности, имеющие определенную психологическую структуру, которую он назвал «механистически-мистическим характером».

Фашизм, как нечто иррациональное и бессознательное, является, по мнению Рейха, отношением «маленького» человека к авторитарному обществу и власти, когда личность одновременно тяготеет к установлению диктатуры и стихийно бунтует против нее [1, с.170]. Анализ истоков фашизма Рейх соотносит не столько с социально-экономической структурой Веймарской республики, сколько с раскрытием специфики авторитарной семьи и внутрисемейных отношений. Рейх считает, что в политике, приведшей к диктатуре фашизма в Германии, решающим фактором оказалась именно идеология, уходящая корнями в структуру характера среднего человека. Поскольку характер человека формируется в детстве, в кругу семьи с ее традициями, моральными устоями и нормами поведения, то Рейху необходимо понять специфику семейных отношений, тип семьи, способствующий формированию определенной структуры характера личности. Рейх рассматривает авторитарную идеологию данного типа семьи, агрессивные импульсы среднего человека, роль сексуальности в становлении фашистской диктатуры, подчеркивая, что «сексуально-экономическая социология имеет дело со структурой человека» и что она не может быть ничем иным, как исследованием субъективного фактора истории – «структуры характера людей данной эпохи» [1, с.171].

Истоки зарождения фашизма Рейх усматривает в патриархальной семье, где сложилась почва для проявления авторитаризма, извращенной сексуальности, для формирования такой структуры характера человека,

где доминирующую роль стал играть вторичный слой, «вторичные импульсы», которые легли в основу фашизма. Поскольку данный тип семьи и основанная на ее основе структура характера личности особенно типичны, то именно она является, по Рейху, потенциальной базой фашизма. Психологические основы фашизма Рейх выводит через призму подавления сексуальности детей, через двойственную установку «маленького» человека по отношению к авторитарной власти. Рейх считает, что психологические последствия подавления природной сексуальности оказывает влияние на формирование патологического характера личности. Фашизм, по Рейху, это патология, которая разъедает внутриспихическую структуру человека. Рейх также стремится выявить роль сексуальности в становлении фашистской диктатуры. Он пытается объяснить символизм фашистской свастики и воздействие ее на бессознательные влечения человека. Рейх рассматривает историю развития свастики от восточноиндийских представлений до западноевропейских вариантов и приходит к заключению, что первоначально свастика была сексуальным символом. Именно в этом качестве свастика, как символическое обозначение сексуальности, свастика, в понимании Рейха, и оказывала соответствующий эффект на человека.

Поскольку в основе фашистской ментальности, по мнению Рейха, лежит сексуальное подавление в семье, то ее устранение он связывает с ликвидацией сексуального подавления и раскрепощением природной сексуальности, с уничтожением разрыва между сексуальной моралью и подлинно человеческим проявлением любви. Уничтожение репрессивной морали должно подорвать основы патриархальной семьи и вместе с ней источники возникновения патологического характера человека. Необходима, по мысли Рейха, сексуальная революция, которая приведет к подлинному освобождению человека от политического гнета. Потребность в осуществлении такой революции является актуальной, по Рейху, не только потому, что авторитарное общество с его патриархальной семьей подавляет естественное проявление сексуальности у людей, порождая различные формы извращенного понимания любви [1, с. 173]. А в силу того, что на этой основе возникают антисоциальные, агрессивные типы человеческого поведения, патологическая структура личности, отчужденные отношения, являющиеся основой для зарождения авторитарного сознания. Для Рейха «сексуальная революция» является не просто «дополнением» к политической революции, а необходимым элементом радикальных преобразований, основополагающим моментом освобождения личности от моральных, социальных и экономических пут, исходным пунктом любых преобразований в обществе.

Вслед за Рейхом к проблеме авторитарного характера обращается Э. Фромм. В своей работе «Бегство от свободы», изданной в 1941 г. Фромм делает радикальное открытие. Он описывает специфический культурный и антропологический феномен – «бегство от свободы». Он анализирует такой механизм бегства от свободы, который состоит в тенденции отказать от независимости своей личности, слить свое «я» с кем-нибудь или с чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самоу индивиду [2].

Человек массы не тяготеет к свободе. Психологически ему гораздо уютней, когда его жизнью, его волей и разумом распоряжается тоталитар-

ный лидер. Люди нуждаются в вождях, которые принимают за них решения. Фромм говорит о том, что в XIX в. проблемой было то, что «Бог умер», а в XX в. стало то, что «умер человек». Индивид стал более одинок. Раньше его «Я» могло опереться на собственность, на престиж, власть и семью. Одиночество, страх, потерянности остаются, но люди, по Фромму, не могут терпеть их вечно. Человек не в состоянии перейти от свободы негативной к свободе позитивной, он старается избавиться от свободы вообще. Главные пути, по которым происходит бегство от свободы – это подчинение вождю в тоталитарных странах, т.е. превращение в безликую и послушную массу. «История человечества перенасыщена периодами, когда толпы бросались от свободы в тиранию, потому что такое рабство казалось избавлением от свободы, от себя, от долга» [3]. По Фромму, и мазохистские, и садистские стремления помогают индивиду избавиться от невыносимого чувства одиночества и бессилия [4, с.23]. Так как термин «садистско – мазохистский» ассоциируется с извращениями и с невротами, Фромм предпочитает говорить не о садистско – мазохистском, а об «авторитарном» характере. Общая черта, по мнению Фромма, авторитарного мышления состоит в убеждении, что жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний. Единственно возможное счастье состоит в подчинении этим силам. У авторитарного характера активность основана на глубоком чувстве бессилия, которое он пытается преодолеть. Авторитарная личность, считает Фромм, обретает силу к действию, лишь опираясь на высшую силу. Она должна быть несокрушима и неизменна. Недостаток силы служит для такого человека признаком вины и неполноценности. Если власть проявляет признак слабости, то его любовь и уважение превращаются в презрение и ненависть. По Фромму, мужество авторитарной личности, состоит в том, чтобы выдержать все, что послала ей судьба, или ее живой представитель вождь. Страдать безропотно, не изменять судьбу, а подчиняться ей в этом заслуга авторитарного характера. Мир для человека с авторитарным характером состоит из людей, имеющих или не имеющих силу и власть, то есть из высших и низших. Он способен только к господству или к подчинению. Любые различия – пол или раса – для него являются признаками превосходства или неполноценности.

Как считает Фромм, уничтожение собственного «я» и попытка за счет этого преодолеть невыносимое чувство бессилия – это одна из сторон мазохистских наклонностей. Другая – это попытка раствориться во внешней силе. Этой силой может быть институт, нация. Став частью силы, человек становится, по Фромму, причастным к ее мощи и славе. Индивид отрекается от себя, от своего «я», от собственной свободы, избавляется от принятия решений, от ответственности за свою судьбу.

В 1950 г. В Нью-Йорке было опубликовано знаменитое исследование Т. Адорно, Э. Френкель-Брунสวิк, Д. Левинсона, Н. Сэнфорда «Авторитарная личность» [5]. Авторы этого исследования преследовали прагматические цели – выработать психологическое оружие против потенциальной угрозы фашистского мышления. Этот проект был задуман как поиск характеристик личности, объясняющих причины принятия фашизма. Ни один из респондентов Адорно не принадлежал к фашистской организации. Это были белые, «среднего» класса, христианского вероисповедания, жите-

ли пригородов Сан-Франциско. Результат исследования был неожиданным. Оказалось, что среди этих средних американцев авторитарный тип встречается и нередко. И у них исследователи обнаружили те же основные психологические особенности, которые были свойственны немцам, приветствовавшим приход Гитлера к власти. Авторитарная личность, по мнению исследователей, это особый набор психологических характеристик, среди которых они выделили стремление подавлять других, нетерпимость, этноцентризм и ряд других. При этом человек, подавляя слабых, боится тех, кто сильнее его.

Исследователи авторитаризма видели задачу не только описать данный тип личности, но и обнаружить истоки авторитаризма, которые они находят преимущественно в семье, во взаимоотношениях с родителями. По их мнению, жесткая дисциплина, подчинение главе семьи порождают у детей комплекс неполноценности. Образование, напротив, снижает возникновение предрассудков [6, с.55]. В работе «Авторитарная личность» идеи о глубинной, бессознательной детерминированности политического облика фашизма были выражены в форме эмпирических показателей и измерены по специальной шкале Ф. Также заслуживает внимания теоретическая проработка понятия «авторитарный синдром», дающий инструмент для выявления и микроанализа макрополитических объектов [7, с.75]. Эмпирические исследования, проведенные Адорно и другими учеными, подтвердили реальное существование авторитарного типа личности, выявили ее некоторые новые черты. В целом этот проект значительно расширил представления о природе и внутренних мотивациях стремления к авторитарному лидерству.

Выводы ученых об опасности авторитаризма подтвердились и в послевоенный период. Внешне авторитаризм изменился. На место власти, персонифицированной в лице фюрера, пришел безличный авторитаризм, воплощенный в анонимных бюрократических структурах государственных институтов. Этот авторитаризм породил новый тип личности, получивший название «одномерный человек». Исследование такой личности было предпринято Гербертом Маркузе.

В 1964 году выходит программная работа Маркузе «Одномерный человек. Очерки по идеологии высокоразвитого индустриального общества». Идеи, изложенные в «Одномерном человеке» быстро превратили Маркузе в популярного идеолога «новых левых», в кумира оппозиционных студенческих движений 60-х годов и в одного из самых влиятельных западных философов. Центральная идея книги Маркузе – это идея «одномерности». Интерес к «одномерному» человеку был продиктован стремлением прорвать отчуждение, которое возникло между человеком и западным обществом.

Исходный пункт Маркузе – антиавторитаризм. Его аргументы в критике западного общества, отчуждения являются достаточно радикальными. Маркузе ярко иллюстрирует господство безличных сил над индивидом, что приводит к обнищанию личности, к появлению «одномерного» человека.

Категория «одномерности» позволяет, как считает Маркузе, четко и емко зафиксировать сущность этого общества. «Одномерность» – это од-

народность, отсутствие четко выраженной и эффективной альтернативы (социальной, политической, идеологической). Это унифицированность, однонаправленность. «Одномерность» означает отсутствие противоборства, всякой критики, всякого выхода за пределы существующей системы отношений, институтов, оценок, примирение с существующей системой. В социальном и политическом плане «одномерность» означает отсутствие внутри общества социальных сил, противостоящих существующим общественным отношениям и стремящихся их ниспровергнуть [8].

Формирование «одномерного» общества, «одномерного» человека с его «одномерным» сознанием Маркузе связывает с новыми формами контроля над людьми, базирующиеся на современной науке и технике, на «технической рациональности». Маркузе выделяет в них три элемента: а) система создания и удовлетворения поработающих потребностей; б) всепроникающие средства массовой коммуникации – телевидение, радио, печать, «когда рабочий и хозяин наслаждаются одной и той же телевизионной программой и посещают одно и то же место отдыха»; в) новые формы социального контроля. Теория человеческих отношений на предприятии, использующая наука о воздействии на психику человека, по Маркузе, также предотвращают возможность формирования оппозиционных настроений [9, с.31].

Маркузе считает «рациональную одномерность» негативной характеристикой современного ему общества. Это общество иррационально, продолжает Маркузе. Альтернативу западному обществу Маркузе ищет на пути отказа от рационального политического поведения, выработки новых форм чувственности, раскрепощения личности. Эти антизападные формы бросают вызов «одномерному» обществу и являются политическим протестом против безличного авторитаризма, поглощенного в анонимных бюрократических структурах государственных институтов.

Литература

1. Reich W. The Mass Psychology of Fascism. – N.Y., 1946.
2. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М., 1990.
3. Гуревич Н.С. Партитура бессознательного и уроки истории // Фромм Э. Догмат о Христе. – М., 1998.
4. Добренчиков В.И. Критика неопрейдистской концепции Э.Фромма. – М., 1972.
5. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М., 2001.
6. Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. – М., 1978. – 385 с.
7. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход фрагменты из «Авторитарной личности» // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 75-85.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. Очерки по идеологии высокоразвитого индустриального общества. – М., 2000.
9. Баталов Э.Я. «Новые левые» и Г. Маркузе. – М., 1970.

Связь с автором: nurgul1981@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия

В тесной связи с политическим поведением человека находятся темперамент, эмоции, воля, тип мышления, т.е. предпосылки политической психологии.

Темперамент всегда придает политическому поведению своеобразие и уникальность. Заметно, что холерики и сангвиники, люди с амбициями, обидчивые. Чаще и активнее включаются в политическую жизнь. Напротив, флегматики и меланхолики чаще всего пассивны. Бурный необузданный темперамент южан определяет и характер их политических выступлений, склонность к конфликтам, к колебаниям политических настроений – от уныния до энтузиазма. Сдержанный темперамент северян делает их более трезвыми в политике, позволяет подключить «холодный рассудок» к оценке политической ситуации [1].

В политическом поведении человека эмоции тоже играют подобную роль. Любый человек реагирует на политические события эмоционально. Среди эмоциональных состояний, определенно влияющих на политическое поведение можно выделить такие состояния как страх, надежда, любовь. Трепет, тревога, вера. И поступки человека соответствуют этим эмоциям. Страх человека может обострять политические ситуации. Именно страх творит в сознании людей образ врага. Расколотое общество окзывается по разные стороны баррикады. Страх приводит к беспорядку.

Взаимоотношение разума и эмоций взаимобратное. Чем меньше у индивида политических знаний и гражданских навыков, тем чаще захлестывают чувства.

Воля является определяющим фактором поведения человека. Без воли вряд ли можно добиться успехов в политике. Поскольку политика предполагает конкуренцию. То победы добивается тот, кто в большей мере обладает волевыми качествами. В данном случае политическое поведение находится в прямой зависимости от воли.

Между типом мышления человека и его политическим поведением существует также тесная связь. От человека требуется определенный уровень интеллекта, без которого невозможно разобраться в мозаике политических интересов и противоречий.

Стабильности политического поведения соответствуют такие качества как склонность к анализу политических процессов, вдумчивость, критичность. Человек, обладающий аналитическими качествами, не может бросаться из одной крайности в другую.

Политическое поведение человека наиболее полно раскрывается в политической деятельности [2].

В современных политических системах в регламентации поведения людей наблюдается тенденция перехода от отношений господства и подчинения к отношениям социального партнерства.

Для каждой политической системы характерна политическая деятельность людей, происходящая в разных формах и различной степенью напряжения.

Для капиталистической социально-политической системы присущи: функционирование парламентского механизма борьбы за власть; рост уровня жизни для преобладающего числа населения; падение остроты классовой борьбы, утверждение социального партнерства, усилении позиций гражданского общества, защиты прав человека.

Для бывшей социалистической, а ныне переходной, революционно-демократической политической системы характерны: высокая политизация народных масс, их решимость покончить с остатками тоталитаризма. Борьба за власть в этих условиях все более приобретает форму межпартийной борьбы, имеет место взрыв национализма, резко снижающийся уровень жизни народа, разрушение духовности, стремительный рост преступности; формирование нового уровня гласности, плюрализма, многопартийности, смешанной экономики, утверждение нового политического мышления.

Политика декларируется группой людей, составляющих политическую организацию. Поэтому политическая деятельность характерна для общественных организаций и движений, преследующих политические цели. Это профессиональные, молодежные, творческие, оборонные и другие добровольные объединения граждан, способствующие реализации своих политических интересов. Возможно существование интересов этнических, демографических и религиозных групп [3].

В реализации политической деятельности большую роль играют: принципы социальной политики: социальной справедливости, борьбы с женской дискриминацией, социального равенства людей, борьбы с преступностью и принципы государственной национальной политики: обеспечить гармонию между правами личности и правами нации, сохранение самобытности этносов, недопущение межэтнических конфликтов, сохранение национально-государственных устройств и территориальной целостности (применительно к России).

В условиях переходного периода общества слаживается стиль поведения большинства населения, когда становится обычным явлением склонность к таким несанкционированным формам протеста как митинги, забастовки. Голодовки, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций. Политические конфликты становятся кривым отражением политической культуры. К тому же люди не очень заинтересованы в том, чтобы использовать технологические механизмы политического согласия, хотя есть ученые, которые достаточно глубоко их разработали. Особенно это касается политических движений экстремистского толка.

В силу преобладания такого рода норм и ценностей медленно формируются демократические формы организации власти, а иногда они способствуют разжиганию националистических и фашистских настроений.

Становится актуальной задача реформирования российского общества – преобразование политической культуры на основе демократических ценностей, взаимоуважительных отношений члена общества и власти.

Внешне политическая культура выступает как определенный уровень, степень развития политического менталитета социальной группы, класса, нации. Личности, лидеров государства и партий, интеллигенции, депутатов парламента и т.д. Именно она служит качественной характеристикой их социально-политической деятельности [4].

Таким образом, политическую культуру можно представить как интегральную характеристику политической общественной жизни данной страны, отдельного класса, социальной группы, личности. Политическая культура тем самым охватывает те стороны политической жизни, которые соответствуют духовному развитию личности, социальному прогрессу в целом.

Литература

1. Новиков А.Г., Пудов А.Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации. – Якутск, 2005. С.20-30.
2. Политология /Под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М., 2007. С.50-61.
3. Одайник В. Психология политики //Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. – СПб, 1996. С.40-45.
4. Политическая культура. Теория и национальные модели / Отв. ред. К.С. Гаджиев. – М., 1994. С.15-21.

Связь с автором: dissov54@mail.ru

Е.Ю. Потапчук

МЕТАФОРЫ ВЛАСТИ

Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
грант 08-06-98502.*

Избрание и вступление в должность в 2008 г. нового российского президента актуализировали стремление осмыслить феномен власти. Общество, в очередной раз от вечает на вопросы: что есть власть, каковы отношения свободы и власти, как влияет власть на личность и наоборот? Данные проблемы решались еще Конфуцием и легистами в Древнем Китае, Платоном, Аристотелем, Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, И. Кантом, М. Ве-

бером и многими другими мыслителями. Поиск ответов активно ведется и в наши дни.

Считается, что власть связана со способностью влиять на выбор решений и поступков человека, «каким-либо желаемым образом и многими приемами воздействовать на поведение других в самых разных обстоятельствах» [3, 559]. Выделяются две метафоры в понимании власти: модус обладания и модус бытия. Власть по принципу обладания употребляется «лишь для эксплуатации того, кто ей подчиняется» [7, 224], в то время как власть по принципу бытия – для «выполнения определенных социальных функций» [7, 224]. Участники властной пирамиды в обществе, живущем по принципу обладания, не столько отправляют функции власти, сколько господствуют. Основой же господства выступают ограничения в удовлетворении каких-либо потребностей, поэтому иррациональная власть держится на силе. Насильственные ограничения, налагаемые деспотом, формируют «эффективный порядок», и тем самым задают модель для дальнейшего социального прогресса. Возникает форма «социальной организации с отказом от импульсивных порывов, признанием взаимных обязательств, учреждением особых, объявленных нерушимыми (святыми) институтов, то есть первыми началами нравственности и права» [5, 206-207]. Общество включается в процесс сохранения и усиления господства, поскольку «устранение власти, которая (хотя и с помощью страха) сохраняла группу, может разрушить ее жизнь» [2, 62]. На смену деспоту придут иные лица, силы, структуры, органы и т.п., которые «обеспечивают подавление удовольствия, необходимое для сохранения их власти и способа организации группы» [2, 60]. Происходит переход от господства одного к господству многих, «свобода приходит на смену господству – и вновь приводит к утверждению господства» [2, 61].

Предположить, что личность добровольно отказывается от господства не просто. Поэтому, например, В. В. Путину во время его ежегодной большой пресс-конференции 14 февраля 2008 г. неоднократно задавался вопрос о его будущей занятости. «Я не правлю – я просто работаю» [4], – этим ответом В.В. Путин попытался лишить понятие власти его неких сакральных смыслов, характерных для российского восприятия политики. Отождествление В.В. Путиным политико-чиновничьей работы и служения России – это своеобразный синтез прозападного понимания власти как вида деятельности и российского традиционного – как особого священного поведения.

Именно как процесс управления, выполнение функций, деятельность рассматривается власть в модусе бытия. «Быть» (в противоположность «обладать») – «значит отказаться от своего эгоцентризма и себялюбия» [7, 271]. Власть, в этом случае, соотносится с продуктивной (спонтанной) активностью, при которой личности «оживляют все, к чему они прикасаются, они реализуют собственные способности и вселяют жизнь в других людей и в вещи» [7, 273]. При неотчужденной активности Я ощущает себя субъектом деятельности, а не объектом манипулирования. С психологической точки зрения жажда власти есть проявление слабости личности, поскольку свидетельствует о ее неспособности «жить, опираясь на свои собственные силы» [6, 202], о стремлении «найти замену, дополнительную силу, когда

собственных сил не хватает» [6, 202]. Личностное бытие предполагает способность к акту неподчинения, в противном случае, даже занимая верхушку властной пирамиды, человек будет всего лишь рабом правителя, системы или какой-либо идеи.

Ограничение свобод граждан ограничивает и властные влияния на их поведение, и тем самым приводит к умалению самой власти. В условиях тоталитарного общества власть контролирует половину выбора или вообще не контролирует. Мало связывать власть с причиной, скорее, ее «можно сравнить с комплексной функцией катализатора» [1, 23]. Гражданский или демократический типы общества, предлагая своим членам веер возможных способов поведения, при помощи многообразных полноценно развитых социальных институтов и иных структур и образований, контролирует гораздо больше, чем половину выбора. Итак, власть тем могущественнее, чем свободнее в выборе индивид (или индивиды), поскольку власть тем больше, чем большее число вариантов выбора она контролирует или предлагает.

Литература

1. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев: «ИСА», 1995. – 352 с.
3. Мельвиль А. Ю. и др. Политология. – М.: МГИМО – Университет МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 624 с.
4. Путин В. В. Ежегодная большая пресс-конференция 14 февраля 2008 г. Доступно: <http://www.regnum.ru/news/775874/htm>.
5. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992. – 289 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 672 с.
7. Фромм Э. Иметь или быть? – Киев: Ника-Центр, 1998. – 400 с.

Связь с автором: epotapchuk@mail.ru

О.В. Пронькина

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
г. Рязань, Россия

Британская парламентская система формировалась постепенно, на протяжении веков сословно-представительские институты трансформировались, расширялись демократические тенденции. Отличие британского парламента от других заключалось в том, что формирование политических институтов явилось результатом эволюции общества, постепенным при-

способлением правящей верхушки к социально-политическим изменениям, а не введением, внедрением политической идеи, выработавшейся политиками или философами. Сказанное относится и к политическим партиям Великобритании

Зародившиеся во второй половине XVII века партии тори и вигов со временем претерпели существенные изменения. Они заключались в постепенном изменении парламентских группировок, носивших зачастую клановой характер, в политические партии либералов и консерваторов. Во второй половине XIX века в результате перегруппировки политических сил происходит выработка идейно-политических платформ и организованное оформление политических партий викторианского периода, формирование «партийного маятника» [1, с.231]. Либералы и консерваторы в результате проводимых выборов довольно часто сменяли друг друга. Партия, которая находилась у власти под общественным давлением и заинтересованная в сохранении большинства своих представителей в парламенте была вынуждена продолжать реформирование британского общества, начало которому было положено парламентской реформой 1832 года

В числе преобразований были меры, направленные на постепенную демократизацию активного и пассивного избирательного права. В 1858 году отменен имущественный ценз для депутатов, началась постепенная отмена завуалированного религиозного ценза

Вопрос о всеобщем избирательном праве по-прежнему остро стоял в обществе. Наступивший экономический кризис, демонстрации в крупных промышленных городах страны в 1866 года, требования проведения реформы подталкивали правительство к действиям. Либеральный кабинет Рассела предложил снизить избирательный ценз. В этом году реформа не была проведена, а либеральное правительство ушло в отставку

Новое правительство, возглавляемое Дизраэли в 1867 году предложило принять закон, в котором избирательное право распространялось не только между домовладельцами, но и между теми, кто арендовал целый дом, а также на тех, кто снимал квартиру и проживал там не менее 12 месяцев. Эта реформа существенно расширила число избирателей до 2 млн. человек, но среди них отсутствовали сельские батраки и городские рабочие, то есть подавляющая часть населения. Но, несмотря на реформу, консерваторы во главе Дизраэли не смогли удержаться у власти и в 1868 году потерпели поражение на выборах, и вынуждены были уйти в отставку. Либеральное правительство 1868-1874 гг. во главе с Гладстоном вошло в политическую историю как «реформаторское» [5, с. 176].

Ими были проведены законы, которые брали курс на дальнейшую демократизацию политических институтов и социального устройства. Но, несмотря на это, популярность либерального правительства падает. Это было связано с тем, что умеренная позиция кабинета Гладстона не удовлетворяла ни радикальные, ни консервативные круги английского общества. И к власти пришли консерваторы

В 1884 году консервативная партия провела реформу, по которой вводилась единая система представительства, дававшая равные избирательные права жителям города и деревни. В следующем, 1885 году, очередная парламентская реформа перераспределила избирательные округа. Новые

дополнительные места получили города. Это реформа способствовала сближению сельских и городских округов по численности населения, принимавшего участие в выборах

Каждая реформа увеличивала электорат, постепенно вовлекая в политическую жизнь общества все более широкие слои населения города и деревни. В то же время они оказывали влияние на формирование политики парламентских партий, вынужденных считаться с расширением числа избирателей. Партийные лидеры выработывали программы с учетом интересов широких слоев населения для увеличения числа сторонников, что было необходимо для достижения большинства в парламенте.

Литература

1. Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30-40 гг. XIX в. – М, 1997.
2. Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. – М., 1995.
3. Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. – М., 1995.
4. Общественно-политические институты и движения. – Л., 1991.
5. Узнародов И.М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели. Ростов н/Д. – 1992.

Связь с автором: o.pronkina@rsu.edu.ru

Секция 2.2

«Политические институты, процессы и технологии»

А.Р. Андрианова

СНИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ КАК ОСНОВНОГО РЫЧАГА УПРАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «НОВЫЙ ГОРОД» И «СУРГУТСКАЯ ТРИБУНА»)

Сургутский государственный университет
г. Сургут, Россия

Для России исторически традиционен симбиоз государственной власти и прессы, где последняя играла роль своеобразного рупора государственной политики и являлась рычагом воздействия на население. Однако сегодня мы можем наблюдать снижение доверия населения к СМИ. Если говорить о печатных СМИ, то яркой иллюстрацией падения читательского интереса к ней является снижение подписных тиражей и тиража розничной продажи издания. По данным TSN Gallup, с 2000 года центральные издания неуклонно шествуют по кривой спада читательского интереса и начинают исчислять потери своего тиража сотнями тысяч, а в некоторых случаях даже миллионами экземпляров в год. Тенденцию к снижению тиражей ощущает ныне не только центральная, но и местная печать, которая начала терять своих читателей гораздо позже, чем центральная, долгое время оставаясь островом доверия журналистскому слову. Так, например, в Сургуте самая старая по возрасту газета «Сургутская трибуна» в 2001-2003 годах достигла 22-23-тысячного тиража, в то время как в 1996-1998 годах он составлял 17-18 тысяч. Однако, начиная с 2004 года, самая популярная у горожан газета стала сдавать свои позиции. Так в 2004 году тираж «СТ» составил 19 тысяч экземпляров, в 2007 – 16 тысяч, в 2008 – 15 тысяч экземпляров. На сегодняшний день «СТ» издается тиражом – 20 тысяч экземпляров, но стоит отметить, что половина от него выкуплена на год вперед нефтяной компанией «Сургутнефтегаз» в качестве платы за публикацию благожелательных материалов о компании и распространяется в добровольно-принудительном порядке среди сотрудников данной компании. Те же трудности испытывает и главный конкурент «Сургутской трибуны» – газета «Новый город», тираж которой на сегодняшний день составляет 13 тысяч экземпляров, что на 7 тысяч меньше показателя 2006 года. Однако даже такие цифры выглядят вполне оптимистично, если учесть, что население г.Сургута составляет всего 298 тысяч человек. Если умножить 15 тысяч на 3, то мы получим приблизительное число читателей «НГ» – 45 тысяч человек – каждый шестой горожанин. Почему же некогда эффективный инструмент управления теряет силу своего влияния на массы? Специалисты видят причины не только в смещении интереса аудитории в сторону ТВ и интернета, но и в возрастающей роли пресс-служб, как главных выразителей интересов властных и коммерческих структур. На смену журналистике — роду творческой деятельности, нацеленной на достижение объективности в познании окружающего мира, — активно приходят PR-технологии, решающие принципиально иную задачу, нежели журналистика — создание позитивной ре-

путации субъектов политической и экономической деятельности. «Все это нивелирует саму суть журналистской профессии, «растворяет» ее в общем коммуникационном потоке, отдаляет ее содержание от действительных информационных потребностей аудитории.» – говорит профессор Уральского государственного университета Дмитрий Стровский¹. Причину такого положения Д.Л.Стровский видит в том, что СМИ поставлены в условия жесткой конкуренции, при которых главным становится не столько соответствие канонам профессии и этическим правилам журналистики, сколько выживание издания.

Что же привело к такому положению вещей? Почему с каждым днем издания ощущают все большую и большую финансовую зависимость от капитала крупных предприятий и властей? И существует ли связь между повышением этой зависимости и снижением интереса к прессе?

Историческая мина замедленного действия была заложена французом Жерардином еще в 1836 году, когда он ввел в своей газете рубрику «Роман с продолжением», чтобы стимулировать читателя к покупке следующих номеров. В то же время этот издатель снизил стоимость газеты вдвое, а оставшуюся половину стоимости компенсировал коммерческими частными объявлениями². Такой метод компенсации стоимости газеты за счет рекламы быстро распространился по Европе как один из важнейших факторов преимущества в конкурентной борьбе. Российская почва стала также благоприятной для введения подобных мер удешевления конечного продукта печатных СМИ. Однако здесь решающим фактором стала не столько конкуренция между издателями, сколько правительственная заинтересованность в распространении государственной политики среди небогатого населения российской империи. В России разница между себестоимостью и низкой розничной ценой издания компенсировалась государственной казной. Такое положение дел привело к известному историческому симбиозу власти и прессы, которая сегодня переросла в масштабную проблему, обсуждаемую как научным сообществом, так и практиками-журналистами на протяжении нескольких последних десятилетий. Но если раньше, в эпоху империализма (начиная с Петровских времен) и социализма, власть на правах основателя и главного куратора СМИ беззастенчиво регулировала их деятельность при помощи цензуры, то с периода вхождения России в демократическую систему западного мира применение цензурных рычагов стало давать сбои. Во-первых, 29 статья нынешней Российской конституции прямо запрещает цензуру на территории РФ и гарантирует свободу массовой информации. Во-вторых, влияние так называемого мирового глобализма не прошло бесследно для российских тружеников печати. Их сознание неуклонно стало меняться, приобретая черты западного мышления и западных требований в отношении стандартов свободной прессы. Образ независимого журналиста многие годы был путеводной звездой для переломной журналистской братии. Однако рыночные условия быстро поставили

---

¹Д.Л. Стровский «Шагренева кожа журналистики?» «Известия Уральского государственного университета» №40. 2006 год

²Ричард Харрис «Психология массовых коммуникаций» М «Олма-Пресс» 2002

все на свои места, разрешив известную дилемму о том, что же все-таки лучше: быть голодным и свободным или сытым и зависимым. Выбор был сделан в пользу второго постулата. Оно и понятно, кушать хочется всем, а штурмовать баррикады, постоянно испытывая стресс, быстро надоедает.

Однако пьянящая поначалу свобода, благодаря которой пресса испытала настоящий взлет – высокий интерес читателя, его любовь, профессия журналиста стала популярна как никогда – со временем перестала восприниматься как безусловное благо.

В конце девяностых появились первые жалобы мэтров журналистики на бессмысленность тех достижений свободы, которые давали возможность правдивой критики в адрес госструктур. Эту критику чиновники госаппарата просто игнорировали. «Собака лает – ветер носит» – пословица стала характерной приметой времени в среде журналистов.

Выяснить причины такого безразличия властей к гласу печати, нам представляется затруднительным, но можно предположить, что это был лишь стратегический ход власти: затаившееся ожидание для совершения дальнейших радикальных действий по закабалению взбеленившейся прессы. И эти действия не заставили себя ждать. За время выжидания власть нашла новые рычаги управления СМИ – экономические, убивая тем самым двух зайцев: и мороки меньше и иллюзия свободной прессы для Западных партнеров остается. Вот как описывает эту ситуацию М.Ганапольский: «Делается это просто. Организовывается новая радиостанция, а может быть газета. Потом пускается слух, что там фантастические зарплаты, но мало мест. Все начинают нервничать, боясь опоздать, но решают разузнать подробности. Подробности шокируют. Действительно зарплата в три раза больше, но переходить надо сейчас. После неприятного спешного прощания со старым главным редактором, журналист переходит на новое место. Но там вскоре его ждет разочарование. Новые владельцы через полгода объявляют, что зарплата снижается, так как нет денег. Жертва понимает, что ее развели. Задача была в том, чтобы журналист ушел со старого места, и вряд ли он туда вернется, так как старый начальник не прощает предательства. Поэтому он уйдет в никуда». «Современный метод ликвидации неугодного СМИ не в том, чтобы его закрыть, а в том, чтобы его развалить, создав привлекательные альтернативы»¹.

Однако подобный метод ликвидации неугодных журналистов нехарактерен для регионов. Кроме известного метода прикармливания лояльных к власти СМИ из госбюджета, существуют и объективные причины, по которым журналисты не хотят быть кусачими – это общее снижение профессионального уровня журналистского состава редакций крупных и малых городов. Обескровливание редакции, лишение ее талантливых журналистских перьев происходит скорее из-за амбиций самих журналистов, а не из-за целенаправленного давления властей. Так, например, низкий уровень заработной платы корреспондентов привел к тому, что многие из них считают более престижным работать в пресс-службах и корпоративных газетах крупных предприятий города. В связи с тем, что в городе нет высокопро-

---

¹М.Ю. Ганапольский «Кисло-сладкая журналистика». М.2008.

фессиональных опытных PR-специалистов, на работу в отделы по связям с общественностью принимают журналистов местных изданий. Лучших из лучших. И им есть куда уходить: если в 1999 году с сургутскими редакциями сотрудничали только пять пресс-служб – горадминистрация, УВД, ГИБДД, «Сургутнефтегаз», «Сургутгазпром», то сегодня число PR-отделов на предприятиях и в организациях города зашкаливает за 20.

Еще одним следствием роста числа пресс-служб стало увеличение количества PR-материалов и пресс-релизов, поступающих в редакции. С одной стороны, это позволило редакциям заполнять газетные полосы своих изданий, не прилагая к этому усилий по поиску информации. Это привело к снижению уровня качества конечного продукта деятельности СМИ, а также к расхолаживанию журналистов. Зачем искать интересную информацию, если можно не напрягаясь брать материалы пресс-служб, обрабатывать их (или даже и этого не делать) и получать за это тот же гонорар? С другой стороны вдруг оказалось, что журналистика может питаться финансово не только от властей, но и от представителей крупного промышленного капитала, взимая с заинтересованных в публикации своих материалов пресс-служб плату за предоставление газетных полос.

Сейчас процесс налаживания отношений СМИ с бизнес-структурами на платной основе в Сургуте проходит этап становления. Долгое время, пока пресс-служб в городе было немного, все они размещали свои материалы в СМИ на бесплатной основе. Так было с конца 90-ых до середины 2000 годов, когда журналисты получали пресс-релизы не более 2-3 штук в неделю и информация, указанная в них имела широкую общественную значимость, публиковалась на первой новостной полосе, и считалось большой удачей для корреспондента получить пресс-релиз в обработку. Но сегодня редакция получает по 5-6 пресс-релизов и PR -материалов в день и уже может диктовать условия их размещения отправителям. Эти условия как правило исчисляются в рублевом эквиваленте из расчета 40 тысяч за полосу.

Однако надо отметить, что, не смотря на дополнительный источник дохода редакции в виде поступлений от крупных промышленных предприятий и банков, размещающих свои материалы в газетах, в регионах государственные дотации по-прежнему остаются основным источником существования СМИ.

В частности первые PR-отделы в Сургуте появились в государственных структурах – городская администрация (1997 год), пресс-служба администрации Сургутского района (1999 год), пресс-служба УВД Сургута (госструктура) (1997 год), государственная автоинспекция (1997), государственная инспекция по налогам и сборам (1998 год). Заметим, что коммерческие предприятия до сих пор неохотно создают PR-отделы и не высоко оценивают их роль в работе всего предприятия. Так руководитель ОАО «Тюменская региональная генерирующая компания» А.Н.Шишкин объяснил причину создания PR-отдела в «ТРГК» следующим образом: «Нас РАО обязывает, чтобы этот отдел был». В сходной ситуации оказались все руководители бывших подразделений РАО в регионах: в каждом из них действует PR-отдел, работа и численность которого четко регламентируется московским центральным офисом РАО, а не непосредственным руководителем данного предприятия. Еще одним показателем отношения к пресс-службе

является ее расположение относительно руководства компании. Так в ОАО «Сургутнефтегаз» PR-отдел расположен не в том офисе, где размещается все руководство этой крупной нефтяной компании, а в маленьком офисе одного из подразделений «Сургутнефтегаза» на окраине города. Кроме того, если сравнить расходы пресс-служб властных структур и коммерческих организаций на работу с целевыми аудиториями, то мы видим ясное расхождение интересов. Так, бюджет PR-отделов коммерческих предприятий большую часть своих расходов направляет на работу с внутренней целевой аудиторией (коллектив) – совокупные траты ОАО «Тюменская региональная генерирующая компания» и ОАО «Тюменская энергосбытовая компания» – более 5 миллионов рублей в год -, а не на работу со СМИ – 1,2 млн рублей в год. В то время как в компетенцию PR-отдела администрации города работа с внутренней аудиторией вообще не входит. Приоритетной в горадминистрации считается работа со СМИ, на которую затрачивается 38 миллионов рублей в год. В том числе, городской администрацией ежегодно выделяется так называемый тендер, который достается тому СМИ, которое по мнению мэрии наиболее полно отражает государственную политику в отдельно взятом городе.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно взаимодействие с PR-службами (как посредниками между властью, капиталом и СМИ) дает печатной журналистике финансовую устойчивость. Однако здесь возникает некоторое противоречие, которое стремятся преодолеть редакции. Противоречие заключается в том, что обилие платных материалов на полосе невозможно замаскировать под объективную журналистскую информацию, существует ряд маркеров (скрытых и явных) по которым можно узнать заказной материал. Среди них сургутские журналисты выделяют нескрываемое преобладание хвалебной информации о предприятии над нейтральной, использование неинтересных для широкой аудитории информационных поводов, неуместная частота, упоминания названия предприятия. Как следствие, читатель теряет интерес к такому изданию, падают его тиражи, издание становится непривлекательным для инвесторов. Таким образом, указанные способы выживания газет представляются взаимоисключающими. Невозможно повысить тираж газеты без средств от рекламы и PR, но в то же время читатель не хочет покупать издания с обилием PR-информации.

Вследствие этого редакции озабочены поиском универсальных алгоритмов формирования устойчивого доверия к своим изданиям, радио- и телеканалам со стороны массовой аудитории и вместе с тем сохранить заказчиков в лице PR-служб города.

Своеобразный выход из этого положения предложила редакции газеты «Новый город»: газета вовсе не производит литературной правки печатающихся на платной основе пресс-релизов, а помещает их в одну рубрику «Пресс-релизы». Таким образом, газета дистанцируется от этих материалов, как бы сообщая читателю – «это не наши материалы, мы не несем за них ответственность». При этом редактор осознает, что такая тактика в дальнейшем сократит число заказных материалов на полосе.

Такое балансирование не всегда происходит успешно и зачастую наблюдается сдвиг в сторону получения сиюминутной выгоды от заказного

материала, нежели стремление строить долгосрочную доверительную политику формирования общественного интереса к изданию.

Литература

1. Ганапольский М.Ю. «Кисло-сладкая журналистика». М.2008
2. Стровский Д.Л. «Шагренева кожа журналистики?» «Известия Уральского государственного университета» №40. 2006 год
3. Харрис Р «Психология массовых коммуникаций» М «Олма-Пресс» 2002.

Связь с автором: 89222478518@mail.ru

О.Н. Ванеев

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: ВОЗМОЖНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Законодательное Собрание Красноярского края
г. Красноярск, Россия

Одна из общих угроз для крупных российских городов – нарастающая социальная и этническая сегрегация. Городское пространство разделяется множеством видимых и условных барьеров и растущей социальной напряженностью. Многие горожане испытывают невыносимую психологическую нагрузку, связанную с социальными и этническими проблемами, изоляцией, отсутствием возможностей человеческого общения. Ситуацию с социальной и этнической сегрегацией в большинстве крупных российских городах можно назвать предкризисной, а в иных кризисной (г.Кондопога, г. Ставрополь, г.Пикалево и др.).

К сожалению, вопросами социальной и этнической сегрегации на местном уровне занимаются пока не достаточно успешно. Нет должной информации и анализа ситуации, а подчас и желания заниматься данной проблематикой. В российских городах данным аспектам муниципальной политики уделяется не достаточное внимание. Под муниципальной политикой нами понимается конкретные направления политико-экономического управления (governance) органов городского самоуправления.

В Европейской Хартии городов II отмечается, что недискриминация является главным аспектом городской политики. Местные власти должны принимать и усиливать меры против дискриминации с целью обеспечения одинакового доступа всем гражданам, независимо от расы и этнического происхождения, в общественные места (улицы, транспорт, гостиницы, магазины, театры и т.д.), к профессиональному обучению, в школы, к получению жилья, к культурной деятельности и другим аспектам жизни го-

рода. Признание различий и способность проявлять терпимость лежат в основе равноправного городского сообщества [1].

Этнические общины должны иметь возможность создания своих собственных ассоциаций для защиты своих интересов и утверждения своего культурного лица. Необходимо проведение такой городской политики, которая обеспечит многокультурное и антидискриминационное образование, включающее признание культурных потребностей групп меньшинств, диалог и обмен мнениями между представителями различных культур и религий на основе взаимоуважения, чувства принадлежности городу и учета интересов всех горожан. Недопустим перекус в данной политике, поэтому местные органы власти должны предотвращать возникновение социальных и этнических гетто, быть доступными для различных меньшинств с их потребностями и обычаями, культурой и образом жизни.

Конечно, рассматриваемые проблемы в каждой стране зависят от истории и культуры страны, ее этнического состава и многих других факторов. Например, для расовой сегрегации населения в США имеется несколько причин и сложно выявить какую-то одну самую значимую. Первой причиной можно назвать расовые установки и трения. Так если, большинство афроамериканцев хотели бы жить в интегрированных районах, то большинство белых американцев предпочитают жить в сегрегированных. Второй причиной являются различия в доходах. К третьей причине относят дискриминацию на рынках жилья. Зонирование в пригородных районах, чтобы исключить проживание там бедных домохозяйств, является четвертой причиной. Большая часть государственного жилья строилась в бедных районах города и поэтому такая жилищная политика является пятой причиной сегрегации [2, с.330].

Основными причинами этнической сегрегации в российских городах являются различие в менталитете и уровне культуры, экономические причины, а также как правило, низкий образовательный уровень представителей этнических сообществ. Муниципальная политика российских городов должна быть направлена на интегрирование этнических общин в жизнь городского сообщества.

Важной проблемой является социальная сегрегация, хотя «живущие в бедности люди обладают большими созидательными способностями» и являются полноценными жителями города [3]. Особое значение имеет ликвидация социальной сегрегации, в частности, с помощью создания более сбалансированных объединяющих общин, различных социальных групп, профессий, жилья и коммунальных удобств, говорится в Ванкуверской Декларации о населенных пунктах, 1976 года [4].

Бедность – экономическая категория, отражающая абсолютный (например, по сравнению с прожиточным минимумом) или относительный (как отставание от достигнутого в обществе стандарта потребления) уровень удовлетворения минимальных жизненных стандартов. Как показывают исследования, характер бедности в значительной степени определяются ее причинами. Условно эти причины можно подразделить на демографические, социальные, экономические. Такие характеристики, как пол, возраст, состав семьи, также играют существенную роль при оценке риска бедности [5, с.268-269].

В частности, в США выделяются следующие виды городской бедности: – этническая (расовая) бедность; – бедность пожилых; – детская и молодежная бедность; – в многодетных и неполных семьях. Удельный вес бедных среди матерей-одиночек примерно в шесть раз выше, чем среди полных семей. Удельный вес бедных среди людей с неполным средним образованием почти вдвое выше этого показателя среди выпускников средних школ и более чем в десять раз выше по сравнению с выпускниками колледжей [2, с.325-327].

Прежде чем бороться с бедностью, необходимо иметь ее количественные и качественные оценки. В международной практике существуют абсолютные и относительные показатели, а также субъективные показатели бедности. Мировая практика свидетельствует, что более точной является оценка бедности при сочетании нескольких измерителей. Глубина, продолжительность и масштаб бедности – важнейшие социальные индикаторы состояния общества, с одной стороны, и степени эффективности мер, ориентированных на сокращение бедности, с другой.

На индивидуальном уровне в российских городах бедность воспринимается не как собственно личная проблема, требующая и имеющая решение, а как навязанная среда, ответственность за которую несут обобщенные «другие» (государство, реформаторы, близкие люди, жизненные обстоятельства) [5, с.278].

В условиях проходящей в Российской Федерации административной реформы и перераспределения полномочий между уровнями власти существенно возрастает роль органов местного самоуправления. Возможности российских органов городского самоуправления в борьбе с бедностью имеются. Только необходимо помнить, что бедность всегда конкретна. Это означает, что местные программы, направленные против нее, должны быть всегда адресны и целенаправленны. Полномочия местных органов власти в сфере образования, культуры и социальной поддержки, жилищной политики и сфере ЖКХ позволяют принимать конкретные программы по борьбе с социальной сегрегацией и бедностью.

Литература

1. The European Urban Charter II. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc> (дата обращения: 24.09.2009).
2. О`Салливан А. Экономика города. – М., 2002., С.325-330
3. Декларация о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии, принята резолюцией S-25/2 специальной сессии Генеральной Ассамблеи от 9 июня 2001 года. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/habitatdec.htm> (дата обращения: 24.09.2009).
4. Ванкуверская Декларация о населенных пунктах, 1976 г. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/habitat/habdecl.htm> (дата обращения: 24.09.2009).
5. Социальная политика в муниципальных образованиях. /Под общ. ред. Н.А. Волгина, В.К. Егорова, С.В. Калашникова. – М., 2006. С.268-278.

К ВОПРОСУ О РОЛИ PR-ТЕХНОЛОГИЙ И РЕКЛАМЫ В СОЗДАНИИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
г. Рязань, Россия

Понятие «культ личности» для современного общества не является новым. Оно имеет многовековую историю и принимает специфические формы в разные исторические эпохи, в каждом отдельно взятом государстве, восходя истоками к религиозным языческим культам [4]. При этом были установлены стадии и типичные черты культа личности:

- Возвеличивание политического лидера, начинающего олицетворять собой определенную идеологию, политическую систему или общественно-политический процесс. Культурная личность начинает трактоваться и восприниматься как национально-родовой символ.

- Монументализация политического лидера как личности, стоящей вне политической конкуренции и наделенной исключительными (сверхчеловеческими) способностями, недоступными для других лидеров.

- Мифологизация культовой личности посредством придания ей атрибутов непогрешимого, всеведущего, вездесущего и всемогущего существа. Личность культового лидера переносится в сферу сакрального и противопоставляется повседневности. Формируются представления о том, что культовая личность побеждает смерть.

Для того, чтобы понять как формировался тот или иной культ личности, необходимо выявить его исторические предпосылки и исследовать технологическую базу создания. Однако, именно технологии данного процесса, также как и факторы возникновения, изучены сегодня недостаточно.

Следует отметить, что попытки сознательно формировать общественное мнение помимо опоры на религиозное или физическое принуждение и страх существенно активизировались с развитием психологических наук, изучением природы лидерства и появлением СМИ. Появились технологии манипулирования, управления массовым сознанием, [3] неотъемлемой частью которых стали рекламные и PR-технологии. «Обнаруживается, что от льстивого, просящего и требующего голоса рекламы исходит мягкое, спокойное давление, давление, которое бывает тем действеннее, чем оно менее ощутимо. Оно не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, что желают другие, но заставляя его хотеть это сделать» [5, с.245]

Огромные возможности влияния на широкие слои населения возникли благодаря средствам массовой информации. Пресса, радио- и телевидение, кинопроизводство, реклама непрерывно воздействуют на самые разнообразные сегменты политического электората, используя резко возросшую техническую мощь СМИ как определенный канал управления обществом, манипуляции массовым сознанием и общественным поведением. Основным средством манипулятивного воздействия в современном

обществе является пропаганда, которая сегодня представляет собой не стихийный процесс, а научно координированную деятельность государства, целью которой становится установление контроля над массами. При этом терминам «манипуляция» и «пропаганда» в большинстве случаев придают негативный окрас, относят к деятельности тоталитарных режимов и заменяют иными понятиями. Однако, развитие СМИ предоставило манипулятивным технологиям дополнительные возможности, а расширение сети коммуникационных каналов позволило оказывать пропагандистское воздействие на все большее количество людей с меньшими временными затратами, что в целом вывело данные технологии на ведущие позиции в сфере общественных, государственных, политических отношений.

Несмотря на то, что рекламу и пропаганду принято разделять, реклама является специфической формой пропаганды. Внедряя в сознание определенные общественные ценности, реклама, тем самым, пропагандирует соответствующий образ жизни [8]. Современная политическая реклама – отличное средство для формирования мифов и идеалов, создающее почву для возвеличивания отдельной личности, ее превознесения. Кроме того, реклама может создать не только сам образ успешного лидера, но и тот идеал существования, который ассоциируется напрямую с ним, а непосредственно культовая личность выступает в этом случае гарантом такого образа жизни. В современном мире, наполненном боязнью чьего-либо манипулирования и отрицательным отношением к любой пропаганде, рекламную информацию воспринимают как предоставление возможности свободы выбора. Именно поэтому, пропагандируя какие-либо идеалы, реклама манипулирует поведением человека и становится мощным средством не только выбора политического кандидата, но и создания культа личности.

В такой позиции ярко высвечивается политическая функция рекламы. В частности, известный французский рекламист Жак Сигел, обеспечивший продвижение различных политиков к вершинам пирамиды власти так определяет феномен современной рекламы, ее влияние в обществе: «Реклама давно уже не просто слово в торговле. Это слово в политике, в общественных отношениях, слово в морали» [8, с. 38]. А один из самых серьезных немецких журналов «Der Spiegel» определяет рекламу в качестве «пятой власти» вслед за «четвертой властью» – СМИ. Не менее важна с этой точки зрения идеологическая функция, присущая рекламе. «Реклама – всегда инструмент политики, используемый для консервации, либо для создания общества с определенными характеристиками. Для того, чтобы судить о рекламе, необходимо обращаться к идеологии или же социальной морали, которая стоит за рекламой и которым она более или менее верно служит» [7, с. 201]

Весьма своеобразно проявляется в рассматриваемом процессе культурообразующая функция рекламы. Наряду с пропагандой различных проявлений в сфере культуры в целом, реклама формирует значительную часть «массовой» субкультуры, самой популярной, всеохватной и вседушной. Недаром некоторые исследователи определяют ее как продукцию, находящую отзвук в сознании и душах миллионов людей, не требующую напряжения ума и чувств для своего восприятия. Ей приписывается также функция «социальной анестезии», через отрешение от трудных проблем

путем перемещения потребителя из реального в вымышленный мир иллюзий [6]. Культурная личность также является элементом массовой культуры, ее героем, идеалом, объектом для подражания. А сам культ личности становится при таком подходе феноменом массовой культуры, результатом ее организаторской, формирующей деятельности через различные формы ее проявления: публицистические статьи в популярных газетах и журналах, художественное и документальное кинотворчество, теле- и радиопередачи и т.п.

Наряду с рекламой, существует ряд специфических технологий, позволяющих формировать культ личности посредством влияния на общественное мнение. Их объединяют единым термином Public Relations (ПР). Термин «публик рилейшнз», впервые употребленный президентом США Томасом Джефферсоном в 1807 году, в широкий оборот был введен американским журналистом Айви Ледбеттом Ли лишь в 1904 году. При этом он не получил до сих пор сколько-нибудь адекватного перевода ни на один язык мира. Чаще всего ПР трактуют как «связи с общественностью» [2, с.12-16].

Следует особо подчеркнуть, что изначально институт ПР представлял собой специфическую форму рекламы, а именно – корпоративную ее разновидность, информировавшую население о вкладе той или иной фирмы в жизнь общества, ее социальной деятельности. Постепенно ПР расширились и переросли в систему, нацеленную на установление доверия потребителей к фирме и ее продукции, трансформировались в искусство целенаправленного многофакторного воздействия на аудиторию. Получив существенный опыт в сфере бизнеса, ПР распространились и на социально-политические институты, властные структуры. Но в отличие от рекламы, деятельность по связям с общественностью не связана с немедленной продажей товаров и услуг. Здесь действует стратегия дальнего действия, формирующая отношение потенциальных клиентов к продвижению партии, отдельного кандидата, личности на политическом рынке – в обществе.

Задача ПР заключается в том, чтобы создать благоприятный коммуникационный климат, необходимое управляемое общественное мнение, репутацию. Это напрямую отвечает требованиям создания культа личности. Особое место в нем занимает процесс популяризации (publicity). При этом специалисты по связям с общественностью подходят к средствам массовой информации по-другому, нежели рекламодатели: вместо элементарной покупки времени и площади для передачи сообщения формируют информационные поводы, стараясь убедить в необходимости размещения информации.

При исследовании влияния ПР на успешное формирование культа личности необходимо отметить, что их главное назначение – создание благоприятного мнения общественности о культурной личности. Особо важно здесь формирование позитивного имиджа путем создания представления о том, что культурная личность находится у власти для обеспечения стабильности государства и в интересах общественности, а не ради получения власти и связанных с нею благ. При этом следует учитывать возможные барьеры восприятия информации, такие как: проблемы восприятия отдельной личностью (недопонимание, неприятие, отторжение и т.п.); проблемы

восприятия общественной группой (несовпадение с устоявшимися традициями и стереотипами данной группы); технические препятствия.

Деятельность по осуществлению ПР делится на четыре различных, но взаимосвязанных части, определяемых как систему RACE. Это модель ПР-коммуникации, включающая: исследование – действие – связь, общение – оценку. [1, с. 215] Далее можно определить цели и задачи ПР в процессе создания культа личности.

Цели:

- создание индивидуальности и позиционирование;
- завоевание доверия общественности;
- завоевание расположения правительства и элиты общества;
- создание долговременных отношений со СМИ;
- изменение имиджа и создание престижа и положительной репутации;
- разрешение недоразумений;
- принятие мер в отношении неблагоприятных публикаций⁴
- создание узнаваемости и понимания общественностью политического курс проводимого культовой личностью;
- принятие мер в отношении благоприятных возможностей и спорных вопросов;
- усиление эффекта от проведения благотворительных мероприятий.

Задачи:

- оценка отношения общественности к создаваемому культу личности;
- выявление зоны совмещения и согласования интересов культовой личности и общественности;
- формирование доверительных отношений общественности к деятельности культовой личности.

Рекламные технологии часто используются политическими лидерами и политическими партиями для собственного продвижения и продвижения программных положений. Процесс создания культа личности также подразумевает активное их использование, поскольку данные технологии позволяют влиять на общественное мнение и формировать благоприятную среду для становления культа личности, внушая необходимые установки на эмоциональном, рациональном, социальном, экономическом и политическом уровнях, составляющих картину мира каждого отдельно взятого человека и общества в целом. Рекламные технологии это то многообразие средств, форм и приемов рекламы, с помощью которых достигается поставленная цель [1, с. 141].

Особенностями технологического подхода к созданию культа личности является то, что в этом случае объектом рекламирования становится конкретная личность лидера и политика, которая находится в определенной социально-политической обстановке. Индивидуальный подход должен быть очень чутким, поскольку рекламные технологии должны вписываться в политический и идеологический фон в каждом конкретном случае. Мифологизация личности должна происходить максимально своевременно, корректно накладываясь и взаимодействуя с реальными личностными качествами лидера и фактами общественной жизни. В противном случае возможно возникновение несоответствия действительности и как результат —

недоверие общественности. С точки зрения рекламных технологий, культ личности — это сложный механизм прямого и скрытого манипулятивного воздействия на сознание масс через СМИ с помощью средств рекламы и ПР.

В связи со своеобразием объекта рекламирования — лидера, политика — требованием процесса становится необходимость адаптации рекламных приемов под новые условия. Адаптированные технологии достаточно активно используются в политической рекламе. Однако «культ» явление более сложное и выдвигает больше требований к коммуникационным системам. Оно требует создания конкретных и долговременных позитивных установок в отношении культовой личности. Кроме того, следует особо отметить, что процесс приобретения политической власти не входит в рекламно-технологическую базу создания культа личности, так как последний возникает только тогда, когда личность уже обладает солидным политическим весом.

Процесс создания культа личности отличается тем, что технологии его создания сочетают в себе эффективные наработки, как в сфере политических технологий и ПР, так и в сфере политической, коммерческой и социальной рекламы, а сам «культ» представляет собой мультипродукт этих технологий.

Таким образом, роль рекламы и ПР-технологий заключается в формировании установок, позволяющих принять и поддержать обществом создаваемый для него культ личности, а также в контроле процесса его создания, повышении эффективности способов и приемов, тщательно учитывая предполагаемую реакцию общественности на рекламное сообщение.

Литература

1. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. – М.: Фаир-Пресс, 2001 г. – 624 с.
2. Гринберг Т.Э. Политические технологии. ПР и реклама. М.: Аспект Пресс, 2006 г. – 317 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – Екатеринбург: Эксмо, 2000 г. – 864 с.
4. Мусский И.А. 100 великих диктаторов. – М.: Вече, 2004 г. – 571 с.
5. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. – М.: Авантаплюс, 2004 г. – 427 с.
6. Ученова В.В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа? – М.: Юнити – Дана, 2008 г. – 496 с.
7. Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. – Спб.: Оникс, 2007 г. – 560 с.
8. Феофанов О.А. Реклама. Новые технологии в России. – Спб.: Питер Пресс, 2004 г. – 384 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Россия

Федеративное устройство государства представляет собой многоплановую и сложную проблему. Ее раскрытию посвящено большое число работ монографического характера и научных статей. Но, тем не менее, действительность показывает, что этот в высшей степени актуальный комплекс проблем остается далеко не исчерпывающе исследованным. Фактически объективный анализ федерализма как теории, конкретных форм федеративного устройства, особенностей различных моделей федеративного государства начался в нашей стране примерно десять лет тому назад, переходом к развитию обновленной, демократической России.

Нельзя сказать, что проблемы власти в федеральном государстве являются совершенно новым словом в российской политической литературе. Хотя после распада СССР прошло не так уж много времени, эта проблема стала одной из приоритетных в разработках российских политологов и социологов. В публицистической литературе и средствах массовой информации, так же многое сделано для раскрытия и популяризации важнейших аспектов данной проблематики. Этот интерес объясняется, прежде всего, тем, что Россия, в силу своих географических, социально-экономических, этнонациональных и иных особенностей избрала федеральную модель государственного устройства.

О тенденциях развития федерализма в сегодняшнем мире существуют разные, зачастую противоположные мнения. Федерализм рассматривают и как шаг к объединению государственных образований, и как предпосылку формирования государства с сильной центральной властью. При этом вектор эволюции федеративных систем исторически был направлен на расширение центральной власти в ущерб прерогативам субъектов федерации. С другой стороны, это путь децентрализации управления и «трансформации территорий», т.е. создания территориальных сообществ более высокого порядка, чем традиционно существующие, с более высокой степенью автономии [1, с. 7].

В то же время подчеркивается двойственность этого процесса, федерализм определяется и как течение к централизации, и как результат «дезинтеграционных процессов в централизованном государстве, теряющем контроль над частью своей территории» [2, с. 6]. Не согласиться здесь можно лишь с характеристикой «дезинтеграционный». Это скорее стремление к большей самостоятельности в административной системе со стороны территории, а со стороны центра – необходимость признать и обеспечить определенную политическую автономию в некоторых исторически сложив-

шихся регионах, являющихся вполне жизнеспособными с территориальной, экономической и культурной точек зрения.

С момента своего конституционного оформления федерализм исходил не из формального толкования правовых актов, а из практического решения экономических, социальных, политических проблем, что подтверждает его эволюционный характер. Закрепляя сложившиеся де-факто взаимоотношения территориальных образований, федерализм всегда был следствием договора и компромисса.

Исходя из этих предпосылок, федерализм необходимо рассматривать не как обособленный процесс или особую систему, отражающую специфику развития той или иной страны, а как звено в общей эволюции государства межгосударственных отношений. Различные этапы подобной трансформации проявляются в частности в разнообразных федеративных формах охватывающих политическое пространство между унитарным государством государственным союзом [3, с. 12].

Многоплановость этой проблемы состоит, прежде всего, в том, что аспекты национальных моделей федерализма, действующих в современном мире невозможно свести к единому знаменателю: по сути дела каждое отдельное федеративное государство имеет свои специфические особенности, отличающие его, порой существенно, от всех других вариантов федеративного государства, а тем более конфедеративного.

Если сопоставить индийскую, российскую, бразильскую, германскую, американскую и канадскую вариации федерации, то мы обнаруживаем в них существенные различия. Так, если Российская Федерация построена на сочетании территориально-государственных принципов, то американским и германским федеративным системам чужд национально-государственный принцип. Что касается канадского федерализма, то он занимает промежуточное положение между этими типами.

При решении всех проблем подобного рода ключевое значение приобретает осознание того, как большинство граждан оценивает место и роль своей страны в мире, перспективы ее развития, роль государства в экономической, социальной и культурной сферах жизни, установки, ценности, ориентации людей в отношении существующей политической системы, ее институтов, политических партий, политических и государственных деятелей. Все они составляют основополагающие компоненты политической культуры, которая играет немаловажную роль в формировании, эволюции и функционировании государственно-политической системы.

Будучи одновременно и производной от общенациональной культуры и неотъемлемой ее частью, политическая культура прямо или опосредованно отражается на важнейших институтах политической системы, основных направлениях и характере их деятельности. Аккумулируя жизненный опыт того или иного народа, особенности национального характера, общепринятые в обществе ценности, установки, ориентации, она служит немаловажным фактором, определяющим политическое поведение широких масс населения.

Поэтому очевидно, что анализ политической культуры позволяет выявить глубинные пласты движущих сил и мотиваций политического поведения.

ния, действия людей, социально-политических сил, партий, правительства тех или иных стран, их внутри – и внешнеполитического курса.

Федерализм получил широкое распространение в современном мире. Среди федеративных государств – страны, занимающие лидирующие позиции в современном мире и, вместе с тем, существенно отличающиеся по размерам своей территории, национальному составу и региональным особенностям, вызванным спецификой их государственного развития, влиянием местных законов и политических традиций.

Сфера, на которую распространяются федеративные принципы, чрезвычайно обширна. Это правовые и экономические основы функционирования государства, затрагивающие взаимоотношения регионов и центра, формирование и организацию органов государственной власти в центре и на местах, а также вопросы взаимоотношений различных уровней и ветвей власти. Между тем в общественном сознании федерализм по-прежнему остается однородной и статичной системой. Под напором сегодняшних проблем на второй план отходит такая характерная черта современного федерализма, как его многообразие. Федерация может объединять как равноправных субъектов, так и политико-территориальные единицы, различающиеся по своему статусу, размеру, экономическому потенциалу. Среди федеративных государств есть республики, монархии, объединения княжеств, а некоторые унитарные государства настолько пронизаны федеративным духом, что считаются федерациями де-факто [4, с. 16].

Таким образом, о тенденциях развития федерализма в сегодняшнем мире существуют разные, зачастую противоположные мнения.

Литература

1. Аскольдов И.Н. Трансформация территорий в контексте геополитических изменений. ИМЭМО. 1999. №6.
2. Аверина И.Ю. Федерализм как категория. М., 2001.
3. Дульченко О.Н. Региональные аспекты развития российского федерализма. Полис. 2002. № 9.
4. Стальнухин М.С. Современный федерализм. М., 2002.

Связь с автором: feeling-good@rambler.ru

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПОСЛЕВОЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Вплоть до 1950-х гг. Великобритания была сравнительно однородной страной в плане расовой и этнической структуры населения. Однако последовательные волны иммиграции из бывших колоний быстро изменили эту картину. Этому процессу в немалой степени способствовала крайне либеральная иммиграционная политика в отношении жителей колоний и граждан стран Содружества. В некоторых местностях страны, ставших очагами расселения иммигрантов, общественная реакция приняла характер резкого недовольства, а местами выразилась в агрессивных формах. Так, в августе-сентябре 1958 г. беспорядки на расовой почве произошли в лондонском районе Ноттинг-Хилл [<http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/6675793.stm>]. Этой ситуацией быстро попытались воспользоваться всевозможные праворадикальные группировки — от «Союзного движения» Освальда Мосли до британского отделения «Ку-Клукс-Клана». Тем не менее, реакция партий на ситуацию была довольно медленной. Консервативная партия долго не шла на какие-либо ограничительные меры в отношении иммиграции, поскольку находилась под воздействием «имперской инерции». Соответственно, статус заморских подданных британского суверена понимался как одна из возможностей продлить существование империи в той или иной форме. Так, в июле 1958 г. консервативное правительство Гарольда Мак-Миллана признало, что «ситуация с неограниченной цветной иммиграцией в долгосрочной перспективе может иметь серьёзные социальные последствия» [Conclusions of Cabinet Meeting, 01.07.1958], однако сочло, что «законодательство, направленное против Содружества» будет политически невыгодным [Ibid]. Лейбористская партия в означенный период стояла на схожих позициях с учётом своей идеологической позиции. Так, в 1961 году лидер лейбористов Хью Гейтскелл заявлял, что партия выступает «против ограничений на иммиграцию, поскольку каждый гражданин Содружества как британский подданный обладает неотъемлемым правом на свободный въезд в Великобританию» [Jenkins]. Идеологическая позиция лейбористов выражалась в том, что иммиграция понималась как явление, обусловленное преимущественно экономическими факторами. Гейтскелл увязывал рост и сокращение числа иммигрантов исключительно с количеством вакансий на британском рынке труда [Ibid]. Лейбористы также стали первыми, кто поставил вопрос о принятии законодательства против диффамации и разжигания розни по этническому и расовому признаку. Начало 1960-х гг. ознаменовалось ужесточением позиции консерваторов как по отношению к иммиграции, так и к проблеме правого радикализма. Видя тщетность усилий по сохранению постимперской политической общности

и ощущая всё большее влияние на депутатов со стороны общественных групп, выступавших против иммиграции, в 1962 году консервативное правительство добилось принятия закона, ограничивавшего иммиграцию через введение системы т.н. «ваучеров» (Commonwealth Immigrants Act 1962). В 1963 году консервативным правительством были представлены изменения в закон об общественном порядке, ужесточившие ответственность за действия экстремистского характера на митингах и демонстрациях (Public Order Act 1963). При этом, министр внутренних дел Генри Брук подчеркнул, что в качестве экстремистов он понимает «фашистов и коммунистов» [Lords Hansard 1963 vol 680 col.1057]. К выборам депутатов палаты общин 1964 г. отношение к проблеме иммиграции ужесточилось и у лейбористов. В предвыборной программе партии впервые говорилось о том, что «количество иммигрантов, прибывающих в Соединённое Королевство, должно быть ограничено» [Labour party manifesto 1964]. В свою очередь, и консерваторы обещали «продолжить контролировать иммиграцию, учитывая то сколько иммигрантов может принять наша перенаселённая страна». Наиболее резкие формы противостояния между двумя ведущими партиями приняло в бирмингемском округе Сметвик, являвшимся одним из крупнейших очагов иммиграции из стран Содружества. Последующая политика правительства победивших на выборах лейбористов во главе с Гарольдом Уильсоном отразила противоречивость позиций правящей элиты Великобритании в отношении меняющегося этнического состава населения страны. С одной стороны, правительство Уильсона приняло серию законов о взаимоотношениях рас (Race Relations Act 1965; Race Relations Act 1968). Они, в частности, признавали многорасовый характер британского общества, вводили запрет на дискриминацию по расовому признаку во многих сферах общественной жизни (за исключением общественного сектора), а также создали специальную комиссию по расовому равенству (Commission for Racial Equality). Кроме того, закон 1965 г. впервые ввёл в кодифицированное право Англии, Уэльса и Шотландии ответственность за разжигание ненависти по признаку расы, национальной или этнической принадлежности. Примечательно, во время дебатов в палате общин генеральный стряпчий (Solicitor-General) правительства Дингл Фут отметил, что одной из целей закона является привлечение к ответственности лидеров праворадикальных сил [The House of Commons debate 03 May 1965 // Hansard vol 711 с.1040]. Однако многие наблюдатели склонны полагать, что в действительности эта мера имела обратный эффект [Twomey, 1994]. Праворадикальные политические организаторы модифицировали свою риторику в соответствии с требованиями закона и тем самым сделали её более приемлемой для публики, способствуя росту своей популярности. В то же время, в 1968 году Великобритания столкнулась с перспективой массового наплыва индийцев, которых изгоняли власти обретших независимость Кении и Уганды. Перед лицом этой перспективы, правительство Уильсона пошло на активные меры по ограничению иммиграции, приняв закон, ограничивший право жителей стран Содружества на въезд в Великобританию и ужесточивший требования к состоянию здоровья иммигрантов (Commonwealth Immigration Act 1968). По мнению некоторых исследователей, таким образом лейбористы хотели «компенсировать» в глазах своего

традиционного электората «прогрессивные» меры в отношении смертной казни и гомосексуализма [Hansen, 1999, p.822]. Официальная же позиция правительства состояла в том, что ограничение иммиграции необходимо для поддержания межрасового мира [PRO, CAB 129/135, Home Secretary's memorandum C[68] 35, 12.02.1968]. Пришедшее к власти в июне 1970 г. консервативное правительство Эдварда Хита продолжило ограничительную линию в отношении иммиграции. Принятый в 1971 г. закон об иммиграции (Immigration Act 1971) ввёл понятие права на поселение (right to abode), каковое в ряде случаев не гарантировалось даже британским гражданством. Кроме того, закон предусмотрел субсидии для добровольной репатриации прежних иммигрантов. Однако поскольку их использование не влияло на юридический статус иммигранта, по сути дела эта норма оказалась лишённой смысла. Позиция консерваторов в отношении иммиграции представлялась слишком мягкой для многих представителей правого крыла партии. Наиболее ярко их позицию в 1968 году выразил теневой министр обороны Инох Пауэлл. В своей речи, он предостерег об опасностях иммиграции и предрек «реки крови». Заявления Пауэлла встретили неожиданную поддержку со стороны лондонских докеров, однако реакция партийных лидеров была незамедлительной. Пауэлл был лишён поста теневого министра и места в партийной иерархии. Таким образом был создан важный прецедент. Хотя проблематика иммиграции оставалась в центре политической дискуссии, слишком резкая риторика в ее отношении оказалась несовместимой с местом в верхних слоях политического истеблишмента. Тем не менее, правые антииммигрантские группы продолжали существовать внутри консервативной партии. Наиболее заметной из них был образованный в 1961 году «Консервативный клуб понеделника» (Conservative Monday Club). Первоначально его основными целями была поддержка «традиционных британских ценностей», а равно Родезии и ЮАР. Однако затем в фокусе его внимания оказались проблемы иммиграции. В 1972 году клуб провёл общественные слушания под девизом «Прекратить иммиграцию сейчас» и направил правительству Эдварда Хита петицию с требованием принять программу реальной репатриации иммигрантов, которую он отклонил. «Клуб понеделника» просуществует вплоть до 1990-х гг. Хотя он не смог оказать существенного влияния на курс партии, он сыграл роль своеобразного «моста» между ней и праворадикальными партиями, куда перешли некоторые из его членов (например, Джон Кингсли Рид и Рой Пэйнтер). 1970-е гг. ознаменовались снижением остроты дебатов между консерваторами и лейбористами вокруг иммиграционной проблематики. Однако положение дел изменилось на рубеже 1980-х гг. Смещение лейбористов на более левые позиции способствовало принятию ими подхода к иммиграции как к гуманитарной проблеме. Консерваторы же, напротив, ужесточили свою позицию по данному вопросу. Например, они подчеркивали, что при правительстве М.Тэтчер число вновь прибывших иммигрантов упало до минимального за 20 лет уровня [1983 Conservative Party General Election Manifesto]. При этом при правительстве Тэтчер впервые стала подчеркиваться важность усвоения иммигрантами английского языка и культуры. В этой связи многим запомнил-

ся комментариев самой Тэтчер о том, что она видит угрозу «затопления Британии враждебной культурой» [Gillespie, 1995, p.128] Некоторые авторы считали, что консерваторы при Тэтчер до предела расширили грани системной правой политики, вытеснив с электорального поля праворадикальные силы [Roxborough, p.223]. Тем не менее, даже в таком состоянии консерваторы не отрицали многорасового и многокультурного характера британского общества или норм политической корректности. Более того, в 1986 г. консервативное правительство добилось существенного ужесточения законодательства о разжигании ненависти. В частности, уголовным преступлением стало не только распространение, но даже хранение «подстрекательских материалов». Примечательно, что если в 1960-е гг. консерваторы рассматривали в качестве угрозы для либерально-демократического строя не только праворадикалов, но и коммунистов, то теперь эта позиция касалась только первых. К концу 1980-х гг. позиции двух ведущих партий по иммиграционной проблематике вновь сблизились. Сближение достигло такой степени, что в предвыборных программах 1987 г. лейбористы и консерваторы говорили об иммиграционной политике в идентичных терминах – «жесткая, но справедливая». Однако к этому времени острота проблемы несколько спала. Во второй половине 1990-х гг. проблемы иммиграции вновь оказываются в фокусе общественного внимания. Пресса уделяет все больше внимания беженцам, чье число в Великобритании стремительно растет. Система рассмотрения прошений о политическом убежище, рассчитанная на реалии Холодной войны, более не справляется с нагрузкой. Дискуссия о беженцах достигает пика остроты в 2000-2001 гг. Консерваторы пытались воспользоваться сложившейся ситуацией. В 2005 г. ограничительные меры против иммиграции даже стали одной из главных тем их предвыборной кампании [она проводилась под девизом «Ограничение иммиграции — это не расизм»] Однако «новые лейбористы» продемонстрировали свойственный им прагматизм. Начиная с 1998 года, в отношении беженцев и нелегальных мигрантов был принят целый ряд ограничительных мер. Новая идеологическая позиция партии в этом отношении была продемонстрирована в предвыборной программе 2005 г. Вопросы иммиграции и предоставления убежища теперь рассматривались как часть тематического блока о правоохранительной системе, а не о социальном государстве. В то же время, «новые лейбористы» в целом поддерживали легальную экономическую иммиграцию. Привлечение трудовых иммигрантов понималось как один из способов добиться конкурентного преимущества над другими странами ЕС в свете процессов глобализации [Hodge, 2000] В 2000-2007 гг. тезис о позитивном воздействии иммиграции на экономику «повторялся властями практически как мантра» [European Immigration, p.357] Наиболее существенным практическим выражением этого аспекта иммиграционной доктрины стало открытие британского рынка труда для граждан восьми стран Центральной и Восточной Европы, вступивших в ЕС в 2004 г. Однако глобальный финансовый кризис 2007-2009 гг. нанес существенный удар по экономико-центричной модели иммиграционной политики. В этой связи правительство Гордона Брауна было вынуждено пойти на целый ряд популистских шагов. В частности, им

было объявлено о прекращении неквалифицированной трудовой иммиграции из стран, не входящих в ЕС, и о введении специальных отчислений в местный бюджет с каждого вновь прибывающего иммигранта. Самым же ярким проявлением популистской риторики стал брошенный Брауном лозунг «Британские рабочие места для британских рабочих» [<http://www.guardian.co.uk/politics/2009/jan/30/british-jobs-british-workers>] Некоторые авторы исходят из того, что «новые лейбористы» в целом игнорировали задачу противодействия правому экстремизму, сосредоточившись на использовании тематики иммиграции как инструмента социального популизма [См. Copesey, 2004] Однако представляется, что подобная точка зрения игнорирует некоторые важные обстоятельства. Во-первых, «новые лейбористы» всерьез приняли во внимание выводы обнародованного в феврале 1999 г. доклада судьи Мак-Ферсона, выявившего существование в британской полиции «институционального расизма». Реакцией правительства Блэра на доклад Мак-Ферсона стали внесенные в 2000 г. поправки в закон о взаимоотношениях рас [Race Relations Amendment Act 2000]. Они, в частности, обязали все государственные органы при выполнении своих функций обеспечивать предотвращение незаконной расовой дискриминации и способствовать миру между различными расовыми группами. Реализация положений закона привела, в частности, к запрету на членство в Британской национальной партии и «Национальном фронте» для сотрудников тюремной службы и полиции. Таким образом, власти в очередной раз показали отношение к ним как к внесистемной силе. В целом, место иммиграционной проблематики в британском внутриполитическом дискурсе представляется неоднозначным. С одной стороны, она активно использовалась как инструмент популистской политики. С другой, нарративом системной британской политики стало принятие страны как многонационального и многокультурного общества. Подобные неоднозначные позиции приводят к неоднозначному общественному мнению. Так, проведенный в 2008 г. опрос германского фонда Маршалла показал, что Великобритания выделяется на фоне других западных стран резко негативным отношением к иммиграции [Transatlantic trends, p.6] Лишь 24% опрошенных рассматривали её как позитивное явление, в то время как 62% рассматривали её скорее как проблему (в среднем по Европе эти цифры составляли 35% и 47% соответственно). В то же время, по данным опроса 2006 г. лишь 16% опрошенных жителей Великобритании считали, что цветные граждане являются британцами в меньшей степени, чем белые [http://www.yougov.com/uk/archives/pdf/omi060101069_1.pdf]

Литература

1. United Kingdom cabinet papers // URL:<http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/cabinetpapers.asp>
2. European Immigration. A sourcebook. -Oxford, 2006
3. Copesey N. Contemporary British Fascism. The British National Party and the Quest for Legitimacy -Basingstoke, 2005

4. Gillespie M. Television, ethnicity, and cultural change, – London, 1995
  5. Hansen R. The Kenyan Asians, British Politics and the Commonwealth Immigrants Act, 1968 // The Historical Journal, 1999, #3, pp.809-834
  6. Jenkins G. Labour and Immigration // Socialist Review, #234
  7. Roxborough A. Preachers of hate: The rise of the Far Right, – London, 2003
  8. Twomey A. Laws Against Incitement to Racial Hatred in the United Kingdom // <http://www.austlii.edu.au/au/journals/AJHR/1994/15.html>
-

В. Т. Литвиненко

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИИ – ВАЖНЕЙШИЕ СТИМУЛЫ ОТДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ОТ МЕТРОПОЛИИ

Филиал ФГОУ ВПО «Северо-Кавказская академия
государственной службы»
г. Ставрополь, Россия

Любое государство (и непризнанные республики в этом не являются исключением), ориентировано на исполнение ключевых регулятивных функций управления политической, экономической и социальной деятельностью населения [1]. Поэтому государство может рассматриваться как некий «контейнер» властных полномочий, в том числе и в вопросах требующих осуществления насилия, юридически оформляемого в форме законов и нормативных актов [2]. Результатом становится гомогенизация паттернов решения политических и социальных проблем, а также координация действий в вопросах экономического и военного строительства.

Государство определяет правила денежно-кредитной политики, выстраивает налоговую систему, одобряет правила предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения и т.д. Важнейшей функцией государства как политического института является определение правил политического действия и обеспечения политического порядка на подконтрольной территории.

В свете указанных выше положений государственного строительства процесс возникновения и развития государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья происходил с ориентацией на базовые положения экономической и политической системы России.

Результатом такого развития стала гармонизация законодательства и денежно-кредитной политики. Кроме того, все вооруженные формирования в непризнанных государствах оснащены оружием российского производства.

Как будет показано далее по тексту диссертационного исследования, хотя армия как институт государственной власти чрезвычайно важна,

на практике ее функционирование во многом зависит от эффективности функционирования экономической системы. Нередко именно экономическая мотивация является важнейшим стимулом отделения территории от метрополии.

Процессы экономической автономизации существовали всегда, однако после признания рядом государств независимости Косово эти тенденции получили новый импульс. К примеру, в Боливии жители провинции Санта-Крус на референдуме 4 мая 2008 года проголосовали за автономию в составе государства. Провинция Санта-Крус является самой крупной и самой богатой, в ней производится более трети ВВП страны. Недовольство жителей Санта-Крус было вызвано изменениями в конституции страны, направленными на перераспределение доходов от экспорта газа в пользу более бедных регионов.

В Польше Движение за автономию Шленска (Силезии) в июне 2008 года направило премьер-министру страны петицию, в которой призвало оказать содействие в принятии поправок в конституцию страны, позволяющих всем региональным сообществам обрести в соответствии с их стремлениями и чаяниями статус автономии. В противном случае силезцы готовы поднять вопрос об отделении.

Приведем еще несколько примеров усиления сепаратистских настроений даже в казалось бы стабильных государствах. В 2008 году на выборах в Шотландии впервые побеждает местная националистическая партия, в программе которой – проведение референдума об отделении от Великобритании. В Бельгии усилились противоречия между двумя государствообразующими общинами. Таким образом констатируем, что обретение независимости Абхазии и Южной Осетии в рамках мировой политической системы не являются чем-то исключительным.

Наступление глобализации, разрушающей традиционные ценности и стирающей национальные особенности и границы, является одной из примет современности. Между тем, «устранив барьеры на пути распространения демократии и свободы, глобализация стимулировала стремление ущемлённых народов к выражению своей идентичности, которое охватило в ряде случаев сферу политической самоорганизации и самоопределения как способ защиты своих жизненных интересов»[3].

Политолог из Израиля, профессор Азар Гат пишет: «Либеральный политический и экономический консенсус уязвим даже в его нынешних бастионах на Западе, будучи слабо защищен от таких непредвиденных событий, как разрушительный экономический кризис, способный подорвать глобальную систему торговли, или возобновление этнических раздоров в Европе, которой иммиграция и этнические меньшинства доставляют все больше проблем»[4].

Некоторые новые государства возникают как результат решений международных структур. Так, к примеру, в 1948 году было создано и признано международным сообществом государство Израиль. Именно единство стран членов ООН в вопросах признания/непризнания нового государства является важным фактором легитимации. Иной путь чреват негативными последствиями для безопасности региона и международной стабильности. Так, российский МИД назвал произошедшее 15 июня 2008 года всту-

пление в силу конституции Косово грубым нарушением решений Совета безопасности ООН и международного права. При провозглашении и признании этого квазигосударства изначально не были учтены слишком многие обстоятельства, что в дальнейшем будет провоцировать многочисленные конфликты как на Балканах, так и в других частях мира.

В некоторых случаях зарубежные государства своими внешнеполитическими действиями подталкивают территории к созданию отдельного государства. К примеру, ФРГ и Австрия в 1991 г. с нарушением международной процедуры волевым путем первыми признали Хорватию и Словению еще до распада федеративной республики Югославия и тем самым способствовали необратимости процесса распада союзного государства.

Авантюра США в Ираке резко повысила опасность распада этой страны и появления на ее месте двух или даже трех новых образований. Самая «зрелая» в этом смысле идея – Курдистан. В марте 2007 г. мировые агентства цитировали интервью, данное общепарабской газете «Аль-Хаят» Масудом Барзани, лидером Демократической партии Курдистана. Потомственный борец за курдскую государственность не в первый раз заявил: «В подходящий момент курды провозгласят независимость, учитывая, что границы, которые их разделяют, являются искусственными»[5]. Цитируемый политик имел в виду не только Иракский Курдистан, но и курдов Турции, Ирана и Сирии.

Нередко возникновение непризнанного государства сопровождается военными действиями с метрополией, не желающей мириться с сепаратизмом. К примеру, Восточный Тимор в результате войны за свою независимость всё-таки ее добился. Другой пример. Администрация ООН управляет спорной балканской территорией Косово с 1999 года, когда НАТО в результате боевых действий вытеснило из этого квазигосударства сербские войска. 17 февраля 2008 года Косово, поддерживаемое Западом, провозгласило свою независимость, однако даже признание этого квазигосударства некоторыми странами не вывело конфликт из стадии «замороженного». Государства, в которых сепаратистские настроения достаточно сильны, опасаясь сценария признания Косово, отказались присоединиться к кампании легитимации нового государственного образования. В свете приведенных фактов развязанная западными политиками кампания по принуждению России отказаться от признания независимости Абхазии и Южной Осетии выглядит, по меньшей мере, нелогично.

Признание Косово в качестве суверенного государства спровоцировало рост сепаратизма не только в регионе Балкан. Юридическая коллизия вокруг Косово может быть очень выгодна не только «непризнанным республикам», но всем сепаратистским движениям в целом. В частности, руководство Украины хотя и высказывает поддержку действиям США и ЕС в вопросе о Косове, однако не скрывает, что предлагаемая модель косовского урегулирования может быть взята в качестве образца сепаратистскими движениями постсоветского периода. Для Украины это означало бы рост актуальности проблемы Крыма с возможностью вооруженного конфликта с Россией.

Конфликт в Нагорном Карабахе (НК) – самый первый из вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Вооруженные конфликты со-

проводили появление Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии. Вооруженный конфликт с человеческими жертвами, беженцами и нанесением материального ущерба воюющим сторонам, еще больше усиливает противостояние.

Тем не менее, рано или поздно участники конфликта вынуждены начинать переговоры. В рамках переговорного процесса, разумеется, затрагивается проблема воссоединения, однако основной тематикой все же являются прагматические вопросы, связанные с возобновлением транспортного сообщения, возможностью посещения территорий родственниками, возвращение беженцев и т.д. Важным этапом осуществления переговоров является политическое решение о признании квазигосударства участником переговорного процесса.

К примеру, Азербайджан юридически не желает признавать Нагорный Карабах в качестве конфликтующей стороны, хотя в ходе боевых действий подписал с руководством этого непризнанного государства десять разных договоренностей (причем без участия Армении). В результате юридическая основа указанных соглашений в любой момент может быть поставлена под сомнение, хотя политические решения воплощаются в жизнь.

Для того чтобы закрепить договоренности между участниками конфликта процессы нормализации двусторонних отношений не обходятся без международных посредников. На линию противостояния для разделения враждующих сторон нередко вводятся миротворцы, статус которых согласуется сторонами конфликта. Процесс урегулирования кризисной ситуации достаточно длителен и нередко прерывается на большой срок (к примеру, переговоры между Китаем и Тайванем прерывались более чем на десять лет). Улучшение двусторонних отношений между странами зависит от множества причин, часть из которых мы рассмотрим далее по тексту исследования.

Факторы, влияющие на процесс урегулирования, разнообразны: правовые, политические, исторические, временные и пр. Степень влияния любого из них различна в каждом конкретном случае. Для их адекватного учета необходимо получить комплексное представление о конфликте.

Литература

1. Tilly C. Coercion, Capital and European States. -Oxford: Blackwell,1990. Opello Jr., W. and Rosow, S. The Nation-State and Global Order. -London: Lynne Rienner, 1999; Brenner N., Jessop B., Jones M., MacLeod G. (Eds.): State/Space. -Oxford: Blackwell, 2003.

2. Giddens A. The Nation-State and Violence. -Cambridge: Polity Press, 1985.

3. Итоговое коммюнике научно-практической конференции «Мультикультурализм и политические модели XXI века». -Женева, 2005.

4. Гат А. Возвращение великих авторитарных держав// Россия в глобальной политике, 2007, № 4, Июль – Август.

5. Чечевишников А. Казус Косова и перспективы Закавказья // Международные процессы, 2007, том 5, № 2(14) май-август

Связь с автором: litvinenko58@mail.ru

ДОБРОВОЛЬНОСТЬ РЕЦЕПЦИИ ПРАВА

Самарский государственный университет путей сообщения
г. Самара, Россия

Современная российская наука в целом рассматривает рецепцию права как добровольный процесс по заимствованию и внедрению правовых ценностей иностранного происхождения. Однако такое определение, в силу своей «безликости», обтекаемости, не отражает действительного характера рецепции, который содержится в идеологическом компоненте. Игнорирование идеологического компонента рецепции, сведение содержания рецепции лишь к «улучшению правовой системы» не позволяет разобраться с причинами рецепции как прошлого, так и настоящего, и с действительным ее содержанием, целями и задачами, с процессом, с окончательными результатами. Идеология реципиента, донора, а зачастую и совместная идеология донора и реципиента образует искомым идеологический компонент рецепции, выражаясь в научном обосновании и целесообразности отказа от правового прошлого и заимствования «передовых» правовых технологий иностранного происхождения. Это обоснование может быть выражено в попытках модернизации права и государства, в различных формах рецепции, сопровождающейся скрытым внутренним политическим «переворотом», скрытой или открытой экспансией донора, демонстрацией преемственности с легендарной империей прошлого (Древний Рим) или близости к «цивилизованным» государствам современности (США, страны Европы).

Таким образом, идеологический компонент непосредственно влияет на саму возможность рецепции, ее успешность либо безуспешность, оценку ее результатов обществом и государством, составляя с рецепцией единое целое, в связи с чем представляется возможным сформулировать следующее определение: рецепция представляет собой заимствование и внедрение идей, правовых институтов, норм, терминологии иностранного права в силу идеологии реципиента и (или) донора.

Игнорирование идеологического компонента закономерно приводит к упрощению содержания рецепции права. Здесь достаточно ярким примером такого упрощения действительности может послужить определение: «Рецепция права представляет собой заимствование национальным правом иностранного нормативно-правового материала: заимствование добровольное, неограниченное временем и пространством»¹. Это, в свою очередь, закономерно приводит к отрицанию роли донора.

Так, отрицая в рецепции признак добровольности, В.А. Рыбаков рассматривает рецепцию кодекса Наполеона, явившуюся следствием успеш-

---

¹Рыбаков, В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы: монография/ В.А. Рыбаков. – Омск: Изд-во Ом.гос.ун-та, 2009. – С.273.

ных военных кампаний. Игнорируя этот факт, он считает, что «именно совершенство этого кодекса было поводом его рецепции»¹.

Достаточно интересна и его позиция, «объясняющая» веру в добровольность рецепции: «Насильственное внедрение правовых элементов одной страны в правовую систему другой, думается, представляет собой иное явление, отличное от рецепции. Его можно определить как самостоятельную форму (способ, путь) развития права. Во-первых, это не заимствование, составляющее суть рецепции, а внедрение, «навязывание» чужого права, как правило, силовыми средствами; во-вторых, внедрение (насильственный путь развития права) сопровождается отрицанием суверенитета государства и его национальной правовой системы, иностранный правовой материал не получает государственного санкционирования; в-третьих, силовое внедрение нарушает системность национального права, делает ее деструктивной, рождает дуализм правовой системы. В-четвертых, внедрение элементов иностранного права совершается на принципиально иных основаниях и в совершенно других целях, чем рецепция»².

Такая позиция в гуманитарных науках не исключение. Сложилась ситуация, согласно которой заимствования, носящие в той или иной степени принудительный характер, вообще не рассматриваются в качестве рецепции как таковой, что приводит к ошибочным выводам и прогнозам, путанице в терминах.

Так, Г.И. Муромцев, рассматривая правоотношения между колониями и метрополиями, вынужден отрицать факт рецепции права: «... рецепция предполагает добровольное восприятие иностранного права в качестве регулятора отношений данного общества. Однако насильственное введение в былых колониях европейского права не имело ничего общего с рецепцией. Представляя более высокий тип права в сравнении с правом традиционным, оно во многом было неприменимым к существовавшим здесь отношениям и оставалось орудием колонизаторов»³.

Констатация признака добровольности рецепции закономерно приводит к игнорированию либо подтасовке исторических фактов, касающихся этого явления. Особенно характерен данный факт для объяснения феноменов современной модернизации правовых и экономических систем. Исследователи зачастую либо не знают, либо просто умалчивают роль донора в этих процессах. Так, Израиль, расположенный рядом с нефтеносным регионом, является «рукой США, положенной на горло добывающим нефть арабам». За это, именно за это и получает щедрые дары израильский бюджет. Именно для контроля за ближневосточной нефтью и был создан Израиль⁴. Конечно, в основном благодаря этому, а не истинному трудолюбию

---

¹Рыбаков, В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы: монография/ В.А. Рыбаков. – Омск: Изд-во Ом. Гос. Ун-та, 2009. – С.43.

²Рыбаков, В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы: монография/ В.А. Рыбаков. – Омск: Изд-во Ом.гос.ун-та, 2009. – С.23.

³Муромцев, Г.И. Истоки права в развивающихся странах Азии и Африки: система и влияние традиции / Г.И. Муромцев. – М., 1987. – С. 10.

⁴Стариков Н.В. Шерше ля нефть. Почему наш Стабилизационный фонд находится Там?/ Н.В. Стариков. -СПб., 2010, -С.141.

евреев, их уникальной национальной культуре Израиль является процветающим государством среди окружающих его беднейших стран Востока, не имеющих финансовой поддержки США.

Саудовская Аравия также поднималась за счет зарубежных новейших технологий, допуск их финансовых активов на западные рынки, широкое дешевое кредитование зарубежными банками. По мнению Н.В. Старикова, такая нехарактерная деятельность Запада в области пожертвований была осуществлена «за обвал цен на нефть, ведущий к гибели Советского Союза»¹.

В то же время президент России Дм. Медведев в своем очередном обращении признал сырьевой характер экономики России, но жить мы не стали как в Саудовской Аравии, хотя и распродают национальные богатства в огромных масштабах практически по сбросовым ценам. В таких же условиях находятся и другие сырьевые государства, где нет финансовых вливаний США.

Иллюзии в отношении рецепции культурных ценностей существуют и в отношении послевоенной Японии. Однако действительность ситуации такова, что ее США стали рассматривать как возможный плацдарм против СССР, что определило сохранение японской государственной и общественной самобытности с одной стороны и эффективную экономическую помощь – с другой. На официальные посты Японии снова были допущены лица, попавшие ранее в категорию «нежелательного персонала». В обход конституционного принципа, исключавшего какое-либо перевооружение, были созданы Силы самообороны, а монархическая система, некогда считавшаяся источником всех зол, связанных с государственным синто, снова стала превозноситься в облагоороженной и конституционной форме².

Оккупационные силы США в Японии принимали активное участие в государственном и правовом строительстве. Так, правительством Японии был подготовлен проект новой конституции с учетом требований США. Как в этой связи точно заметил А.Н. Медушевский, конституция Японии 1946г., вообще была написана американцами в период оккупации страны, радикально изменила ее правовые традиции, была принята под прямым давлением, но при этом внешне фиксировала определенную преемственность³.

В связи с этим неудивительно в Конституции 1947 г. влияние англосаксонского права. Так, ст. 11 и 97 Конституции гарантируют «нерушимость и вечность» основных прав граждан, что характерно для правовой доктрины США. Статья 41 рассматривает Парламент в качестве высшего органа государственной власти. Его структура во многом напоминает английский парламент: нижняя палата – палата представителей, верхняя – палата советников, причем нижняя имеет явный перевес над верхней. Закрепляется

---

¹См.: Стариков Н.В. Шерше ля нефть. Почему наш Стабилизационный фонд находится Там? / Н.В. Стариков. – СПб., 2010.

²Китагава, Дж.М. Религия в истории Японии / Дж.М. Китагава. – СПб., 2005. – С. 379.

³См.: Медушевский А.Н. Российская конституция в мировом политическом процессе: к десятилетию Конституции РФ 1993г. // Мир России. 2003., №3.

принцип «ответственного правительства», что также характерно для англо-саксонской традиции и т.д.

Япония проводила реформы в непростой ситуации двоевластия – японское правительство и штаб оккупационных сил США совместно вырабатывали основы новой институциональной конструкции. Инициативы оккупационных сил очень часто не согласовывались, а предлагались к обязательному исполнению японской стороне. Эти привнесенные извне правила и порядки представляли из себя в определенном смысле внешние институциональные факторы. Они оказывали сильное влияние на экономику, причем важным было то, что они давали важные сигналы экономическим агентам, которые выстраивали линию своего поведения с учетом этих новых ограничений и возможностей. Впоследствии на этой основе вырабатывались уже новые, собственно японские правила и нормы, которые закрепляли возникшие институты на практике¹.

Однако в большинстве случаев именно Японию ставят в пример российские ученые, рассматривая ее как идеал успешности добровольной рецепции западного права, благодаря которой она стала процветающим государством современности.

Так, С.А. Сафронова, описывая развитие законодательства послевоенной оккупированной Японии 1945 г., обыгрывает признак добровольности рецепции в своем исследовании следующим образом: «Мы не считаем, что заимствования в японском конституционном праве носят принудительный характер. Напротив, японское государство было заинтересовано в активном заимствовании, так как это способствовало экономическому развитию, а также вхождению в международное сообщество»². Конечно, здесь нет ни слова о роли оккупационных сил США в таком добровольном экономическом развитии Японии и вхождении ее в международное сообщество.

С.В. Чугров вообще считает, что это была даже и не оккупация, а некие восточные «взаимоотношения старшего брата к младшему»: «После Войны на Тихом океане США имплантировали в японское общество демократические институты и принципы и фактически взяли на себя функции обеспечения обороны и жизнедеятельности Японии в целом. Благодаря сохранению архетипа патернализма, запретов отцовского типа в японском менталитете, Америка стала рассматриваться большинством жителей страны как «отец, оберегающий Японию». Этот социально-психологический стереотип базируется на очень мощных пластах коллективного бессознательно-го, в частности, на психологической установке, имеющей глубокие корни в японской истории – «не противиться, а приспособливаться к табу», а также на многовековых традициях патернализма. Америка стала своего рода «отцом, старшим братом», но в этом же скрывается причина определенного раздражения по отношению к ней, поскольку уподобление Америке, да и

---

¹См.: Дружинин Н.Л. Институциональные условия развития экономики Японии в 1945-1955гг.: автореф. дисс. ...докт.экон. наук/ Н.Л. Дружинин. -СПб, 2009.

²Сафронова, С.А. Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества: дис... канд. юрид. наук / С.А. Сафронова. – Н. Новгород, 2003. – С. 118.

восприятие западных ценностей как «универсальных» является вызовом для сохранения японских национальных ценностей и самобытности¹.

Основываясь на добровольности как обязательном признаке рецепции, исследователи зачастую отказываются видеть очевидные факты рецепции и в прошлом России.

Так, Н.Г. Козин, отрицая в принципе какую-либо рецепцию ордынских гражданско-правовых ценностей Россией, обосновывает это с «юридических» позиций: «именно потому, что татаро-монгольское нашествие было завоеванием, именно поэтому отношения с Ордой не носили цивилизационно, культурно и духовно сближающий характер. Это были отношения как с завоевателями, а не как с субъектами культуртрегерства»².

История же наглядно демонстрирует, что зачастую к правовым реформам принуждает не столько необходимость в улучшении собственной правовой системы, сколько любая форма зависимости от более сильного соседа, угроза потери суверенитета. Можно ли в этом случае говорить о добровольности рецепции? Наверное, только условно.

Принудительная «добровольность» проявляется практически во всех процессах рецепции как прошлого, так и настоящего. Так, в XIX-XX вв. в области реформирования уголовного права Турция, Иран, Иордан «избрали» образцом для рецепции французский Уголовный кодекс 1810 г., а Египет создал свою кодификацию в 1883 г. на основе английского общего права. Но при этом очевидно, что сам процесс рецепции прошел при прямом давлении западных держав на мусульманские страны, находящиеся в это время в сильной политической зависимости от них. Так была ли здесь рецепция? Думается, отрицать факт ее существования просто нелепо, хотя она и была осуществлена под маской добровольности.

А российская современность? Являются ли рецептированные институты западной культуры не навязанными российскому обществу, добровольными? Конечно же, наивно полагать, что выбор Россией западного донора был обусловлен тем, что его ценности и институты привлекают российское общество только как источник западной мощи и благополучия. В результате «добровольности» рецепции западных правовых ценностей российским государством и российской правящей элитой, США получило широчайший доступ к любым ресурсам Российской Федерации, превратив экономическое и правовое поле страны-реципиента в экспериментальную площадку.

---

¹Чургов С.В. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии: автореф.дисс.... докт.социол.наук./ С.В. Чургов– М. 2007.– С.10.

²Козин, Н.Г. Постигание России. Опыт историософского анализа / Н.Г. Козин. – М., 2002. – С. 400.

Секция 2.3
«Политическая культура и идеологии»

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мордовский государственный университет, Ковылкинский филиал
г. Ковылкино, Россия

Политизация современной жизни является неотъемлемым фактом общественного развития. Нередко беседа, дискуссия, диалог по любой теме приобретают политический оттенок. Когда же дискуссия обостряется, и кто-нибудь из спорящих переходит на высокий тон, его упрекают в отсутствии политической культуры.

Политическую культуру часто отождествляют с образованностью. Считается, что политическая культура может быть только у образованных людей, а у людей с низким образованием ее нет. Не менее часто политическую культуру путают с политическим поведением.

Политическая культура – это культура политического мышления и политической деятельности, а также степень цивилизованности характера и способов функционирования политических институтов, организации всей политической жизни в обществе.

Кризисные явления, возникшие в российском обществе побудили общественное сознание к поиску эффективных путей их преодоления. Перед обществом в целом и перед каждым человеком в отдельности встают задачи оценки предшествующей эпохи, определения путей дальнейшего развития. В этих условиях приобретает особое значение процесс согласования и сбалансированности интересов всех социальных групп российского общества, который, конечно, не может происходить однозначным образом, прежде всего, по причине многообразия спектра социальных интересов: политических, экономических, духовных, культурных и т.д. Другой причиной, обуславливающей высоту согласования интересов граждан России, является уровень их культуры (политической, экономической, духовной и т.д.), без которой найти приемлемый консенсус интересов социальных групп представляется невозможным.

В связи с этим во весь рост встает проблема оптимизации интересов людей и их культуры, и, в том числе, политических интересов и политической культуры, поскольку именно они вместе с экономическими интересами определяют степень прогрессивного развития общества в целом. Надо сказать, что исследование проблем политических интересов и политической культуры субъектов общественной жизни было достаточно широким и глубоким. Вместе с тем из поля внимания исследователей этих проблем выпали весьма существенные вопросы взаимосвязи политических интересов субъектов общественного развития и их политической культуры, их соотношение между собой, а также с рядом таких важных политических феноменов, как властные структуры, общественно-политические движения и т.д. К нерешенным вопросам философии и социологии политики относится определение исторического места и социальных функций политических

интересов и политической культуры в становлении личности на всех этапах ее развития.

Во многих научных публикациях отечественных политологов политическая культура определяется через понятия «политика», «политическое сознание». Нельзя согласиться с теми авторами, которые ограничивают политическую культуру сферой политического сознания, так как последнее, в конечном счете, зависит от политических отношений и находится с ними в тесной взаимосвязи. Методология научного исследования феномена политической культуры предполагает анализ ее содержания с позиции единства духовных и практических начал. Формировать политическую культуру людей без заботы об экономике – пустая затея. Функциональные элементы политической культуры молодой личности: политическая образованность, политическая сознательность, политическая деятельность.

В различных политологических исследованиях рассматриваются специфика и особенности политических интересов молодежи через такие составляющие их элементы, как потребность в политических знаниях и политической информации, интерес к политической власти и способам ее осуществления, к политическим деятелям, их деятельности и собственно политической работе.

Особую актуальность в настоящее время приобретает исследование механизма взаимодействия интересов и политической культуры с точки зрения его влияния на политическое развитие молодежи, которой на протяжении десятилетий отводилась пассивная роль объекта воспитания, что, естественно, отчуждало ее от решения проблем общества, ставило на обочину общественного развития.

Между тем стремление более глубоко понять природу механизма взаимосвязи интересов молодежи и ее политической культуры отвечает внутренним потребностям российского общества, заинтересованного в расширении теоретических представлений об этих явлениях, имеющих фундаментальное, в том числе и практическое, значение, в деле реформирования политического устройства общественной жизни.

Актуальность исследования политической культуры современной российской молодежи определяется:

- необходимостью широкого и глубокого изучения сущности политических интересов молодежи и ее политической культуры в условиях современного российского общества;
- необходимостью создания оптимальных условий для развития у молодежи интереса к политической жизни страны на основе новой политической культуры;
- потребностью поиска оптимальных форм политического становления молодежи в условиях актуализации процесса становления и формирования государственной молодежной политики;
- необходимостью нахождения средств и способов утверждения молодежи в качестве полноправного и полноценного субъекта политических интересов в обществе.

Мне кажется, что политическое просвещение необходимо. Молодежь как социальная группа не избежала негативного воздействия административно-бюрократической системы, выразившегося в разочаро-

вании ее в идеалах современного политически развитого общества. Новые политические силы, пришедшие к власти в конце XX века, смогли предложить молодежи идеи, которые служат для нее путеводной звездой. Но идеи капитализации общества усиленно пропагандируемые средствами массовой информации, с неизбежностью приводят к духовному разложению значительной части молодежи. Очень важно политическое просвещение в среде молодежи, особенно в данный период, так как 2009 год Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым объявлен «Годом молодежи». Тогда же еще, если не сейчас будет возможность акцентировать внимание на исследовании политической культуры современной российской молодежи.

Н.С. Шкурко

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИМПЕРСКОГО МИФА

Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова,
г. Якутск, Россия

В российских реалиях в качестве предмета философского осмысления политический миф стал рассматриваться только с конца 90-х гг. (Антонян Ю.М., Богданова М. А., Полосин В.С., Тимофеев М. Ю), но сила мифологического мышления – по мнению экспертов, – выступает «едва ли не самой важной и вместе с тем самой тревожной особенностью современной политической жизни» [1, с. 153]. Кр.Флад обосновал политический миф как «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах» [2, с. 43]. Для А.Цуладзе политический миф – «это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимации власти, осуществления политического господства» [3, с.56-57]. В рамках данной статьи политический миф характеризуется как «целостная картина мира, в которой отражены не только цели системы, но и средства их достижения, способы объяснения политической действительности, апеллирующие к разуму и эмоциям потребителей данного мифа».

Политические мифы отличаются от мифов традиционных по таким параметрам, как: • современность, конкретность; • авторское начало, научный подход; • пути распространения через средства массовой коммуникации.

Чтобы сделать идею или конкретного политика мифологическим персонажем, необходимо ввести их в содержание национального «вечного» мифа, составляющего «душу» народа. В отечественной политической культуре такой мифологической доминантой выступает имперская идеология (К. Флад, Р. Уортман, М. Эдельман, А. Н. Мосейко, Н. Н. Фирсов, А. Е. Щер-

баков), у истоков которой был вдохновенный миф об исторической миссии Руси Иллариона Киевского (1051-1054). В «Слове о законе и благодати» первый славянский епископ изложил учение о равных правах всех православных народов на достойное место в мировой истории и предрек власти киевских князей выход за региональные рамки, «ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышна всеми четьрьмя концами земли».

Усложнение политических процессов и институтов в последующие столетия побуждало отечественных правителей и обслуживающую их религиозно-интеллектуальную элиту создавать новые варианты политических мифов, апеллируя к глубинным слоям массового сознания подданных. Так, эпоха ордынского ига и удельных войн породила миф о предназначении рода Даниловичей «сбирать земли вокруг Москвы», «дабы свеча дела не погасла».

Масштабный кризис, связанный с гибелью Византийской империи (1453) – выдвинул единственное сохранившее независимость православное государство на лидерские позиции последней крепости истинной веры. Созданный старцем Филофеем новый политический миф «Москва – третий Рим», воплощал в доступном широком массам образе идеал «избранного» народа и государства, законного преемника славы христианских владык: » Церковь старого Рима пала, второго же Рима – константинопольскую церковь иссекли секирами... Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть» [4, с. 30]. Миф о Третьем Риме стал идейной опорой страны в обосновании своей исторической функции.

Империя развивалась как инструмент ограждения православного пространства, поддержание определенной дисциплины внутри которого обеспечивалось за счет идеологических инструментов. Наличие примата религиозных (религия – как форма идеологии) мотивов над национальными и прагматическими прослеживается в российской политике вплоть до начала XX века.

Великолепный знаток церковного права Ф. Прокопович (1681-1736) ввел в русскую политическую культуру понятия, взятые у теории договорного права, и определил существо верховной власти – «майэстет» – как власть, которой «по Бозе больше нет в мире», и которую не может уничтожить человеческая воля: «Может монарх государь законно повелевати народу не только, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и то, что ему не понравится; только бы народу не вредно и воле Божией противно не было». Заслугой лидера «ученой дружины» является и формирование образа разумного, видящего за далекие горизонты владельца империи – отца народа, спасителя Отечества, «учителя народа» (22 октября 1721 года Сенат преподнес Петру титулы Императора, Отца Отечества и Великого) [5, с. 153].

Начиная с XVIII века, для прогрессивной и прогосударственно настроенной части образованного российского общества политический миф о победном характере существования государства трансформировался в идею служения Родине, отечеству. В эпоху капитализации страны происходит трансформация имперского мифа в «русскую идею», утверждающую кардинальное отличие российской цивилизации от западного и вос-

точного путей цивилизационного развития (С. В. Алексеев, А. В. Гулыга, О. М. Здравомыслова). Ф.М.Достоевский, последовательно отработав в своих философских романах возможные последствия модернизаций по восточной и западной технологии, утвердил «русскую идею» как идею об исключительной миссии русской нации: «сказать миру слово, совершить деяния, которые приведут к мировому человеческому всеединству с помощью христианства как религии всемирного единства «во Христе»». Евразийцы Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.Н.Гумилев интерпретировали русскую идею как идею построения полиэтнической общности и религиозного единства всех народов Евразии, вне зависимости от родственности-неродственности их происхождения.

В советскую эпоху на основе мифа о православной (правильной, единственно верной для спасения души) империи конструируется миф о первом в мире социалистическом государстве трудящихся (правильном, единственно верном для спасения пролетариата от тысячелетнего угнетения эксплуататорами). Большевицкий «Третий Рим» имел свой пантеон, состоящий из основоположников идеологии и государства, свой некрополь и свою историю, которая начиналась с момента Революции (вся предшествующая отечественная история трактовалась как царство мрака и несправедливости).

Рассмотрение политической истории новой России (после 2000 года) дает богатый набор современных экспликаций «вечного мифа», отвечающего потребностям населения российской провинции и национальных окраин. Так, неизменным остается тяготение россиян к харизматическому лидеру, смешение образов монарха и президента. По данным Левада-центра, отрицательно относясь к восстановлению монархии (66%), россияне ожидают от лидера страны ряда качеств монарха – харизмы, предвидения, «сильной руки», сохраняющей целостность государственных территорий, успешной борьбы с коррупцией и преступностью. Поэтому «хозяин страны» в затруднительный момент легко дистанцируется от действий правительства и парламента, повышая свой рейтинг с помощью показательных наказаний навлекшего негодование общественности олигарха или высокопоставленного чиновника.

В условиях кризиса имперский политический миф функционирует как защитный механизм, препятствуя распаду социума.

Вырабатываемые символической элитой политические мифы становятся компонентом массового сознания населения, если совпадают с «вечными» мифами (архетипами этнического и цивилизационного самосознания). Таким мифом, обнаруживающим высокий жизненный и модернизационный потенциал, является имперский миф, в разные периоды отечественной истории выступающий как «Третий Рим», «Российская империя», «русская идея».

Литература

1. Мосейко А.Н. Мифы России. Мифологические доминанты в современной российской ментальности – М.: Ин-т Африки РАН, 2003.– 155 с .

2. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
3. Цуладзе А. Политическая мифология. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.
4. Паламарчук П.Г. Москва или Третий Рим? – М.: Современник, 1991. – 336 с.
5. Е.В. Анисимов. Время российских реформ – Л.: Лениздат, 1989. – 482 с.

Связь с автором: Nat-shkurko@yandex.ru

Секция 2.5
«Политическая регионалистика. Этнополитика»

И.М. Никифорова

ТРАДИЦИИ САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА-ЮГРЫ

Сургутский государственный университет
г. Сургут, Россия

Коренные малочисленные народы Севера являются разновидностью такого субъекта политической деятельности, как коренные малочисленные народы России, определение которых дано в ст.1 ФЗ от 30.04.1999 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч» человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»¹.

Уже из данного определения вытекает тот факт, что самоуправление коренных малочисленных народов Севера и его реализация имеет определенную специфику, вытекающую из особенностей традиционного уклада жизни северных народов. Так, исследователь Н.Н. Харючи отмечает следующие особенности участия коренных малочисленных народов в реализации самоуправления:

– сложность использования такой формы непосредственного осуществления местного самоуправления как собрание (сход), ввиду рассредоточенности значительной части населения в местах традиционного проживания;

– «многовековой опыт традиционной самоорганизации, форм и методов решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности»² (что, по мнению Харючи, не может не учитываться при организации местного самоуправления в местах проживания северных народов).

Сегодняшнее законодательство учитывает обычаи и традиции коренных народов в построении системы местного самоуправления. Так, уже

---

¹ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» /Сборник законодательных и правовых актов по правам коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа (извлечения) / Ханты-Мансийск, Департамент по вопросам малочисленных народов Севера ХМАО, 2002.

²Харючи Н.Н. Правовые основы организации местного самоуправления в местах проживания коренных малочисленных народов Севера – диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / ТюмГУ, Тюмень, 2004. – с. 38-39.

упомянутый ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закрепляет право коренных малочисленных народов Севера «создавать органы территориального общественного самоуправления малочисленных народов с учетом национальных, исторических и иных традиций»¹. Правовые основы общинной формы самоуправления малочисленных народов Севера и государственные гарантии его осуществления определяет ФЗ № 104 от 20.04.2000 «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». С целью реализации данного ФЗ на уровне округа Думой округа в 2001 г. был принят закон ХМАО «Об общинах коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа». На территории данного округа на сегодняшний день численность представителей коренных малочисленных народов Севера составляет 30 450 человек, из них: ханты – 17 955 чел, манси – 10 630 чел., представители других национальностей, относящихся к коренным малочисленным народам – 713 чел².

С целью понимания конкретного «содержания национальных, исторических и иных традиций» самоуправления необходимо рассмотреть существовавшую у обских угров на момент присоединения Западной Сибири к России социальную структуру и систему управления (которые были взяты русской администрацией за основу в формировании институтов местного самоуправления ханты и манси, и частично сохраняются до сих пор в местах традиционного проживания обско-угорского населения (в основном это касается семейно-родовых отношений).

В целом социальная структура обско-угорского общества накануне присоединения Западной Сибири в состав Российской империи выглядела следующим образом: основной территориальной единицей был поселок-юрт, который чаще всего был родоплеменным образованием; несколько юртов объединялось в сотню (заимствованная у татар условная единица учета податного населения), которыми управляли «сотники», «лучшие люди»; выше в иерархии находились «князцы», которые возглавляли составные части большого княжества и находились в подчинении у князя – главы крупного княжества, в русских летописях именовавшегося «большим» или «сборным».

Основной формой общественной организации обских угров в середине II тыс. н.э. были так называемые «княжества», представлявшие собой территориально-племенные объединения с системой самоуправления и сильной военной организацией. Из письменных источников, проанализированных С.В. Бахрушиным, известно о существовании по Нижнему Иртышу, Нижней и Средней Оби «княжеств» Обдорского, Ляпинского, Кодского, Казымского, Белогорского, Пелымского, Кондинского, «Нимьяна», «Бояра», «Бардака». Во время военных действий объединялись силы нескольких «князцов», складывались военно-политические союзы. Большинство княжеств были мелкими, часто в одном городе могло находиться 2-3 «княз-

---

¹Там же, ст. 11.

²<http://admhmao.ru/people/history.htm#2>

ца». При решении важных вопросов существовал обычай созывать народные собрания, роль которых, однако, была скорее ритуальной, поскольку дела обычно решались князьями по своему усмотрению, хотя на них могли оказывать влияние старики («седоголовые старцы») и члены княжеского рода.

Среди своих соплеменников князья выделялись богатством и авторитетом, власть их была наследственной. Князья выполняли определенные религиозные функции (выступали инициаторами обращений к духам и строителями жертвоприношений), и имели постоянную военную дружину, используемую для обороны укрепленных городков и военных походов; однако княжеская власть опиралась не столько на полномочия в религиозной сфере или силу военной дружины, сколько на экономический фактор – накопленное этими князьями и их родами богатство.

Низший уровень самоуправления – поселок-юрт, образованный по кровно-родственному критерию, имел собственную внутреннюю структуру. Нижним уровнем этой структуры была единица «рат», «акв рат» – «люди одного очага», включавшая родственников, ведущих свое происхождение от одного предка или, как говорят ханты, «из одного дома». Несколько родственных рат, в свою очередь, образовывали родственное объединение «сир», в основе которого лежали представления о единстве происхождения, общем культе и запрете взаимных браков¹. Два или более взаимобрачных родов «сир» образовывали фратриальную систему – таким образом, род-сир выступал как экзогамное объединение людей различных поколений и фамилий, носящих общее название, осознающих единство происхождения и осуществляющих общий религиозный культ. Здесь действовало обычное семейное право обских угров – власть старейших членов рода и патриархальный уклад жизни.

После присоединения Западной Сибири к России стали возникать новые формы родства, нередко обусловленные экономическими и политическими мотивами (адаптация пришлого инородного населения к родовым устоям обских угров, объединения родов и заключение браков между представителями обско-угорских родов для совместной уплаты ясака).

При включении Западной Сибири в состав России русская администрация учитывала существовавший у обских угров общинно-родовой способ организации общества; также был сохранен высокий социальный статус и положение «лучших людей» бывших княжеств (на месте которых были созданы новые административно-территориальные образования – волости), и материальное благосостояние, накопленное родами, как рядовыми, так и княжескими. Единственным условием, ограничивавшим экономическую свободу коренного населения, было введение ясачной повинности.

Данный подход, по мнению автора, и обеспечил относительно мирный характер вхождения территорий проживания обских угров в состав Российской Империи и легкость адаптации пришлого населения на колонизированных территориях. В советский же период времени (20-30е гг. XX

---

¹Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история / Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с. с. 230.

в.) данный опыт русской администрации игнорировался, самоуправление коренных народов с учетом их исторических национальных традиций самоорганизации фактически было ликвидировано, при этом часть накопленного социокультурного наследия коренных народов Севера была неизбежно утрачена. О последствиях такой недальновидной политики хорошо известно – это и общий упадок традиционных отраслей хозяйства, и отрыв значительной части населения от своих историко-культурных традиций и традиционного уклада жизни.

Сегодня развитие самоуправления коренных малочисленных народов Севера и обеспечение возможности их участия в реализации местного самоуправления является, безусловно, важнейшим условием выживания северных народов, сохранения их культурной самобытности и традиционных отраслей хозяйствования. Развитие самоуправления северных народов призвано обеспечивать, главным образом, защиту территорий традиционного природопользования, сохранения культурного наследия, традиционного уклада и образа жизни северных народов, реализацию в полной мере прав гражданина Российской Федерации, на что и должно быть нацелено федеральное и региональное законодательство в отношении коренных малочисленных народов Севера. Развитие же самоуправления северных народов невозможно в полной мере без учета исторических национальных традиций управления и самоорганизации этих народов, формировавшихся в течение веков и являющихся неотъемлемой частью их культурного наследия.

Связь с автором: morgulka@rambler.ru

Подписано в печать 17.11.2009 г.
Формат 84x108 1/16. Объём – 8,5 п.л.
Тираж 63 экз. Заказ №495.
Издательский центр ООО «Редакция газеты «Де-факто».
398002, г. Липецк, ул. Тельмана, 116.
Тел. (4742) 27-79-77

